

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖСЕКЦИОННЫЙ СБОРНИК № 3

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Материалы
VIII Конвента РАМИ
25–26 апреля 2014 г.
МГИМО–Университет

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

М43

*РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ.
Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru*

М43   **Межсекционный сборник № 3 «Региональная политика»** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / Под ред. В. И. Салыгина, С. Г. Лузянина, Л. В. Захаровой, А. В. Мальгина, Г. М. Лесной. — Издательство «МГИМО–Университет», 2015. — 228 с.

ISBN 978-5-9228-1369-3

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секций VIII Конвента РАМИ, который состоялся 25–26 апреля 2014 года. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1369-3

© РАМИ, 2015

Оглавление

ЧАСТЬ I

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ АРКТИКИ НА ПРИНЦИПАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В. И. Салыгин

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ АРКТИК
И И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ 9

А. К. Криворотов

ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ ШЕЛЬФОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ
И ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МИРОВОЙ ОПЫТ..... 13

С. К. Васильев

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ
НА АРКТИЧЕСКОМ ШЕЛЬФЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 22

А. Л. Бирюков

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИКИ: ЭКОНОМИКА
И БЕЗОПАСНОСТЬ..... 29

М. И. Рябова, А. О. Хубаева

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В АРКТИКЕ..... 34

ЧАСТЬ II

«ВОЗВЫШЕНИЕ» КИТАЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

С. Г. Лузянин

«ВОЗВЫШЕНИЕ» КИТАЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ..... 49

Ли Син (Li Xing)

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ И НОВОЕ МЕСТО КИТАЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ..... 63

Я. М. Бергер

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА..... 65

А. Г. Ларин

ВОЗВЫШЕНИЕ МИРОВОЙ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ —
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ 72

<i>С. Г. Лузянин, Е. И. Сафронова</i> РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ В «ВОЗВЫШЕНИИ» ШОС. ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.....	81
<i>З. А. Дадабаева</i> ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	86
<i>Е. И. Сафронова</i> ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В СВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ.....	94
<i>Л. В. Захарова</i> КНР И КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА	104
<i>М. В. Александрова</i> КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИЮ: ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	110
<i>Е. Н. Грачиков</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ	123
<i>А. С. Пятачкова</i> ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В АТР	133
<i>Р. Н. Лобов</i> К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ «КИТАЙСКОГО ФАКТОРА» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РК И ЯПОНИЕЙ	142
<i>Е. А. Шадрина</i> КРИТЕРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (на примере России и Китая).....	144

ЧАСТЬ III

«ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

ВВЕДЕНИЕ	147
----------------	-----

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: НОВЫЕ КОНТУРЫ И НОВОЕ КАЧЕСТВО?

<i>А. С. Александян</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ЕВРОПЕЙСКОЕ И ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	151
---	-----

<i>А. Н. Быков</i> СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ И ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	161
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ	
<i>В. Г. Циватый</i> УКРАИНА И ТРЕНДЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ XXI ВЕКА	171
<i>С. В. Беспалов</i> «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» 2000-Х ГГ. И СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	180
<i>В. И. Сальников</i> ОТ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К «УПРАВЛЯЕМОМУ ХАОСУ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ	189
<i>А. А. Токарев</i> КРЫМСКИЙ КРИЗИС: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА МЕЖДУ РОССИЕЙ, УКРАИНОЙ, ЗАПАДОМ.....	193
<i>Е. А. Слинько</i> ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	202
<i>Б. А. Ширяев</i> УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	208
<i>И. Д. Лошкарёв</i> ПОСЛЕДСТВИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ БЕЛАРУСИ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ; ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО — ФАКТИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ.....	217
ОБ АВТОРАХ	226

ЧАСТЬ I

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОСВОЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ АРКТИКИ НА
ПРИНЦИПАХ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ**

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ АРКТИКИ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

На современном этапе мирового развития все большее значение приобретает международное сотрудничество в энергетической сфере. От эффективности международного сотрудничества в рамках реализации энергетических проектов во многом зависит успех в освоении ресурсов таких стратегически важных и перспективных регионов как Арктика.

По своему совокупному нефтегазовому потенциалу осадочные бассейны российского арктического шельфа сравнимы с крупнейшими нефтегазоносными регионами мира. Российский участок арктического шельфа содержит от 80 до 100 млрд тонн условного топлива, что составляет около 25% мировых запасов. Однако лишь первый этап работ по разработке арктического шельфа требует инвестиций в размере более 500 млрд долларов.

К 2050 г., по оценкам ведущих экспертов, арктический шельф будет обеспечивать от 20 до 30% всей российской нефтедобычи.

Подготовку специалистов в области экономики, менеджмента, права, необходимых для успешной реализации международных проектов по освоению ресурсов арктической зоны, активно развернул Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России.

Институт имеет значительный опыт реализации образовательных и научно-исследовательских проектов совместно с ведущими университетами и научными центрами стран Арктического региона, в частности, Норвегии, Канады, Исландии.

Совместно МИЭП МГИМО и норвежским Университетом Нордланд созданы Российско-Норвежский институт энергетического сотрудничества, который в этом году отмечает свой 10-летний юбилей, и Российско-Норвежский научно-образовательный консорциум.

Активно развивается сотрудничество МИЭП МГИМО с Центром развития бизнеса и делового сотрудничества в Арктике Университета

Нордланд, в частности, ежегодно в Норвегии проводится международная конференция «Арктический диалог». В настоящее время завершается подготовка российско-норвежского сборника научно-исследовательских работ на тему «Проблемы и перспективы совместного освоения нефтегазовых ресурсов Арктики».

Еще одним исключительно важным фактором является стратегическое партнерство Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО с ОАО «НК «Роснефть» и успешная работа в МИЭП МГИМО базовой кафедры компании.

Именно «Роснефть» является сегодня ведущей компанией в реализации проектов по разведке и освоению ресурсов Арктики. Масштабные шельфовые проекты «Роснефти» стали основой ее активного международного сотрудничества с ведущими нефтегазовыми корпорациями мира. Заключено Соглашение о стратегическом сотрудничестве «Роснефти» и «ЭксонМобил», а также ряд важных соглашений о создании совместных предприятий по освоению арктического шельфа с нефтяными компаниями «Эни» и «Статойл». В прошлом году «Роснефть» и «ЭксонМобил» создали в России Арктический научно-проектный центр.

Сегодня «Роснефть» является крупнейшим недропользователем на арктическом шельфе. Компании принадлежит 44 лицензии на шельфе морей России. Запасы здесь оцениваются в 42 млрд тонн нефтяного эквивалента. По 23 лицензиям «Роснефть» уже активно работает. Компанией проведена уникальная экспедиция в Арктике, в Карском море. Речь идет о целом комплексе научных гидрологических и метеорологических исследований, анализе ледовой обстановки.

Несомненно, «Роснефть» обладает сегодня лучшей базой, наибольшим опытом и квалификацией в вопросах освоения нефтегазовых ресурсов Арктики. Ее специалисты являются ведущими экспертами по целому ряду важнейших вопросов, имеющих отношение к освоению арктических ресурсов. Многие из них преподают на базовой кафедре «Роснефти» в МИЭП МГИМО.

Базовая кафедра компании «Роснефть» — Кафедра глобальной энергетической политики и энергетической безопасности — действует в Международном институте энергетической политики и дипломатии МГИМО с 2006 г. Заведующим кафедрой является Вице-президент ОАО «НК «Роснефть» А. Н. Шишкин.

Подготовка специалистов-международников, необходимых для успешной реализации проектов по освоению ресурсов арктического

шельфа, ведется МИЭП МГИМО и Высшей школой бизнеса Норвегии в рамках российско-норвежской магистерской программы «Международный нефтегазовый бизнес и освоение ресурсов Арктики».

Имеющие чрезвычайно важное значение вопросы международного права и правового регулирования в рамках международных арктических проектов являются одной из основных составляющих магистерской программы МИЭП МГИМО «Правовое обеспечение энергетического сотрудничества и освоение нефтегазовых ресурсов Арктики».

В рамках магистерских программ МИЭП МГИМО разработаны и преподаются такие учебные курсы, как «Перспективы освоения энергетических ресурсов Арктики», «Правовые подходы к развитию арктических территорий России и зарубежных государств», «Правовые основы привлечения инвестиций в развитие Арктического региона» и другие.

Уникальных специалистов МИЭП МГИМО готовит в рамках магистерской программы «Устойчивое развитие и стратегическое управление в энергетике», которая реализуется совместно с одним из старейших и наиболее авторитетных учебных центров Великобритании — Университетом Сент-Эндрюс, который входит в 5% ведущих университетов мира.

Особое место среди международных образовательных программ МИЭП МГИМО занимает российско-норвежская программа MBA для топ-менеджеров ведущих компаний ТЭК. Обучение по этой программе проходят руководители высшего и среднего звена крупнейших российских компаний «Роснефть» и «Газпром».

В 2014 г. с учетом задач реализации арктических нефтегазовых проектов программа MBA была модернизирована и дополнена новыми учебными курсами по таким актуальным вопросам, как международное сотрудничество в реализации крупномасштабных проектов добычи нефти и газа в Арктике, совместное освоение трансграничных шельфовых ресурсов, правоприменительные механизмы при делимитации шельфовых акваторий и лицензионных участков, национальное и международное законодательство, российская и зарубежная нормативно-техническая, методическая база и правовая регламентация в области обеспечения промышленной и экологической безопасности при освоении ресурсов углеводородов в Арктике, разработка новых международных правил и норм работы в Арктической

зоне, устойчивое развитие в Арктической зоне и др. Сегодня программа МВА называется **«Международный бизнес в нефтегазовой отрасли и освоение ресурсов Арктики»**.

В рамках обучения в Норвегии магистранты и слушатели российско-норвежских программ знакомятся с практикой управления крупным энергетическим предприятием на примере проекта по добыче и сжижению природного газа на месторождении «Сновит», а также других проектов по добыче углеводородов в норвежской части шельфа Баренцева моря. Отличительной особенностью российско-норвежских программ является изучение наиболее эффективных методов организации добычи углеводородов, в особенности, в рамках освоения ресурсов континентального шельфа.

Большое значение для обеспечения качества образования имеют программы стажировок. Студенты и магистранты МИЭП МГИМО проходят практику в Министерстве иностранных дел и Министерстве энергетики России, в компаниях «Роснефть», «Газпром», «Статойл» и других, в крупных международных организациях, которые занимаются вопросами освоения Арктики.

Задача освоения углеводородных ресурсов арктической зоны является одной из приоритетных для нашей страны, по сути, одним из крупнейших национальных проектов. Совместные программы МИЭП МГИМО с ведущими компаниями позволяют реализовать наиболее эффективные механизмы подготовки высокопрофессиональных специалистов-международников для решения стратегических задач в Арктике.

А. К. Криворотов

ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ ШЕЛЬФОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ И ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МИРОВОЙ ОПЫТ

К числу ведущих тенденций современной мировой политики и экономики относятся, с одной стороны, рост глобального интереса к Арктике (с повышенным вниманием к ее энергетическому потенциалу), и, с другой стороны, усиление экологического вектора в самых различных сферах. Начинающийся процесс освоения заполярного шельфа находится на пересечении обеих тенденций. Это обстоятельство порождает сложный комплекс политических проблем, анализу которых посвящена настоящая статья. Учитывая высокую динамику процессов, автор претендует лишь на фиксацию современной ситуации (2013–2014 гг.) и выявление значимых трендов, которые, очевидно, будут определять ее развитие в дальнейшем.

Смена дискурса. Необходимо отметить, что мировые подходы к экологии арктических промыслов претерпели существенную эволюцию. В последней трети XX века, когда человечество только начинало массовую разработку заполярных энергоресурсов, проблема рассматривалась почти исключительно через призму загрязнения окружающей среды собственно при их разведке, добыче, транспортировке и переработке. Тому, безусловно, способствовали периодические техногенные катастрофы на Севере, сопровождавшиеся аварийными разливами нефти. Это, в частности, гибель платформ «Александр Кьелланд» (шельф Норвегии) и «Пайпер Альфа» (шельф Великобритании), крушение танкера «Эксон Вальдец» у берегов Аляски и авария на нефтепроводе близ Усинска в Коми (СССР).

В России проблемы аварийного загрязнения до сих пор явно воспринимаются как главные — помимо прочего, из-за тяжелой экологической обстановки в местах промысла, которая стала предметом острой озабоченности общественности в самой стране и за ее пределами. Однако, в остальных арктических странах, принадлежащих западному миру, фокус дебатов в первом десятилетии XXI века сместился под влиянием киотского процесса. Нефтегазодобыча на Севере сопряжена

со значительными выбросами CO_2 в атмосферу, причем двояко: собственно при производстве (работа дизель-генераторов, добычного оборудования, компрессорных станций) и при сжигании добытого топлива конечными потребителями. В этой связи экологические дебаты на Западе получили серьезный крен в сторону борьбы с климатическими изменениями.

Ситуацию изменила произошедшая весной 2010 г. катастрофа платформы «Дипутер Хорайзон» на скважине «Макондо» в Мексиканском заливе, с последующим колоссальным выбросом нефти в море. Расследование этого происшествия вскрыло явную недостаточность и требований к безопасности работ, и их фактического исполнения¹.

Мировая общественность остро ощутила масштаб экологических рисков морской нефтедобычи, многократно возрастающих на арктическом шельфе с его суровыми климатическими условиями, полярной ночью, наличием льдов и неразвитой инфраструктурой. Результатом явилось резкое ужесточение природоохранных режимов на всех шельфах мира, и в первую очередь именно на Севере. Экологические соображения, наряду с потрясениями в мировой экономике (включая мощные структурные подвижки на газовом рынке), стали одной из главных причин торможения целого ряда арктических проектов в 2012–2013 гг.

Несмотря на это, полной их остановки не наблюдалось. За Полярным кругом реализуется целый ряд добычных проектов, продолжается лицензирование новых участков в различных шельфовых провинциях. Дело в том, что, с одной стороны, остается приоритетная для всех арктических задача освоения заполярного шельфа (в интересах и внешней, и энергетической политики), пусть и под существенно более жестким природоохранным контролем государства.

С другой стороны, в США и в Северном море активно формируются новые реалии шельфовой энергетики: морские ветровые и волновые электростанции (включая конверсию старых нефтяных платформ), продление сроков работы нефтегазовой инфраструктуры как альтернатива ее опасному демонтажу, обратная закачка CO_2 в пласты. В США, Великобритании, Норвегии ускоренно формируется законодательство о развитии альтернативной энергетики на шельфе. Эти явления снимают жесткую дихотомию «нефть или охрана морской среды», которую сейчас исповедуют лишь экологические движения экстремистского толка типа «Гриписа». На практике, речь скорее идет о двумерном пространстве политических выборов, схематично представленном на рисунке.

На плоскости, отражающей приоритеты национальных правительств, по горизонтальной оси отложена значимость экологических целей, а по вертикальной — расширения добычи на шельфе. Нулевая точка на оси соответствует нейтральному отношению к проблеме. Таким образом, в верхнем левом квадранте находятся варианты политики, при которой правительство готово пожертвовать экологическими соображениями во имя наращивания добычи, в правом нижнем — наоборот. Наиболее интересен правый верхний квадрант, где для правительства приоритетны оба направления и необходимо изыскать некий компромисс.

На схеме приведены общие оценки политического выбора отдельных арктических государств. Автор полагает необходимым дать следующие пояснения.

Россия. Указом Президента В. В. Путина 20 февраля 2013 г. утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации². Целый ряд ее положений напрямую касается освоения арктического шельфа, содержит реалистичные оценки его текущего положения и перспектив. В частности, в Стратегии признано, что в России не разработаны соответствующие технологии и имеются угрозы, связанные с низким уровнем развития инфраструктуры в регионе. При этом поставлены задачи широкого исследования шельфа, разработки и внедрения передовых технологий для его освоения, государственной поддержки и стимулирования хозяйствующих субъектов, защиты интересов государства и экологической безопасности на шельфе и совершенствования транспортной инфраструктуры Арктического региона. Характерно, что, в отличие от ранее принимавшихся правительственных программ, формирование новой нефтегазодобывающей провинции на арктическом шельфе ожидается не ранее чем в следующем десятилетии, но подготовку планируется провести уже до 2020 г.

Геологическое изучение и освоение шельфа морей как Западной, так и Восточной Арктики заметно активизировалось. Весной 2014 г., несмотря на противоправные акции протеста «гринписовцев», начата добыча нефти на первом российском заполярном морском месторождении — Приразломном. В конце 2013 г. был принят пакет важных поправок к действующему законодательству о континентальном шельфе, которые устраняют целый ряд имевшихся юридических пробелов, позволяют эффективнее привлекать передовые технологии и обеспечивают арктическим проектам необходимые меры налогово-

го и таможенного стимулирования. «Роснефть» создала шельфовые партнерства с крупнейшими нефтегазовыми компаниями из США, Норвегии, Италии, КНР, «Газпром» заключил аналогичный меморандум с «Шелл». Бурение первой скважины в Карском море в рамках партнерства «Роснефть»–«ЭксонМобил» запланировано на лето 2014 г.

И в Стратегии, и в принятой в ее развитие правительственной долгосрочной программе 2014 года³ ощутим перевес в сторону обеспечения в Арктике национального присутствия, прежде всего экономического. Кроме того, с заполярным шельфом связаны большие надежды на восполнение падающей добычи нефти и газа в традиционных районах Западной Сибири. Вопросам охраны природы при освоении Арктики отводится значительное место, но они скорее воспринимаются не как самоцель (кроме особых случаев типа операции по очистке Земли Франца-Иосифа), а как обязательное условие ведения хозяйственной деятельности.

Отметим, что в России, сосредоточенной на внутренних проблемах и далеко не выбиравшей установленную ей квоту выбросов CO₂, борьба со всемирным потеплением (подобно ряду других мировых процессов) осталась явлением слабо изученным и осознанным, а для широкой публики — практически неизвестным. Когда страна объявила о своем выходе из Киотского протокола, это не вызвало серьезной общественной реакции. В то же время, в России вполне осознана опасность нефтяного загрязнения арктических морей. По мере разведки и разработки арктического шельфа, которые сейчас активно набирают ход, экологические проблемы, очевидно, приобретут дополнительную остроту и актуальность.

Наиболее остро проблема сочетания добычных и природоохранных целей стоит в **Норвегии**, которая, входя в число ведущих мировых экспортеров нефти и газа, весьма гордится и своими имиджем «экологической сверхдержавы».

Сейчас в норвежском секторе Баренцева моря царит небывалый оптимизм. Его причины — запуск в 2007 г. пионерного газового месторождения Снёвит (с первым в Европе заводом по сжижению газа), открытие целого ряда новых крупных месторождений и подписание в 2010 г. Мурманского договора с Россией о разграничении ранее спорного участка акватории площадью 175 тыс. км², известного в России как «серая зона». В результате ее равного раздела прогнозные ресурсы

Норвегии выросли, по оценкам Норвежского нефтяного директората, примерно на 300 млн т нефтяного эквивалента.

Левоцентристское правительство Й. Столтенберга (2005–2013 гг.), активно поддержанное нефтяниками и местными губернаторами, поставило задачу формирования в Баренцевом море новой добычной провинции, с максимизацией региональных эффектов для прибрежных районов Северной Норвегии. Это хорошо вписывается и в правительственную Стратегию действий в Заполярье, и в долгосрочные планы энергетической политики — обеспечить плавное, а не скачкообразное сокращение добычи углеводородов в стране, прошедшей свой пик в 2004 г.

Правительство намеренно создавало в регионе атмосферу позитивных ожиданий, обещая создать «Персидский залив Баренцева моря». Соображения производственного плана при этом явно преобладали над природоохранными. Норвежские экологи Г. Шельдал и У. Берге даже назвали Й. Столтенберга самым сильным нефтяным политиком в норвежской истории. Анализ научных работ, написанных им еще до ухода в большую политику, не оставляет сомнений, что его подлинная цель — обеспечить максимальный уровень добычи нефти и газа на норвежском шельфе прежде, чем прогресс в области альтернативных энергоисточников их обесценит⁴.

Й. Столтенберг принимал деятельные меры к тому, чтобы успокоить весьма активных и влиятельных норвежских «зеленых». В частности, он напирал на то, что увеличение добычи природного газа позволяет вытеснить уголь, который при сжигании дает намного большие выбросы CO₂ и иных загрязнителей. Им же был введен в политический лексикон термин «сосуществование» нефтяной и рыбной промышленности, призванный затушевать различие их интересов на море.

В целом правительству удавалось избегать острых конфликтов и поддерживать высокий интерес инвесторов к своему заполярному шельфу. В ходе 22-го раунда лицензирования, завершившегося в июне 2013 г., было выдано 20 новых лицензий в Баренцевом море и 4 — в Норвежском (в Северном море не было выдано ни одной). В числе лицензиатов оказались российские «Лукойл» и «Роснефть», ранее прошедшие необходимую переквалификацию. В Норвежском море осваивается нефтяное месторождение Оста Ханстеен, в Баренцевом — Голиат.

В то же время, по экологическим причинам неудачей завершились два знаковых политических проекта, связанных с арктическим шельфом.

Во-первых, провалилась амбициозная программа организации улавливания и обратной закачки в пласт CO_2 на Снёвите и на нефтеперерабатывающем заводе в г. Монгстад. По значению для развития научно-технического потенциала и престижа страны сам Й. Столтенберг сравнил ее с высадкой на Луну. Однако, как выяснилось позднее, снижение выбросов CO_2 было начато с задержкой, оказалось намного меньше заявленного и реализовано преимущественно за счет бюджета (что стало предметом серьезного разбирательства государственной ревизии).

Во-вторых, бывший премьер настойчиво добивался снятия установленного в 2001 г. моратория на нефтепоисковые работы на шельфе Лофотенских островов — в одном из ведущих районов рыбного промысла в мире. Однако, эти усилия натолкнулись на организованный и жесткий отпор рыбаков, «зеленых» движений и даже лидеров небольших партий-партнеров Й. Столтенберга по правительству. По мнению наблюдателей, данный фактор сыграл значимую роль в том, что по итогам парламентских выборов осенью 2013 г. левоцентристский кабинет подал в отставку. Сменившая его правоконсервативная коалиция зависит от поддержки в парламенте двух малых буржуазных партий, которые также являются сторонниками моратория. Поэтому, хотя нынешний кабинет и поддерживает «разбуривание» Лофотен, но вынужден был пойти навстречу союзникам и объявить, что не станет поднимать данный вопрос минимум до следующих выборов, т. е. до 2017 г.

США дают наиболее интересный пример мощной эволюции политических подходов. В этой стране с 1981 г. на 85% внешнего континентального шельфа (т. е. расположенного за пределами территориальных вод и находящегося в федеральной юрисдикции) действует мораторий на сейсмосъемку, поисковое бурение и добычу. Бывший Президент Дж. Буш-мл., выступая под лозунгами обеспечения национальной энергетической безопасности в условиях войны с мусульманским терроризмом, настойчиво предлагал Конгрессу США снять этот мораторий, равно как и запрет на добычу в другой арктической территории — Аляскинском национальном заповеднике.

Б. Обама вскоре после избрания Президентом США в 2008 г., напротив, заявил, что намерен не торопиться с открытием шельфа, а «пождать формирования более комплексной энергетической стратегии». Он начал с жесткой линии в отношении нефтяников (включая ликвидацию большого числа отраслевых налоговых льгот) и всемерной пропаганды «чистой энергетики» — ветровой, водородной и др. Хотя США

формально не участвовали в Киотском протоколе, Б. Обама заявил о намерении исполнять его положения, воплотив целый ряд их в актах внутреннего американского законодательства.

Однако, уже к 2010 г. им была осознана невозможность полного отказа от нефтяного топлива или даже существенного ограничения его потребления в краткосрочной перспективе. Кроме того, начало разработки сланцевого газа в США, понизившее цены на газ, прежде всего, на внутреннем рынке, объективно стало мощным конкурентным преимуществом Америки, неоценимым в условиях глобальной рецессии. Поэтому уже к 2012 г. у Администрации сформировалась политика, условно называемая «всего понемногу» (англ. «all of the above») и направленная на снижение зависимости США от импорта энергоносителей. Она одновременно предусматривает более широкое применение возобновляемых источников энергии, рост собственной добычи нефти и газа, в т.ч. на шельфе, и повышение энергоэффективности экономики. В Национальной стратегии для Арктического региона, утвержденной Президентом Обамой в мае 2013 г., особо подчеркнута роль его энергетических ресурсов в обеспечении энергобезопасности США — «центрального компонента стратегии национальной безопасности» страны⁵.

В то же время, вопросы экологии остаются серьезным сдерживающим фактором и для Вашингтона, и для бизнеса. Это наглядно продемонстрировали проблемы компании «Шелл», которая в 2008 г. за 4 млрд долл. США приобрела на аукционе лицензии в Чукотском море и море Бофорта, но пока не пробурила там ни одной скважины. Сначала американские госорганы, памятуя о печальном опыте «Макондо», подвергли заявку «Шелл» на бурение многомесячному анализу, затребовав дополнительно собрать целый ряд данных. Когда же разрешение было получено, буровая установка «Куллук», едва начав работы осенью 2012 г., тут же их свернула (по сообщениям «Шелл», из-за плохой погоды), а затем при транспортировке потеряла ход и попала на прибрежные рифы Аляски. Кроме того, недавно американский суд признал аукцион 2008 г. малообоснованным. В итоге «Шелл» пропустила буровые сезоны и 2013, и 2014 гг.

Утвержденная Администрацией США в 2012 г. очередная Пятилетняя программа лицензирования шельфа предполагает проведение аукционов по продаже лицензий на новые блоки на шельфе Аляски — в заливе Кука, морях Бофорта и Чукотском. Однако, они планируются не ранее 2016–2017 гг., т.е. уже по окончании президентского срока

Б. Обамы. Вполне возможно, что авария на «Куллук» может дополнительно отодвинуть сроки и аукционов, и последующих поисково-разведочных работ.

В Канаде основное внимание уделяется разработке ресурсов материковой провинции Альберта, включая добычу битуминозных песков и строительство завода по сжижению газа на тихоокеанском побережье страны. На шельфе же действуют достаточно осторожно, причем только в североатлантических провинциях. В 2012 г. принято знаковое решение об освоении месторождения Хеброн на шельфе острова Ньюфаундленд, в зоне воздействия гренландских айсбергов. В 2013 г. объявлено о планах лицензирования шести крупных блоков у побережья провинции Новая Шотландия.

На шельфе Канадского Арктического архипелага активных работ пока не планируется, за исключением, возможно, сейсмосъемки в заливе Баффина (заявка рассматривается с мая 2011 г.). Министерство по делам коренных народов и развитию Севера и Национальный энергетический совет Канады, каждый по своей линии, выполняют соответствующие оценки воздействия на окружающую среду и проводят серии слушаний с местным населением. Итоговых документов до настоящего времени не выпущено.

Наконец, на шельфе Гренландии — самоуправляющейся арктической территории Дании — независимая британская компания «Кэйрн Энерджи» в 2012 г. пробурила несколько скважин. Был открыт газ, но в небольших размерах, не допускающих рентабельной эксплуатации. «Кэйрн», потерявшая на этом десятки миллионов долларов, заявила, что интерес к Гренландии у нее сохраняется, но в сезон 2013 г. бурения не вела.

Власти острова, которые с 2009 г. самостоятельно управляют его недрами, настоятельно требуют обеспечить его экономический подъем — тем более, что пришедший к власти весной 2013 г. кабинет Алеки Хэммонд выступает за финансовую независимость и полное государственное отделение от Дании. В то же время, соображения экологического плана (наряду с опасениями впасть в зависимость от иностранных инвестиций) сдерживают нефтегазопоскоковые работы. Стратегия гренландского правительства, вновь подтвержденная в феврале 2014 г., предусматривает бурение одной поисковой скважины раз в два года.

Выводы. Проведенный обзор показывает, что единообразия в подходах арктических государств по данному вопросу не наблюдается.

Заявляя сходные задачи и в Арктике, и в сфере энергетики, власти каждой страны решают их различными методами. Причем специфика поведения каждого правительства определяется не только объективными условиями (острота проблем экономического роста и энергообеспечения, национальный политический механизм), но также его общеполитическими подходами и даже субъективными взглядами отдельных руководителей. В целом, однако, заметно, что вопросы экологии применительно к арктической нефтегазодобыче сейчас воспринимаются острее, чем несколько лет назад. Общественность оказывает на власти возрастающее давление (включая даже учащение случаев «экологического экстремизма»). И если нефтегазовые компании не продемонстрируют способности эффективно и безопасно вести промысел в высоких широтах, то оно способно стать мощным фактором, тормозящим освоение Арктики в глобальном масштабе.

Учитывая глобальный характер проблемы и угрозы трансграничных загрязнений, весьма полезным инструментом может стать развитие международного сотрудничества (особенно в рамках Арктического совета), унификация подходов отдельных стран и фиксация их в международных договорах и стандартах. Представляется, что России, обладающей наиболее крупным и потенциально богатым сектором арктического шельфа, следует играть в этом процессе лидирующую роль.

¹ Deep Water. The Gulf Oil Disaster and the Future of Off shore Drilling: Report to the President / National Commission on the BP Deepwater Horizon Oil Spill and Offshore Drilling. — Wash., 2011. — P. 115.

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации // Опубликовано на сайте Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.government.ru>.

³ Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» : постановление Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 № 366 // Опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ Skjeldal G., Berge U. Feber. Historia om norsk olje og gass / G.Skjeldal, U.Berge. — Oslo: Cappelen Damm, 2009. — S. 164–179.

⁵ National Strategy for the Arctic Region. — Wash: The White House, 2013. — P. 7.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ НА АРКТИЧЕСКОМ ШЕЛЬФЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В мировой нефтегазовой отрасли приоритеты в области разведки и добычи углеводородов в настоящее время распределяются приблизительно следующим образом. Большая часть промышленных открытий месторождений углеводородов, хотя и с некоторым ежегодным снижением, приходится на глубоководные шельфовые месторождения. Сланцевая революция в США позволила вести добычу сланцевых нефти и газа в широких промышленных масштабах, а внедрение инновационных технологий привело к освоению и разработке считающихся трудноизвлекаемыми ресурсов углеводородов, таких как сверхтяжёлая нефть, нефти твёрдых пластов и битуминозных песков. В Норвегии, за счёт широкого внедрения самых передовых инновационных технологий добычи углеводородов на шельфовых месторождениях, прежде всего с целью значительного повышения коэффициента извлекаемости нефти и газа, происходит так называемая «ревитализация» давно разрабатываемых и значительно истощённых месторождений нефти и газа с целью довести коэффициент извлечения углеводородов на таких месторождениях до 70–90 процентов. Эта мера позволит избежать значительных инфраструктурных затрат для освоения новых месторождений и одновременно увеличить объёмы извлекаемых запасов углеводородов на 30–40 процентов.

Новой «старой» тенденцией выхода на крупные месторождения энергоресурсов промышленного масштаба является более активное освоение углеводородов Арктики. Для того, чтобы оценить перспективы добычи углеводородов на Арктическом шельфе в контексте существующих глобальных тенденций, направленных на обеспечение доступа ведущим энергетическим компаниям к новым месторождениям углеводородов, представляется целесообразным кратко рассмотреть в каких масштабах велось освоение энергетических ресурсов Арктики до настоящего времени и каковы стратегические планы ведущих мировых нефтегазовых компаний по их освоению. Следует

сразу же оговориться, что в ледовой части Арктики конкретные планы геологоразведки и разведочного бурения, а также разработки уже осваиваемых месторождений на арктическом шельфе, имеются лишь у российских компаний. Известно, что поскольку опыта работы на шельфе у «Роснефти» и «Газпрома» недостаточно, эти компании в области освоения ресурсов Арктики успешно сотрудничают с ведущими мировыми нефтегазовыми лидерами. Материалы о таком сотрудничестве, размещённые на сайтах компаний «Газпром» и «Роснефть» являются тому подтверждением.

Первые месторождения углеводородов в Арктике были открыты в России (Газовское месторождение) в 1962 г. Затем, в 1967 г., с открытием месторождения Прудо Бей началось промышленное освоение углеводородов на шельфе Аляски. Всего в настоящее время открыто более 60 крупных месторождений, в том числе 43 в России. Согласно спекулятивным оценкам, в Арктике залегают порядка четверти всех ресурсов углеводородов, в том числе 20 процентов «неоткрытых извлекаемых» ресурсов природного газа. В 2008 г. Служба геологической разведки США дала следующую оценку углеводородам Арктики: из 33 оцененных осадочных провинций в 25 из них залегают более 50 миллионов баррелей углеводородов в нефтяном эквиваленте. Всего ресурсы углеводородного сырья Арктики оцениваются в 90 миллиардов баррелей нефти, 1669 триллионов куб. футов газа и 44 миллиарда баррелей газоконденсатов. 84 процента из них расположены на шельфе, 67 процентов составляет природный газ. Кажется очевидным, что следующим шагом крупнейших мировых нефтегазовых компаний будет интенсивное освоение энергетических ресурсов Арктики. Однако в настоящее время мы наблюдаем сравнительно активную деятельность лишь в «ледовой» части Арктики. Это и неудивительно: лишь одна треть Арктики представлена сушей, одна треть — это шельф с глубинами порядка 500 метров и одна треть — море с глубинами более 500 метров. Скованная льдами значительная часть Арктики, заповедные погодные условия, полярная ночь, айсберги, хрупкая экосистема — вот самые очевидные и не требующие разъяснений препятствия и трудности на пути освоения энергетических ресурсов Арктики. Вместе с тем, истощение традиционных ресурсов углеводородов делает освоение арктических делом необходимым, а наличие в Арктике крупных и гигантских месторождений делает их освоение экономически выгодным с точки зрения инфраструктурных затрат.

Для того, чтобы представить достаточно полную картину перспектив освоения энергетических ресурсов «ледовой» Арктики, необходимо ознакомиться с материалами на сайтах компаний «Газпром» и «Роснефть», тем более, что в других странах арктического региона, за исключением Гренландии, какой-либо значительной нефтегазовой деятельности не наблюдается.

ГАЗПРОМ

«Газпром» обладает 30 лицензиями на месторождения, расположенные на российском арктическом шельфе. Работа в этом регионе ведется в соответствии с Программой освоения ресурсов углеводородов на шельфе Российской Федерации до 2030 года. Стратегическим нефтегазоносным районом российской Арктики является *Ямал. Промышленное освоение месторождений Ямала и прилегающих акваторий имеет принципиальное значение для обеспечения роста российской добычи газа*. На полуострове и в прилегающих акваториях открыто 11 газовых и 15 нефтегазоконденсатных месторождений, разведанные и предварительно оцененные запасы газа которых составляют порядка 16 трлн куб. м, перспективные и прогнозны ресурсы газа — около 22 трлн куб. м. Запасы конденсата оцениваются в 230,7 млн тонн, нефти — в 291,8 млн тонн.

По оценкам Газпрома, начальные суммарные ресурсы углеводородов континентального арктического шельфа России составляют около 100 млрд т. у. т., из которых около 80% — газ. Основные ресурсы углеводородов (около 70%) сосредоточены в недрах Баренцева, Печорского, Карского и Охотского морей. При этом в недрах Баренцева и Карского морей преобладают газ и конденсат, в Печорском море — нефть, в Охотском море — нефть и газ. На шельфе арктических морей и Сахалина по состоянию на 1 января 2012 г. ресурсная база «Газпрома» составляет 6,8 млрд т. у. т., из них газа — 6,3 трлн куб. м. К 2030 г. в результате проведения Группой «Газпром» геологоразведочных работ на шельфе России ожидается прирост запасов в объеме более 11 млрд т. у. т. (в 2005–2011 гг. прирост запасов компании на шельфе составил более 2,2 млрд т. у. т.). Разработанной в ОАО «Газпром» Концепцией работы компании на шельфе РФ предлагается комплексный подход к обустройству месторождений Баренцева, Карского, Печорского и Охотского морей. В основе комплексного подхода лежит разработка групп близко расположенных месторождений, что позволяет оптимизировать затраты

и создает условия для совместной разработки крупных и относительно небольших морских месторождений. В частности, в Печорском море планируется совместная разработка Приразломного и Долгинского нефтяных месторождений.

В Баренцевом море предполагается комплексное обустройство Штокмановского месторождения и его сателлитов, в Печорском море — совместная разработка Приразломного и Долгинского нефтяных месторождений. Разработка месторождений Северо-Каменномыское и Каменномыское-море в акваториях Обской и Тазовской губ станет основой комплексного освоения целой группы близко расположенных месторождений.

Нефтяное месторождение «Приразломное»

«Приразломное» месторождение¹ открыто в 1989 г. Оно находится на шельфе Печорского моря, в 60 км от берега (пос. Варандей). Глубина моря в районе месторождения составляет 19–20 м. Приразломное нефтяное месторождение расположено в Печорском море в 60 км от берега. Извлекаемые запасы нефти составляют 71,96 млн тонн, проектный уровень добычи — около 6 млн тонн в год (будет обеспечен после 2020 г.). Добыча нефти на Приразломном месторождении началась в декабре 2013 г. всего за 2014 г. планируется добыть не менее 300 тыс. тонн нефти.

Основным объектом обустройства месторождения является морская ледостойкая нефтедобывающая платформа «Приразломная», с которой будет пробурено 40 наклонно-направленных скважин. Разработка Приразломного месторождения является важной частью стратегии развития нефтяного бизнеса Группы «Газпром».

РОСНЕФТЬ

Шельфовые проекты — стратегическое направление деятельности НК «Роснефть». Сейчас Компания является крупнейшим недропользователем на российском шельфе: 44 лицензионных участка на шельфе морей Российской Федерации. Запасы оцениваются в 42 миллиарда тонн нефтяного эквивалента. Особое место в шельфовых проектах «Роснефти» занимает освоение Арктики. По своему совокупному нефтегазовому потенциалу осадочные бассейны российского арктического шельфа сравнимы с крупнейшими нефтегазоносными регионами мира. По оценкам специалистов, к 2050 г. Арктический шельф будет обеспе-

чивать от 20 до 30 процентов всей российской нефтедобычи. Добыча первой арктической нефти ожидается уже в 2018 г.

Масштабные «шельфовые» планы российской компании стали основой международного сотрудничества «Роснефти» с ведущими нефтегазовыми компаниями мира. Их вклад — это не только масштабные инвестиции, но и современные технологии реализации самых сложных с технической точки зрения проектов. История стратегического международного партнерства на шельфе началась в 2011 г., когда российская компания подписала Соглашение о стратегическом сотрудничестве с ExxonMobil. В 2012 г. был заключен ряд важных соглашений о создании совместных предприятий по освоению арктического шельфа с нефтяными компаниями Eni и Statoil с долей «Роснефти» в каждом проекте по 66,67%. В начале 2013 г. «Роснефть» и ExxonMobil расширили стратегическое сотрудничество, дополнительно включив семь лицензионных участков в Арктике общей площадью около 600 тыс. кв. км в Чукотском море, море Лаптевых и Карском море, а в июне компании объявили о завершении нескольких этапов работ, включая создание совместных предприятий по реализации проектов в Карском море, согласование основ осуществления деятельности совместных предприятий в рамках семи дополнительных лицензий в российской арктической зоне. Кроме того, «Роснефть» и Statoil объявили о завершении сделок по разработке участков на российском шельфе в Баренцевом и Охотском морях, а именно: Лисянскому, Кашеваровскому, Персеевскому участкам и участку Магадан-1. Также «Роснефть» и Eni S.p.A. объявили о завершении формирования организационных структур сотрудничества, а также подписании всех окончательных соглашений, и выполнении всех условий, необходимых для реализации проектов на шельфе Баренцева моря.

Практический старт беспрецедентному проекту по освоению шельфа Арктики «Роснефть» дала в августе 2012 г., когда специалисты Компании приступили к «полевым» работам в Карском море. Речь идет о целом комплексе научных гидрологических и метеорологических исследований, анализе ледовой обстановки, — мероприятиях, которые предшествуют любому поисково-разведочному бурению. В короткий арктический сезон 2012 г. «Роснефть» выполнила 5,3 тыс. погонных км сейсморазведки 2D и 3,8 тыс. кв. км сейсморазведки 3D. На основе полученной геологической информации выбрана перспективная структура «Университетская» в Карском море для бурения первой скважины.

Планируется, что бурение начнется в 2014 г. — на год раньше лицензионных обязательств. В рамках партнерства с ExxonMobil «Роснефть» уже заключила контракт на разработку концепции передвижной буровой платформы с гравитационным основанием для арктического шельфа. Платформа позволит продлить сезон бурения на шельфе в арктических условиях.

НК «Роснефть» приступила к реализации проектов в Карском и Баренцевом морях, получив в 2010 г. 4 лицензии на изучение шельфа арктических морей: три из них — на участки в Карском море, Восточно-Приновоземельские — 1, 2 и 3 и одну лицензию на Южно-Русский участок в Печорском море. Ресурсы перечисленных участков оцениваются в 21,5 млрд тонн нефтяного эквивалента.

Карское море является продолжением Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, обеспечивающей 60% текущей добычи нефти в стране. Глубина моря составляет 40–350 м, сложная ледовая обстановка (лед 270–300 дней в году), температура зимой — до минус 46°С, толщина льда — 1,2–1,6 метров. Приновоземельские участки Карского моря исследованы с помощью методов 2Д сейсмоки. Оценочные извлекаемые ресурсы нефти по трем участкам — 6,2 млрд т, ресурсы углеводородов — до 20,9 млрд т нефтяного эквивалента.

С 2012 по 2016 гг. запланировано дальнейшее изучение Приновоземельских участков методами сейсмоки 2Д и 3Д. Первую поисковую скважину планируется пробурить в 2015 г.

STATOIL

«Роснефть» и Statoil подписали соглашения по созданию совместных предприятий для проведения геологоразведочных работ на шельфе на четырех шельфовых лицензионных участках в рамках реализации Соглашения о сотрудничестве, подписанного сторонами 5 мая 2012 г. Речь идет об участке Персеевский в Баренцевом море и участках Кашеваровский, Лисянский и Магадан-1 в Охотском море.

Персеевский участок расположен в западном секторе Баренцева моря — в районе, сопредельном с экономической зоной Норвегии. Глубины моря: 120–240 метров. Участки Магадан-1 (глубины моря: 100–160 метров), Лисянский (глубины моря: до 200 метров) и Кашеваровский (глубины моря: 140–350 метров) расположены в Охотском море. Суммарные прогнозные ресурсы указанных четырех участков составляют около 2 млрд тонн нефти и 1,8 трлн куб.м газа.

Соглашением предусмотрено долгосрочное сотрудничество на перспективных участках Баренцева и Охотского морей, а также сотрудничество в рамках совместных международных проектов в Северном и Баренцевом морях. Соглашение объединяет опыт обеих компаний и является значительным шагом вперед в промышленном развитии северных территорий».

ENI

25 апреля 2012 г. «Роснефть» и Eni подписали соглашение о совместном освоении участков в Баренцевом море. Высокая перспективность участков в Баренцевом море связана с их непосредственной близостью к шельфу Норвегии, где за последние годы открыто как минимум три крупных месторождения. Определяющим фактором при принятии решения о заключении соглашения стали меры Правительства РФ по налоговому стимулированию добычи на шельфе.

Важной составляющей комплексного сотрудничества является обмен технологиями: Eni, обладает богатым опытом работы на шельфе Норвегии и других стран; предусмотренный соглашением обмен персоналом на всех уровнях будет способствовать укреплению взаимоотношений между компаниями и обмену управленческим опытом.

Соглашение о стратегическом сотрудничестве предусматривает создание совместных предприятий с долевым участием Eni в размере 33,33%, Роснефти — 66,67% для проведения совместных геологоразведочных работ на перспективных участках российского шельфа.

В соответствии с Соглашением Eni полностью профинансирует выполнение геологоразведочных работ, предусмотренных лицензионными обязательствами. Затраты на геологоразведку сверх лицензионных обязательств будут разделены между Компаниями в соответствии с их долями в проектах (33,33% у Eni и 66,67% у «Роснефти»). Eni также компенсирует основную часть исторических затрат на уже проведенные геологоразведочные работы на участках российского шельфа. Финансирование, которое предоставит Eni, будет возмещаться из денежных потоков проекта после начала добычи на любом из данных участков. «Роснефть» не будет иметь обязательств по возврату финансирования в случае отсутствия добычи в рамках проектов.

¹ <http://www.gazprom.ru/press/reports/2011/prirazlomnaya-in-murmansk/>

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИКИ: ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Государственная политика Российской Федерации в Арктике предусматривает обеспечение необходимого уровня фундаментальных и прикладных научных исследований, а также обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества с приарктическими и другими заинтересованными государствами на основе международных договоров и соглашений.

Россия и международное сотрудничество

Освоение Арктики на современном этапе определяется растущей мировой потребностью в углеводородах, а также требованиями к диверсификации поставок энергоресурсов. В последние годы Арктике уделяется повышенное внимание, в том числе и на глобальном уровне.

Конвенция ООН по морскому праву в 1982 г. предоставила право России, США, Канаде, Дании и Норвегии на разработку недр в пределах принадлежащих им исключительных экономических зон. В настоящее время Арктика является скорее районом соперничества, чем сотрудничества между участниками, претендующими на ее ресурсы. Национальные претензии каждой из пяти стран могут обосновываться разными аргументами, но главный — это технические и технологические возможности реального освоения арктических территорий.

Президентом Российской Федерации в феврале 2013 г. утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», основными экономическими задачами которой являются: освоение новых месторождений углеводородов, создание транспортных коридоров, развитие социальной инфраструктуры, повышение качества жизни населения, обеспечение экологического природного баланса и т.д. Одной из важных задач, которую также необходимо решать России — способствовать сохранению Арктики зоной мира и сотрудничества¹. Реализация Стратегии предполагает также дальнейший поиск взаимоприемлемых решений с приарктическими государствами, другими странами при изучении, освоении, эксплуатации арктических территорий и ресурсов.

Россия принимает активное участие в системе международных отношений со странами Арктического региона, являясь членом Северного форума, Совета Баренцева/ЕвроАрктического региона, а также членом Конференции парламентариев Арктического региона и Арктического совета.

Фактором стратегической значимости для России в Арктике становится расширение возможностей для мореплавания, в том числе международного, по маршруту Северного морского пути или параллельно ему за пределами территориальных вод и экономической зоны России. По оценкам специалистов, транспортировка товаров, грузов и ресурсов по маршрутам Северного морского пути будет стоить на 30–40% дешевле, чем при использовании других маршрутов. Возможно, при соответствующей организации, использование арктических маршрутов может привести к перераспределению логистических цепей в пользу Арктики, а укрепление безопасности в регионе повысит конкурентоспособность России в мировом сегменте трансконтинентальных морских перевозок.

В условиях большой протяженности российского арктического побережья (22,600 км), интереса к Арктике многих, в том числе не арктических государств, появляется настоятельная необходимость обеспечения безопасности исключительных экономических зон и государственных границ России. Важной задачей по обеспечению интересов России в Арктике является также дальнейшее уточнение, закрепление соответствующими международно-правовыми актами границ российского континентального шельфа, линий разграничения исключительных экономических зон с остальными арктическими государствами.

Российской Федерации необходимо добиваться восстановления всех прежних договоренностей и соглашений СССР, как его правопреемницы с соседними арктическими государствами, а также подтверждения положений последних международно-правовых актов в области морского права и континентального шельфа. Добиваться признания в ООН суверенных прав России на оспариваемые конкурентами арктические зоны морского и океанического дна и водного/ледового пространства.

Стратегические интересы России

Арктика для России является регионом особых экономических, политических, научных и оборонных интересов, значимость которой для экономики России трудно преувеличить — это ресурсы, как минеральные, так и биологические. По данным экспертов, в этом регионе сосредоточены до 30% неразведанных запасов газа и около 10% неразведанных запа-

сов нефти. Кроме того, Арктика — один из самых богатых биоресурсами районов Мирового океана. На Арктический регион приходится примерно 18% территории Российской Федерации. Здесь производится около 20% ВВП России и до 22% общероссийского экспорта. Площадь арктических территорий России в 1,4 раза превышает суммарную площадь остальных четырех арктических государств — это ресурсный потенциал, который при глубоком анализе может оказаться значительно выше прогнозов, поскольку ведущиеся оценочные разработки находятся на начальном этапе.

В государственной программе о «Социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» сформулированы стратегические интересы России в Арктике, обозначены масштабные задачи освоения энергетических ресурсов, других полезных ископаемых прибрежного шельфа и океанического дна². На основе имеющихся показателей очевидна значимость Арктики для развития России. Крайне важно учитывать также геостратегическое положение России как арктического государства, а также степень влияния производств, расположенных в арктических широтах, на развитие российской экономики.

Арктика является экономическим и энергетическим ресурсом, для реализации которого требуются новые, современные экономические и технологические эффективные инновационные методы исследований, разведки и разработки. Из обнаруженных в Арктике 60 крупных месторождений углеводородов — 43 расположены в российском секторе, где также сосредоточено около 100% коренных алмазов, большая часть запасов золота, платиновых металлов, никеля, сурьмы, кобальта, олова, вольфрама, ртути, апатита и др. Общие кондиционные прогнозные ресурсы залегающих углей оцениваются почти в 800 млрд т³.

В целях устойчивого обеспечения экономики страны запасами минерального сырья и геологической информацией о недрах в рамках федеральной программы «Воспроизводство и использование природных ресурсов» будет продолжено изучение континентального арктического шельфа, а также проведение геолого-геофизических и геолого-съёмочных работ. В рамках госпрограммы «Энергоэффективность и развитие энергетики» получают дальнейшее развитие крупные проекты, связанные с добычей нефти: «Приразломное нефтяное месторождение» на континентальном шельфе Печорского моря, Наульское месторождение (открытое акционерное общество «НК «Роснефть»), ввод в промышленную разработку ожидается в 2014 г., месторождения Требса и Титова (АНК «Башнефть»), ввод в промышленную разработку ожи-

дается в 2015 г.). Планируется завершение строительства нефтепровода Заполярье — Пурпе в рамках реализации программы комплексного освоения месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа и севера Красноярского края и т. д.

Суровые климатические условия Арктики выдвигают новые требования как в сфере экологии, так и в области освоения и внедрения в производство новых технологий, связанных с освоением приарктических территорий. Для реализации принятых программ и проектов по освоению углеводородных ресурсов шельфа арктических морей на уровне высочайших мировых экологических стандартов необходимо обеспечить комплексное освоение арктических территорий с созданием соответствующей инфраструктуры, это, в том числе: развитие транспортного и энергетического каркаса региона.

Качественное обновление имеющихся технических средств и создание технологий нового поколения, высокотехнологичного инновационного оборудования станет основой выполнения значительного объема прикладных научно-исследовательских работ по широкому кругу проблем, связанных с разработкой современных технологий бурения, транспортировки, переработки углеводородного сырья в условиях Арктики, а также работ в области научно-технического, нормативно-методического обеспечения шельфовых проектов.

Северный морской путь

Северный морской путь (СМП), проложенный еще в 30-е гг. прошлого века, сегодня переживает «второе рождение» — это кратчайшая дорога между атлантическими портами северной Европы и портами Японии, Китая, стран Азии, а также северной Америки. Перевозка грузов по СМП является более коротким и дешевым, чем через Гибралтар, Суэцкий и Индийский канал. В последние годы потенциал СМП в качестве наиболее короткого евроазиатского маршрута стал объектом повышенного интереса со стороны субъектов морского бизнеса многих стран.

В результате у России появился шанс реализовать возможность использования одного из четырех приоритетов своей арктической стратегии — обеспечить организацию использования СМП для международного судоходства в рамках своей юрисдикции и в соответствии с международными договорами. Сегодня Россия, обладая уникальным атомным флотом, способна осуществлять почти круглогодично проводки в акваториях Арктики, причем число транзитных проводок растет постоянно из года

в год. В настоящее время ледокольный флот России насчитывает шесть ледоколов, планируется строительство еще трех новых судов.

Государственная политика в области долгосрочного развития арктической морской транспортной системы должна быть направлена на достижение важной цели, которая заключается в обеспечении устойчивой экономической эффективности СМП. Если арктическая транспортная система станет рентабельной, она сможет дать синергетический эффект для развития многих отраслей, связанных с нефтегазодобычей, транспортировкой полезных ископаемых, стимулировать развитие инфраструктуры в российских регионах, расположенных вдоль всего побережья Северного Ледовитого океана. Для этого необходимо максимально увеличить спрос на СМП, путем увеличения возможностей по организации транзитных рейсов и безопасности судоходства.

В настоящее время Россия является мировым лидером в области применения атомного ледокольного флота для решения транспортных задач в Арктике. С 2013 г. предусмотрено проектирование и строительство атомных ледоколов-лидеров мощностью в пределах 110 мВт (типа ЛК-110Я), способных обеспечить плавание судов на традиционных, высокоширотных и приполюсных маршрутах СМП в круглогодичном навигационном цикле. России необходимо и дальше развивать и совершенствовать атомный ледокольный флот как ключевое звено инфраструктуры функционирования Северного морского пути.

Таким образом, проблема развития Арктического региона сегодня входит в число приоритетных задач в экономике России, регион должен придать новый импульс экономическому росту, модернизации страны. Эффективное использование ресурсных возможностей Арктики в перспективе должно стать базой для укрепления роли России на геополитическом, экономическом и военно-политическом направлениях.

¹ «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утверждена Президентом Российской Федерации 20.02.2013 года.

² Постановление Правительства Российской Федерации № 366 от 21.04. 2014 г «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».

³ Пилявский В.П Арктика как центр геополитических и экономических интересов <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/07996.pdf>

М. И. Рябова, А. О. Хубаева

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В АРКТИКЕ

В настоящее время понятие Устойчивое развитие (УР) стало неотъемлемым атрибутом риторики как представителей высших государственных кругов, так и крупного бизнеса. Однако, используя данный термин, многие зачастую вкладывают в него разный смысл. Говоря об устойчивом развитии в Арктике, я хотела бы, прежде всего, определить само понятие устойчивого развития. Согласно определению, данному Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (WCED) УР представляет собой развитие, которое удовлетворяет потребности настоящих поколений, при этом сохраняя возможности следующих поколений удовлетворять свои потребности в будущем. Оно не сводится лишь к защите окружающей среды, а включает в себя несколько аспектов, а именно: экологический, социальный и экономический. Под экологическим аспектом подразумевается борьба с изменением климата и сохранение окружающей среды, под социальными — забота о коренных народах и местных жителей, подвергающихся негативному воздействию индустриализации, под экономическими — экономический рост достаточный для удовлетворения основных потребностей населения. Достижение баланса между этими компонентами и должно привести к подлинно устойчивому развитию в регионе.

Рассматривая Арктический регион, невозможно обойти концепцию устойчивого развития, т.к. она является важнейшим условием процесса освоения Арктики. Безусловно, регион открывает для человечества огромные экономические возможности. Согласно оценке Геологической службы США (USGS), в Арктике может залегать до 13% неоткрытых залежей нефти и 30% газа. Считается, что большая часть этих углеводородных ресурсов находятся на шельфе. Освоение новых морских путей, а также добыча углеводородов смогли бы ускорить экономический рост многих стран, удовлетворить повсеместно возрастающий спрос на энергоресурсы и обеспечить дополнительный приток финансовых средств в необходимые сферы.

Экономические аспекты

Особенность экономики Арктических территорий России заключается в ее возрастающем воздействии на экономику страны в целом. Арктика обладает практически всеми видами природных ресурсов, большинство из которых не имеет альтернатив с точки зрения их разработки в других регионах страны. Таким образом, развитие Арктики является существенным фактором обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время текущее состояние арктической зоны России в экономической сфере характеризуется наличием определенных угроз и рисков, в том числе: отсутствие современных технических средств и технологий для изучения и освоения месторождений в Арктике, износ основных фондов, неразвитость транспортной инфраструктуры (как морской, так и континентальной), старение ледокольного флота, высокая энергоемкость и низкая эффективность добычи природных ресурсов.

Тот факт, что Арктический регион является зоной стратегических интересов России, а не просто ее сырьевой базой, обуславливает возрастающую роль социально-экономического развития. Однако, следует помнить, что должны быть учтены не только интересы нефтегазовых компаний, вовлеченных в освоение данных территорий, но и интересы самого региона. Для этого необходимо модернизировать соответствующую инфраструктуру.

Для реализации масштабных арктических проектов важную роль играют прямые иностранные инвестиции, поскольку они характеризуются не только «длинными деньгами» и меньшей стоимостью капитала, но и привнесением современных технических, технологических и управленческих решений. Отсюда следует необходимость углубления и расширения международного сотрудничества на основе взаимной выгоды и допустимых компромиссов. Поскольку инвестиции определяют темпы экономического роста, а топливно-энергетический комплекс (ТЭК) доминирует в функционировании и росте экономики России, анализ условий, влияющих на инвестиционные решения, позволит сформировать предложения по реализации экономической политики в том числе с позиций инвестиционной, экологической и энергетической безопасности, а также с учетом решения социальных задач.

В настоящее время ведется активная работа по обеспечению дополнительных объемов геологоразведки и разработки месторождений на арктическом шельфе.

Извлекаемые запасы российского арктического шельфа оцениваются в 85 млрд тонн условного топлива, включая более 70 трлн куб. м природного газа. При этом уровень геологической изученности шельфа северных морей России остается крайне низким. Следовательно, можно предположить, что углеводородный потенциал континентального шельфа России имеет все шансы быть значительно увеличен. Следует также отметить, что неарктические страны, такие как Япония, Китай, Южная Корея, проявляют значительный интерес к Арктике, поскольку обладают ледокольным флотом и заинтересованы в коммерческом использовании Северного морского пути (кратчайшего расстояния из Азии в Европу).

Следует отметить, что Северный морской путь, как национальная транспортная коммуникация России в Арктике, имеет исключительно важное значение для обеспечения дальнейшего развития экономики северных регионов и государства в целом. Особо важным является Северный широтный ход — крупнейший инфраструктурный проект на Ямале, — который откроет доступ к Северному морскому пути промышленным регионам России. Строительство порта Сабетта уже сегодня рассматривается не только как монопорт для транспортировки СПГ, но как многофункциональный терминал дающий возможность раскрыть дополнительные ресурсы для достижения стратегических государственных задач.

Транспортно-логистический сектор в арктической зоне развивается как сервисный сектор в рамках реализации крупных энергетических проектов.

В связи с ростом транспортной активности на СМП востребованность атомного ледокольного флота увеличивается, поскольку реальной альтернативы для обеспечения регулярных перевозок десятков миллионов грузов в ледовых условиях Арктики просто нет. Следовательно, вопросы развития экономики Арктики и атомного ледокольного флота должны рассматриваться в комплексе.

Согласно оценкам, ледокольное обслуживание транспортных судов на трассах СМП может быть обеспечено следующим составом ледоколов:

- в 2015 г. — 4 атомных ледокола
- в 2020 г. — 5 атомных ледоколов

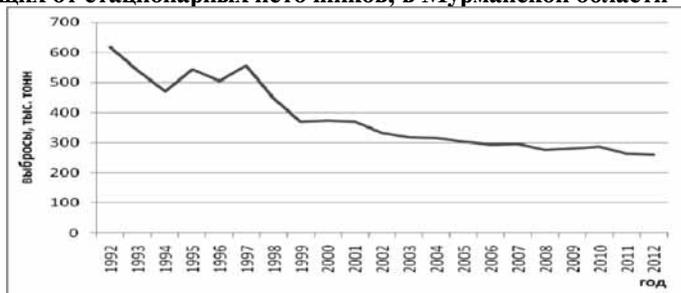
При этом грузопотоки, прогнозируемые на 2015 г., могут быть обеспечены текущим составом, однако к 2020 г. из существующих ледо-

колов в строю останутся только «Ямал» и «50 лет Победы», остальные же подлежат списанию.

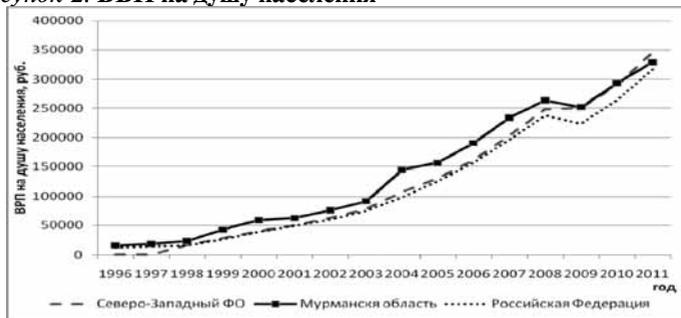
Вопрос о строительстве нового ледокольного флота является одним из важнейших для обеспечения арктического судоходства, осуществления контроля в Арктике в интересах национальной безопасности страны, защиты природной среды, а также повышение качества жизни населения в регионах Арктической зоны.

Хотелось бы привести пример Мурманской области в качестве региона, достигшего так называемого эффекта декаплинга в экономическом развитии — рассогласования тесно связанных тенденций развития: экономического роста и загрязнения природной среды.

Рисунок 1. Объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в Мурманской области

Рисунок 2. ВВП на душу населения

Такая ситуация полностью соответствует приоритету и условию устойчивого развития, предполагающего удовлетворение растущих по-

требностей при минимизации антропогенного влияния на природную среду. Подобного эффекта можно достичь там, где созданы институциональные условия перехода к устойчивому развитию, а именно совокупность механизмов, принуждающих хозяйствующие субъекты к исполнению установленных правил и норм устойчивого развития. Однако, как факт, в Мурманской области, как и в России в целом, таких институциональных условий устойчивого развития нет. Эффект декаплинга в Мурманской области можно объяснить тем, что крупные промышленные предприятия, обеспечивающие одновременно экономическое развитие региона и наиболее негативное влияние на природную среду, внедряют экологически ориентированные технологии и организуют природоохранный мониторинг преимущественно с коммерческой целью. Для выхода на внешний рынок такие предприятия в обязательном порядке должны иметь и регулярно возобновлять соответствующие сертификаты, подтверждающие успешность экологической политики. Тем не менее, какими бы ни были причины декаплинга, факт его существования благоприятен для природной среды и населения региона и является базовым принципом так называемой «зеленой политики» к которой следует стремиться»

Экологические аспекты

Изменение климата и последствия для Арктики

Экосистема Арктики крайне хрупкая и уязвимая система. Безусловно, в результате изменений климата она старается адаптироваться к изменяющимся условиям и трансформироваться. В данном разделе, мы предлагаем рассмотреть экологические аспекты изменения климата и возможных последствий для освоения Арктики.

Принято считать, что таяние льдов в Арктике открывает радужные перспективы для освоения данного региона, однако, все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Согласно данным доклада Росгидромет центра, несмотря на сокращение ледяного покрова Арктики, неподвижные льды, или припайные, не показывают тенденций к уменьшению.

Следует отметить неоднозначность проводимых исследований. Некоторые подтверждают (Rothrock and Maykut, 1999) сокращение толщины однолетних льдов на 40% с сер 1970 до сер 1990. Однако другие исследователи, основываясь на тех же данных (Shy and Walsh, 1996; McLaren et al., 1994), такие выводы опровергают.

Изменение климата существенно влияет на судоходные морские пути. Несмотря на открывающиеся перспективы Северного морского пути, смещение ледовых массивов и появление айсбергов создает серьезные риски для морских перевозок, добычи углеводородов и рыбного промысла.

Другими последствиями изменения климата является деградация ледников и вечной мерзлоты. «В определенные годы отмечалось смещение границы распространения айсбергов к югу в районы, где разворачиваются работы по разведке и добыче нефтеуглеводородов и проходит трасса СМП, что создает доп. риски». Отмечаются трудности для прибрежной инфраструктуры. Например, «когда вследствие деградации вечно-мерзлотных пород исчезали располагавшиеся в море Лаптевых острова Васильевский и Семеновский. Кроме того, вследствие увеличения безледного периода усиливаются волнения в прибрежных зонах на располагаемые там морские сооружения. Также наблюдается разрушение прибрежных зон и, как следствие, сокращение общей площади биомов.

Важным последствием таяния арктических льдов является эмиссия диоксида углерода и метана и, как следствие, усугубление проблемы изменения климата.

Около 14% всего почвенного углерода в мире содержится в многолетнемерзлых почвах. Примерно 1/5 часть такого углерода содержится в многолетнемерзлых арктических болотах России. «По имеющимся оценкам, тундровые почвы являются нетто-источником метана, время разложения которого в атмосфере в 20 раз превышает время разложения диоксида углерода. К середине XXI века эмиссия метана в результате увеличения глубины сезонного протаивания и температуры многолетнемерзлотных болот может вырасти более чем на 80%, а на большей части прерывистой криотитозоны — на 30–50%. Такое увеличение соответствует глобальному годовому нетто поступлению метана в атмосферу. Однако не все исследователи высказывают столь пугающие опасения. Согласно (Anisimov, 2007), эмиссия метана Россией к середине XXI века оценивается в 6–8 млн тонн, что может спровоцировать повышение температуры лишь на 0.012 что малозначительно по сравнению с другими факторами.

Как изменение климата сказывается на биоразнообразии региона?

Несмотря на суровые климатические условия, регион характеризуется большим биоразнообразием. Самым, пожалуй, известным представителем арктического животного мира является белый медведь. Он

находится под защитой во многих странах. В США белый медведь занял первое место в списке особей, подвергающихся наибольшей опасности. В Норвегии применяется жесткое законодательство в сфере защиты белых медведей. Однако все меры по защите популяции белых медведей были бы намного эффективнее, если бы не тающие льды Арктики. В следствие того, что во многих районах Арктики в летний период льды исчезают (которые являются платформами для охоты медведей на морских котиков), сокращается период охоты и рождаемость падает. Льды отплывают все дальше и дальше от берегов и многие медведи физически не осиливают возвращение домой. Согласно оценкам исследователей, 2/3 сегодняшней популяции белых медведей будет потеряно к 2050 г. Также сложно будет выжить и другим обитателям региона, зависящим от ледяного покрова, например, нарвалам и многим видам морских котиков. Кроме того, моржи, популяция которых только недавно начала расти после коммерческой охоты, гренландские киты, численность которых все также растет медленными темпами, и белухи будут подвергнуты серьезной опасности.

Безусловно, таяние льдов в Арктике не является концом существования данного региона, а лишь его трансформацией. Уже сейчас в арктические регионы перемещаются многие виды рыб, обитающие в более теплых регионах, как например, сайда и лосось. Вместе с рыбой двигаются и опасные хищники, например, касатки. В следствие перемещения льда касатки могут перемещаться в более северные районы и охотиться на морских котиков, белух, нарвалов, а также гренландских китов, подвергая опасности устоявшуюся биому.

Устранение разливов нефти

Таким образом, нефтегазовым компаниям, оперирующим в Арктике, необходимо учитывать мельчайшие подробности экологической обстановки в регионе в том числе и для того, чтобы иметь возможность быстро и эффективно среагировать в случае непредвиденных аварий.

Уязвимость арктической природы требует детально проработанной схемы по устранению разливов нефти, эффективной системы мониторинга и новейших технологий в этой сфере. Операции, проводимые при добыче и транспортировке углеводородов в арктических условиях, являются самыми опасными в нефтегазовой индустрии, а именно, подводное разведочное и эксплуатационное бурение скважин, добыча, обработка или подготовка нефти на морской платформе, времен-

ное хранение нефти в хранилище, отгрузка нефти через подводный трубопровод, морская транспортировка нефти на танкерах. Мониторинг является ключевым этапом для определения факта разлива нефти и принятия быстрых и необходимых мер по устранению аварии и минимизации негативных последствий. Существует несколько видов мониторинга:

- система спутникового и авиационного мониторинга
- береговые центры обработки информации и принятия решений
- система мониторинга непосредственно на платформе или судне
- система подводного мониторинга.

Однако каждая из систем не является самодостаточной сама по себе. Так, авиационный и космический мониторинг позволяет лишь зафиксировать факт наличия загрязнения и дать общую характеристику ситуации. Для оперативного реагирования и выбора необходимого срочного плана действия такие данные не подходят. Таким образом, необходимо сочетать все известные системы мониторинга для корректного определения масштабов аварии, точных территориальных данных разлива, а также для выбора необходимых мер в зависимости от конкретной ситуации.

Что касается непосредственно ликвидации разливов, можно выделить механический метод, метод «сжигания на месте», а также применение диспергентов. Однако в условиях, когда лед покрывает более 80% поверхности, целесообразным является метод применения огнестойких бонов с последующим сжиганием нефти. Если площадь загрязнения велика, экология может быть серьезно нарушена при выделении в атмосферу продуктов сгорания и высокого пожарного риска.

Таким образом, из анализа систем мониторинга и ликвидации разливов нефти следует, что на сегодняшний момент, к сожалению, отсутствует эффективная система отслеживания и реагирования на разливы нефти в арктических условиях.

Социальные аспекты

Отсутствие действенных технологий по предотвращению разливов нефти создает серьезные угрозы не только для животного мира и экосистемы Арктики, но и для сложившегося уклада коренных жителей арктических регионов.

Президент РФ В. В. Путин в своем недавнем выступлении подчеркнул важность экологических и социальных аспектов освоения

Арктики: «Защита окружающей среды — это и неперемное условие сохранения самобытного уклада жизни коренных народов Севера. Их благополучие и устойчивое развитие — одна из наших ключевых социально-экономических задач в регионе».

Социальный аспект устойчивого развития Арктики заключается, прежде всего, в обеспечении условий для привычного образа жизни коренных народов севера. Многие народы до сих пор ведут кочевой образ жизни и особенно подвержены изменениям внешней среды. Так оленеводство, являясь основным видом деятельности многих народов севера, определяет образ жизни северных народов. К примеру. Проложив трубопровод на пути передвижения стада оленей, компания может создать для оленей непреодолимые препятствия на их привычном пути, в результате которых большое количество поголовья может погибнуть, как это было в годы СССР. Стоит отметить, что сейчас государство уделяет большое внимание коренным народам севера. Так Концепция устойчивого развития МКС до 2020 признает, что интенсивное промышленное освоение существенно сократило возможности ведения традиционных видов хозяйства.

Нарушение традиционного уклада жизни в 1990-е гг. привело к развитию целого ряда заболеваний и патологий среди представителей малочисленных народов Севера. Значительно выше среднероссийских показателей среди этих народов показатели младенческой (в 1,8 раза) и детской смертности, заболеваемости инфекционными заболеваниями и алкоголизмом.

Сейчас планируется реализация образовательных программ для коренных народов, создаются школы интернаты для детей. Кроме того, создается сеть предприятий по приему у жителей арктического региона животноводческой продукции, осуществляется подготовка специалистов по организации и проведению этно- и экологических туров, что не только создает дополнительный источник доходов для местных жителей, но и возможность для людей, не проживающих в арктических зонах, лучше ознакомиться с данным регионом.

Стоит отметить, что было бы ошибкой недооценивать важность коренных народов в освоении арктических территорий. Они, прежде всего, являются источником ценной и труднодоступной информации по вопросам арктической природы. В уже упоминаемом выступлении президент РФ говорил о необходимости эффективного государственного управления, основой которого должна стать не громоздкая

бюрократическая система, а гибкий центр координации. В свете необходимости такого гибкого управления, сотрудничество и проведение регулярных консультаций с представителями коренных народов представляется целесообразным и эффективным в долгосрочной перспективе.

Выводы

Безусловно, освоение Арктики открывает перед человечеством новые горизонты и перспективы. Изменение климата создает не только возможности, но и опасности в результате непредсказуемости и без того суровых погодных условий в Арктике. Крайне важно учитывать всю цепочку взаимосвязанности представителей животного мира и биоразнообразии региона, состояние которого напрямую влияет на благосостояние коренных народов, проживающих в арктических регионах. Более того, коренные народы являются бесценным источником информации о регионе и должны рассматриваться управляющими структурами как необходимый активный элемент управления.

К сожалению, на данный момент не существует апробированных технологий, которые гарантировали бы добычу и транспортировку нефти и газа в арктических условиях, следовательно отсутствуют гарантии обеспечения экологической и социальной безопасности. Как следует из нашего доклада, взаимосвязанность экономических, экологических и социальных аспектов освоения Арктики крайне высока. Было бы опрометчиво опираться лишь на экономические выгоды освоения Арктики, без оглядки на опасности, которые может создать такое освоение. К сожалению, на сегодняшний момент технологии по созданию необходимого ледокольного флота и организации эффективного мониторинга и предотвращения разливов нефти находятся лишь в стадии разработки. Это, безусловно, создает дополнительные риски и может привести к крайне негативным последствиям, издержки которых будут куда выше потенциальных выгод от промышленного освоения Арктики. Поэтому крайне важным представляется создание научной базы, направленной на изучение не только выгод экономического развития Арктики, но также и возможных рисков и способов их недопущения и предотвращения.

Арктика — регион, который требует нового подхода для своего освоения. И устойчивое развитие должно стать необходимым каркасом, на котором будет строиться освоение арктических регионов.

Литература

1. Anderson A. 2010 *The Great Melt: The Coming Transformation of the Arctic*. World Policy Journal, Winter 2009/2010: 53–64
2. Anderson A. *Arctic drilling: The big picture*. NewScientist, 4 September 2010
3. Anisimov, O. A., D. G. Vaughan, T. V. Callaghan, C. Furgal, H. Marchant, T. D. Prowse, H. Vilhjálmsson and J. E. Walsh, 2007: Polar regions (Arctic and Antarctic). *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, M. L. Parry, O. F. Canziani, J. P. Palutikof, P. J. van der Linden and C. E. Hanson, Eds., Cambridge University Press, Cambridge, 653–685
4. Borgerson, S. 2013 *The Coming Arctic Boom*. Foreign Affairs (92/4): 76–89
5. Brosnan I. G., Leschine T. M., Miles E. L. *Cooperation or Conflict in a Changing Arctic?* Ocean Development & International Law, 2011 (42) : 173–210
6. Harsem O., Eide A., Heen K. 2011. *Factors influencing future oil and gas prospects in the Arctic*. Energy Policy (39) : 8037–8045
7. Jacques C. J., Kostianoy A. G., Shirshov P. P. (editors) 2008 *Influence of Climate Change on the Changing Arctic and Sub-Arctic Conditions* (e-book)
8. Kaminskii V. D., Suprunenko O. I., Suslova V. V. 2011 *The continental shelf of the Russian Arctic region: the state of the art in the study and exploration of oil and gas resources*. Russian Geology and Geophysics (52) : 760–767
9. Keskitalo E. 2012 *Setting the Agenda on the Arctic: Whose Policy Frames the Region?* Brown Journal of World Affairs (9/1)
10. Koivurova T., Keskitalo C., Bankes N. 2009 *Climate Governance in the Arctic*. Environment and Policy (e-book)
11. Kontorovich A. E., Epov M. I., Burshtein L. M., Kaminskii V. D., Kurchikov A. R., Malyshev N. A., Prischeva O. M., Safronov A. F., Stupakova A. V., Suprunenko O. I. 2010. *Geology and hydrocarbon resources of the continental shelf in Russian Arctic seas and the prospects of their development*. Russian Geology and Geophysics (51): 3–11
12. Kraska J., *Arctic Security in an Age of Climate Change*. Chapter 13 — Polar Race or Polar Saga? 218–243
13. Kumpula T., Pajunen A., Kaarleja E., Forbes B., Stammeler F., 2011 *Land use and land cover change in Arctic Russia: Ecological and social implications of industrial development*. Global Environmental Change (21): 550–562
14. Lindholt L., Glomsrød S. 2012 *The Arctic: No big bonanza for the global petroleum industry*, Energy Economics (34): 1465–1474
15. McLaren, A. S., R. H. Bourke, J. E. Walsh, and R. L. Weaver, 1994. *Variability in sea-ice thickness over the North Pole from 1958 to 1992, in Polar Oceans and Their Role*

- in Shaping the Global Environment*, edited O. M. Johannessen, R. D. Muench, and J. E. Overland, pp. 363–371, Amer. Geophys. Union, 1994.
16. Noble B., Ketilson S., Aitken A., Poelzer G. 2013 *Strategic environmental assessment opportunities and risks for Arctic offshore energy planning and development*. Marine Policy (39): 296–302
  17. Rothrock D. A., Yu Y., and Maykut G. A. 1999, *Thinning of the Arctic Sea-Ice Cover*. Geophysical Research Letters 26 (3): 3469–3472
  18. Shy, T. L., and J. E. Walsh, 1999. *North Pole ice thickness and association with ice motion history 1977–1992, 1979–1986*, Geophys. Res. Lett., 23: 2975–2978
  19. Serreze M., Barry R. 2013. *Recent climate variability, trends and the future*, The Arctic Climate System, 291–334
  20. Serreze M., Barry R. 2013 *The evolution of knowledge about the Arctic and its climate*, The Arctic Climate System. 1–16
  21. Trefry J., et al, 2013 *Chemical and biological assessment of two offshore drilling sites in the Alaskan Arctic* Marine Environmental Research (86)
  22. Young O. 2012 *Arctic Politics in an Era of Global Change*. Brown Journal of World Affairs, Fall/Winter (9/1)
  23. Выгон Г., Рубцов А., и др., 2012 *Арктический шельф: насколько оптимальна система регулирования в России?* Энергетический центр Московской школы управления СКОЛКОВО
  24. Глухарёва Е. К. 2011 *Перспективы Добычи и Транспортировки Нефтегазовых Ресурсов Запада Российской Арктики*, Available at: < <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2011/5/05>>
  25. Мазур И. И. 2010 *Арктика — Точка Бифуркации в Развитии Глобального Мира*. Век глобализации (2): 93–104
  26. Тимофеев О., Вальдман Н., Горбачкий В., Яковлев Д. 2014. *Аварийные разливы нефти в ледовых условиях*. Oil and Gas Russia, 3 (80): 84–88

ЧАСТЬ II

«ВОЗВЫШЕНИЕ» КИТАЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

«ВОЗВЫШЕНИЕ» КИТАЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Внутренние и внешние факторы «возвышения»

Экономическое и политическое «возвышение» Китая в мире, радикальное кадровое обновление партийно-государственных структур и другие меры сказываются на внешней политике КНР, хотя принцип политической и идеологической преемственности стратегического курса поколений выдерживается неукоснительно.

В китайских дефинициях современная эпоха до последнего времени в официальных документах характеризовалась как эпоха «мира и развития». Региональные и глобальные кризисы, рост общей нестабильности заставляют китайских ученых говорить о дополнительных параметрах — «неопределенность», «турбулентность в международных отношениях». В современных официальных документах данные термины, так или иначе, также находят свое отражение.

Растет удельный вес КНР в мировой экономике. Если в 2002 г. по ВВП Китай был на пятом месте, то в 2012 г. он занимает второе место в мире (после США). По объемам внешней торговли тоже вторая позиция. КНР стала частью системы глобального управления. Это касается ее деятельности в G20, МВФ, ООН, Всемирном Банке и др., а также в глобальных и региональных проектах — форумах БРИКС, РИК, ШОС, АТЭС и пр.

Китай активно перестраивает свою гуманитарную составляющую внешней политики. В руководстве понимают, что кроме экспорта товаров и инвестиций необходим массовый экспорт идей и китайских культурных ценностей. Это сделать непросто по причинам традиционной самодостаточности китайской цивилизации, определенной изолированности Китая в Средневековье и Новое время, а также в силу сложного и не всегда адекватного восприятия Западом китайских ценностей.

Тем не менее, реализация глобального гуманитарного проекта происходит. Китайское центральное телевидение (ССТV) вещает на шести языках, институты Конфуция действуют в 95 странах, постоянно расширяет охват аудитории международное радио Китая. Из знаковых

мероприятий этого ряда следует вспомнить успешную для КНР Пекинскую летнюю Олимпиаду, шанхайскую выставку «ЭКСПО-2011» и ряд других.

Суммируя новейшие разработки и выводы российских, китайских, ряда западных ученых, можно сформулировать четыре общие проблемы, которые так или иначе проявляются в настоящее время, но в более полном объеме встанут перед новым руководством в ходе реализации китайской внешней политики¹.

Во-первых, мировое сообщество интересуется, сохранит ли Китай своеобразный баланс между сдержанной политикой «развивающегося государства» (к которому он официально продолжает себя относить) и активной наступательной политикой новой, рождающейся сверхдержавы. Проблема в том, будет ли это выглядеть как некий синтез «двух политик» или глобальный внешнеполитический менталитет новой мировой державы полностью возобладает.

Во-вторых, новое китайское руководство должно разрешить возникшую еще в начале 2000-х гг. (особенно после 2001 г. — вступления КНР в ВТО) дилемму в своих отношениях с Западом. С одной стороны, благодаря экономической глобализации страна приобретает большие инвестиционные, технологические и иные ресурсы для реформирования, а с другой — сталкивается с растущим политико-идеологическим давлением Запада. Современный Китай пока достаточно жестко дистанцируется от попыток США и их союзников навязать ему некие «либеральные политические проекты» радикального реформирования политической системы. Сумеет ли новое руководство справиться с задачами сохранения возможностей роста и реформирования за счет внешних источников, минимизации политического и идеологического давления оппонентов и сохранения внутри страны стабильности и поступательного развития?

В-третьих, китайское руководство, как известно, поставило задачу радикального изменения стратегии реформирования, перехода на модель инновационного развития и использования преимуществ внутреннего рынка. В рамках этой стратегии КНР должна в ближайшие 10–15 лет стать ведущим мировым центром производства собственных высоких технологий. В условиях растущих социально-демографических, экологических, ресурсных и региональных («островные споры» в Южно-китайском и Восточно-Китайском море, северокорейская проблема и др.) вызовов, задача эта представляется чрезвычайно сложной.

В-четвертых, после XVIII съезда Си Цзиньпин выдвинул идею реализации *китайской мечты*, предполагающей объединение всех ресурсов и возможностей страны для «великого возрождения китайской нации». Реализация «мечты» должна происходить исключительно на основе модели «социализма с китайской спецификой». Международные наблюдатели обратили внимание недостаточно жесткие нотки в высказываниях нового лидера Китая. Выступая 28 января 2013 г. на мероприятиях в рамках коллективной учебы Политбюро ЦК КПК, Си Цзиньпин, в частности, подчеркнул, что Китай будет решительно идти по пути мирного развития, но ни в коем случае не станет отказываться от законных прав и интересов, не будет жертвовать жизненными интересами.

Сюжет о «китайской мечте» и «возрождении Китая» был развернут Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г., когда он в ходе осмотра выставки в Государственном музее Китая «Путь к возрождению», представляющей основные вехи развития Китая от опиумных войн — трагического периода в истории Китая — до наших дней, заявил:

Заявления нового китайского лидера вызвали значительный резонанс в китайских и иностранных СМИ. В многочисленных китайских комментариях по этому поводу, в том числе и откровенно националистического характера, подчеркивается, что Китай намерен применять более действенные меры для защиты своих интересов, а не только ограничиваться заявлениями протестов. Указывается также, что фактически брошен вызов *американской мечте*, которая «теряет свою ценность и новизну». Если для Америки «предел мечтаний — стать гегемоном», то для «китайской мечты» главное — это «стремление к гармонии»².

На первое место в числе внешнеполитических приоритетов Китая выдвигаются задачи дальнейшего укрепления политических позиций КНР на мировой арене. Пекин активно участвует в международных мероприятиях глобального характера, в ООН, занял лидирующие позиции в ведущих региональных организациях АТР, значительно укрепилось его влияние среди развивающихся стран, на африканском и латиноамериканском континенте. При этом, продвигая свои интересы, Пекин стремится действовать гибко, по возможности избегая конфронтации и стараясь договариваться со своими партнерами.

Очевидно, что для выполнения грандиозной программы потребуются обновление всего внешнеполитического инструментария, включая использование ресурсов «мягкой силы». Внутри страны предложен-

ная доктрина вызвала поддержку населения, однако во внешнем мире многие страны с осторожностью воспринимают идею возрождения Китая, увязывая ее с усилением «китайской угрозы». Очевидно, что новое руководство должно убедить другие страны и сообщества в мирном характере этого возвышения, вывести гуманитарную и «имиджевую дипломатию» на более высокий уровень.

В нынешней китайской геополитике присутствуют два компонента, которые находятся в определенном (скрытом) противоречии друг с другом. С одной стороны, формально еще действуют базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990-е гг.: «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и пр.

С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на второе место в мире по показателю ВВП в размере 5,9 трлн долл. часть внешнеполитических положений великого реформатора стала не столь актуальной. В китайском политическом руководстве и экспертном сообществе появилась потребность в принятии новых идей и более радикальных подходов в условиях общего изменения качества и масштабов внешней политики страны. Многие наблюдатели называют это выходом Китая «из тени».

В научной литературе, посвященной проблеме обновления внутренней и внешней политики КНР, международным отношениям на Дальнем Востоке, «новому» месту Китая в мировой и региональной политике уделяется большое внимание.

Регионализация мира — один из ведущих современных процессов, который просматривается в интеграционных проектах многостороннего сотрудничества — ЕС, АСЕАН, АСЕАН плюс один (КНР), АСЕА + три (КНР — РК — Япония), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Евразийский Экономический Союз России, Казахстана и Белоруссии (ЕЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и другие. Часть западных экспертов не исключает распад ряда глобальных институтов типа ВТО, МВФ на отдельные региональные «куски» — евразийский, европейский, панамериканский, восточноазиатский.

В этих условиях возникает естественный вопрос о *специфике китайского регионализма* и особенностях политики КНР в тех или иных регионах мира. Можно ли говорить в настоящее время о формировании некоего нового качества этой политики, отражающей как общеми-

ровые, так и региональные тенденции? И каковы основные параметры этого «нового качества» китайской внешней политики?

Просматривается, по крайней мере, три теоретических вопроса, на которые пока нет однозначных ответов.

Во-первых, каковы критерии и границы, определяющие собственно региональную и глобальную политики Китая? Очевидно, что критерии формируются исходя из подходов КНР в отношении, прежде всего, сопредельных, либо близких Китаю географически государств и регионов. В систему близких регионов и субрегионов входят: 1) *Северо-Восточная Азия (СВА)*: Япония, КНДР, РК, Монголия, сам Китай, сюда условно можно отнести и российскую часть Сибири и Дальнего Востока; 2) *Юго-Восточная Азия (ЮВА)*: Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней; 3) *Центральная Азия(ЦА)*: — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан; 4) *Южная Азия (ЮА)*: Индия, Непал, Бутан, Шри Ланка и другие. Существует еще географически близкий регион *Среднего Востока* с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами.

Что касается места Китая в мире и особенностей его глобальной политики, то в последнее время в китайской и российской научной литературе появились новые трактовки. В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая и о том, чем же является он сегодня — «важной региональной державой АТР», «большим развивающимся государством» или «сверхдержавой», идущей среди ведущих экспертов России и Китая, просматривается тезис о некотором сближении и даже в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов Китая. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же как оно имеется и в различиях «статуса» Китая («развивающееся государство», «развитое государств.») Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и глобальные проекты КНР.

Во-вторых, анализируя это качество, следует отметить подвижность «границы» между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, способствовали его переводу

в более широкий формат — БРИКС, подключив к трехстороннему сотрудничеству Бразилию и ЮАР. Сохранив «старую» региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИКС новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, например, такие как реформа мировой финансовой системы, расширение квот для развивающихся стран в МВФ, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности и другие.

Очевидно, что в этих вопросах просматривается китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить точную «линию», которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных. При этом, она (линия) сдвигается в сторону глобального и это движение явно ускорилося после прихода «пятого поколения» руководителей.

В-третьих, проблема соотношения китайской региональной политики и вопросов безопасности. Не ведет ли выход Китая на обновленный статусный уровень к обострению его отношений с соседними странами?

Данный вопрос достаточно актуален и с теоретической, и с практической точек зрения. Утвердившийся в западной политологии взгляд, согласно которому выдвижение нового, сильного игрока в регионе автоматически обостряет региональную безопасность, меняя баланс сил, может создать для Китая не очень радужные перспективы. В рамках такого подхода КНР обречена на столкновение с Японией в СВА, с США в АТР, с Индией в Южной Азии и т.д. Эти взгляды отчасти подтвердились обострением обстановки в районе Южно-Китайского моря (ЮКМ) из-за эскалации «островных противоречий» между КНР, Вьетнамом, Японией и рядом других государств в 2013–2014 гг.

В последнем варианте, тем не менее, нет только однозначных, конфликтных сценариев. В случае с Китаем вполне вероятно, что на определенном этапе может сработать и мягкая адаптационная модель урегулирования региональных конфликтов в ЮКМ, при условии, что КНР и США придут к системе взаимных компромиссов и соглашений. На ближайшую перспективу это вполне вероятно, поскольку китайско-американские взаимные интересы гораздо выше и масштабнее локальных островных конфликтов.

С другой стороны, в условиях трансформации Китая в «ответственную великую державу» ему, в конечном итоге, объективно выгоднее выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности, как в сопредельных регионах, так и на глобальном уровне. Специфика китайской внешней политики, как известно, — неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития. В этом смысле «конфликтная стратегия» может поставить под угрозу внутренние успехи реформирования Китая. Китайские ученые и политики не случайно делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ.

В-четвертых, приоритетность тех или иных регионов мира. Какие сопредельные регионы наиболее важны для КНР с точки зрения ее экономических, энергетических, транспортных и т. д. интересов, включая сферу безопасности, а какие нет?

В приоритете, прежде всего, перечисленные выше близкие КНР регионы. В качестве ведущего критерия здесь выступает создание Китаем регионально-интеграционных пространств на основе зон свободной торговли³, а также интересы безопасности и уровень потенциальных и реальных угроз, идущих из региона. Проект Туманган (Тумэньцзян) потенциально может еще более усилить значимость СВА для Китая, став площадкой для взаимовыгодного развития северо-восточных провинций КНР, российского Дальнего Востока, КНДР и Монголии.

Геополитическая роль России в китайской внешнеполитической трансформации

Особая роль отводится Пекином формату российско-китайского стратегического партнерства. Итоги визита В. В. Путина в КНР (Шанхай 20–22 мая 2014 г.) и подписание исторических документов рельефно обозначили перспективу формирования «Большой Двойки» в лице РФ и КНР.

В последние 5–7 лет в среде ведущих китайских политологов, определяющих main stream геополитической мысли, доминировал тезис — «Умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». После Шанхая и подписания известных российско-китайских документов данный вариант будет, скорее всего, скорректирован⁴.

Неизменной остается идея «опоры на Север» — т. е. на Россию. Причем, российский вектор Китая из энергетического (сырьевого) все

больше превращается в геополитический — происходит неформальное создание военно-политического союза. Не случайно, в принятом В. В. Путиным и Си Цзиньпином в Шанхае «Совместном Заявлении», фактически, просматриваются элементы договора о военно-политическом союзе, правда, без его юридического оформления. Причем, если «час икс» все-таки настанет для России и Китая процедура оформления такого договора может занять немного времени. Главное, что базовые принципы и общее видение мироустройства у двух стран едины.

Тезис «бороться за Восток и Юг» для КНР чрезвычайно широк. Он вбирает в себя и усиление экономико-политических позиций в странах Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, и усиление давления на отдельные страны АСЕАН (Вьетнам и др.) по спорным островам в Южно-Китайском море, и давление на своего регионального конкурента и соперника — Японию в Восточно-китайском море.

Изменения, скорее всего, произойдут в части цитаты об «умиротворении Запада». Несмотря на сохраняющуюся экономическую взаимозависимость, Китай явно переходит от умиротворения Запада к его активному сдерживанию. И это касается, прежде всего, сдерживания США. Пекин (как и Москву) раздражает гегемонистская, а порой и «мессианская» политика Вашингтона по поводу всего, что происходит в мире.

При этом украинские события объективно усилили базовые китайско-американские (геополитические) противоречия. Китайцы прекрасно понимают, что Америка, разбираясь с Россией, своей второй жертвой определила Китай. И если Пекин и Москва сегодня не создадут собственную «Большую Двойку», завтра может быть уже поздно ее создавать. Известно, что в одиночку противостоять большой силе чрезвычайно трудно.

Ведущие китайские политологи, резонно рассматривающие такую перспективу (создание «Большой Двойки»), предлагают различные сценарии и варианты. Но большинство едины в том, что акцент КНР и РФ необходимо делать на активизацию в Евразии, подключая к своему партнерству и Индию, а в отдельных случаях используя противоречия между ЕС и США (проф. Е Цзычэн). Морская геополитика, считают многие, не самый сильный козырь Китая.

Подобный подход выглядит логичным, поскольку на евразийское «возвышение» уже объективно работают запущенные Китаем и Россией проекты — «Экономический пояс Великого Шелкового пути» и «Евразийского экономического союза» (ЕЭС). Принципиально важным

в этом плане является поиск и реализация общих «стыкующих механизмов» между этими двумя проектами.

На данном треке не все возможности и ресурсы показала еще Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая теоретически может выступить таким связующим «мостом» между Великим шелковым путем и ЕЭС. Подобная интеграция, скорее всего, пойдём на пользу всем трем проектам и даст «новую жизнь» ШОС, которая в последние годы явно застыла в своем развитии.

Российско-китайское сближение происходит в условиях явного и радикального обновления нынешней структуры международных отношений. Если раньше речь шла об исключительно одной сверхдержаве — США и с этим были все согласны, то сегодня монополия на сверхдержавность Китаем стремительно разрушается и с американской гегемонией далеко не все согласны, даже в стане ее (США) союзников.

Правда, сам Китай пока до конца не определился со своим геополитическим статусом. Так, один из ведущих китайских политологов дал достаточно оригинальное определение КНР в мире, как «четыре в одном» (Юань Пэн). То есть в Китае, по его мнению, одновременно сочетаются (и проявляются во внешней политике) четыре типа государства — развивающегося (официальное), поднимающегося государства, глобального и «квази-сверхдержавы».

По поводу первых трех в мире имеются некоторые представления. А вот по поводу последней — достаточно смутное. Причем не только в мире, но и в самом Китае.

Не разъяснил эту загадку и другой известный политолог Лю Липин, который выделяет 4 типа государств в современном мире — сверхдержава (США), сильные державы — Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия, средние и слабые государства.

Таким образом, поворот России на Восток, в сторону Китая, в широком (геополитическом) смысле, — это начало формирования новых вариантов мироустройства. Теоретически «связка» Москва — Пекин может объединить вокруг себя иной «неамериканский мир», основанный на международном праве, равной и неделимой безопасности.

Китайская модель сверхдержавы. Каковы критерии?

Принципиально важно для Китая сегодня осмысление (как на экспертном, так и высшем политическом уровне) феномена «сверхдержавности» в китайской проекции.

Очевидно, что отношение Китая к своему имиджу на мировой арене меняется: он (имидж) все более рельефно приобретает черты будущей сверхдержавы. Подобная трансформация обусловлена хорошо известными причинами, в первую очередь колоссальными экономическими результатами КНР за 30-летний период реформ. При этом в мире по-разному воспринимают «новый», поднимающийся Китай — и позитивно, и негативно. В общественном мнении на Западе доминируют алармистские оценки КНР, причем как уже сформировавшейся сверхдержавы.

Однако следует учитывать, что, несмотря на огромную совокупную мощь и феноменальные достижения в реформировании экономики, КНР по ряду параметров социально-экономического развития пока объективно не сможет сегодня и в ближайшем будущем выйти на уровень сверхдержавы. Это подтверждается рядом новейших политологических и экономических исследований в самом Китае, а также в России и других странах.

В частности, по уровню ВВП на душу населения Китай не входит пока даже в первую сотню государств мира, и такое положение будет сохраняться в ближайшие пять-шесть лет. Стратегически, в рамках реализации доктрины создания общества «средней зажиточности», XVIII съезд КПК поставил задачу к 2020 г. радикально изменить этот параметр, удвоив душевой ВВП, и резко подняться в мировом рейтинге.

Другой объективный критерий сверхдержавности — уровень военно-стратегических потенциалов (ракетно-ядерный компонент, количество стратегических носителей, ядерных подводных лодок и пр.). В этом отношении Китай на порядок отстает от ведущих государств мира — США и России — и вряд ли сможет ликвидировать разрыв в период 2015–2020 гг.

Третий показатель, по которому Китай также значительно отстает, — уровень социальных стандартов жизни населения (развитость пенсионной системы, здравоохранения, социальных пособий и т. п.).

Все это, однако, не означает, что страна не ставит долговременных амбициозных задач. Наоборот, сегодняшние нерешенные внутренние проблемы мотивируют на их скорейшую ликвидацию и выход на уровень сверхдержавы. В материалах XVIII съезда КПК, в отчетном докладе бывшего генсека Ху Цзиньгао определена примерная дата достижения состояния «великого Китая» — 2049 г., к столетнему юбилею КНР.

К слову, возникает ощущение, что китайцы с официально объявленной датой лукавят и состояние «величия» они хотят достичь на 10–15 лет раньше. При этом китайские эксперты и аналитики понимают, что ни действующая американская, ни ушедшая в прошлое советская модель сверхдержавы не подходит для современной КНР. Как модель сверхдержавы будет выглядеть в конечном китайском варианте, сегодня никто не может сказать.

Тем не менее, исходя из анализа нынешних процессов и явлений в КНР, можно попытаться дать предварительные наброски (6 параметров) будущей картины китайской «великой державы».

1. Скорее всего, ни идеологически, ни политически она не будет ориентирована на глобальную внешнюю экспансию, создание новой «мировой китайской империи». В многотысячелетней истории Китая не заложено таких традиций, наоборот, китайская цивилизация сама периодически подвергалась внешним экспансиям, то сжимаясь, то расширяясь до Амура на севере, Тибета и Синьцзяна — на северо-западе и р. Меконг — на юге. В этом контексте к Китаю вряд ли применим опыт Британской и других колониальных империй.
2. Элементы конвергенции (социализма и капитализма, регионализма и глобализма) значительно усилятся, станут доминирующими во внутреннем и внешнем развитии. Не исключено, что получит свое качественное развитие политическая реформа, но при сохранении доминирования КПК. Во внешней политике одновременно, усилятся механизмы «жесткой» и «мягкой силы», а также роль «экономической дипломатии», вес которой уже сегодня неизмеримо вырос.
3. Просматривается значительное усиление национально-патриотической мотивации на волне общего успеха и «возрождения Китая». Идея Си Цзиньпина о необходимости «возрождения китайской нации», объективно стимулирует этот процесс. Данное явление, как известно, имеет «две стороны медали». Одна, позитивная, — формирование в обществе объединяющей идеи возрождения китайской нации, которая порождает колоссальную мотивацию, сплачивает страну. На это сегодня работают СМИ, литература, кинематограф, другие виды искусства. Вторая сторона — формирование достаточно опасных для руководства и страны в целом националистических настроений и взглядов. Они находят отражение

в интернете (около 500 млн пользователей), в различных печатных изданиях. Пока мы не можем говорить о китайском национализме как системном явлении, охватывающем все этажи китайского общества, государства и КПК. Вряд ли эта идеология в 2013–2020 гг. станет господствующей, но в будущей модели «сверхдержавы» элементы национального патриотизма значительно усилятся.

4. Усилятся вертикаль «КПК — государство — общество», мобилизационные возможности государства на всех уровнях, развитые валютно-финансовые механизмы и ресурсы. Скорее всего, будет развиваться тенденция на дальнейшую адаптацию либерально-экономических методов к канонам китайского социализма («социализм с китайской спецификой»).
5. К моменту формирования качества «сверхдержавы» юань теоретически должен пройти путь от фиксированной национальной валюты до одной из мировых конвертируемых резервных валют. При этом благоприятным для КНР было бы параллельное реформирование базовых мировых институтов (ООН, МВФ и др.) в сторону расширения полномочий крупных развивающихся стран и глобального усиления БРИКС и ШОС.
6. Модернизация всех компонентов военной составляющей Китая и значительное сокращение разрыва (возможно, достижение паритета) в стратегических вооружениях с США. Национально-освободительной армии Китая (НОАК) и способности ее вести победоносные «локальные войны» был посвящен целый раздел отчетного доклада бывшего китайского руководителя Ху Цзиньгао на XVIII съезде КПК.

Очевидно, что данные «наброски» носят предварительный характер, поскольку многие параметры и тенденции в ходе развития Китая могут уйти на второй план или исчезнуть полностью, а взамен появятся новые, пока не оформленные в рамках фиксируемых, системных явлений.

Меняется отношение Китая к такому ключевому дипломатическому инструменту, как партнерство. Если раньше этот термин имел для всех партнеров Китая примерно одинаковое значение, то сегодня во внешней политике этой страны явным становится дифференцированный подход к другим государствам. Китайские политологи разбили партнеров КНР на четыре условные группы. За главные критерии брались не столько экономические, сколько политические реалии и уровень развитости доверия между странами.

Исходя из этих критериев, на *первом месте* (в качестве высшей формы партнерства, первая группа) оказывалось российско-китайское стратегическое взаимодействие, которое, как считают в КНР, не подвержено влиянию времени, идеологий, базируется на единстве или близости двух стран по стратегическим вопросам международной политики. Первый государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина, как известно, 22–23 марта 2013 г. Состоялся именно в Москву подтвердил неофициальную (экспертную) «иерархию» в партнерстве для КНР.

Вторая группа китайских партнеров — Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Мексика, Аргентина и ряд других государств. Отношения с ними китайскими экспертами характеризуются как «партнерские отношения дружеского типа». В этой группе у Китая нет конфликта коренных интересов, но имеются локальные (территориальные и иные) расхождения.

В третью группу включены страны Евросоюза и АСЕАН. С ними у Китая имеется много общих экономических интересов, но есть политические и территориальные (с отдельными странами АСЕАН) разногласия по ряду ключевых вопросов. Уровень доверия, подчеркивают в Китае, требует значительного повышения. Такой тип партнерства они называют «согласованным или координируемым партнерством».

В четвертую группу входят США и Япония, которые рассматривают Китай в качестве потенциального стратегического противника, и по ряду политических (долговременных) проблем у сторон существуют очевидные (антагонистические) разногласия. При этом у КНР с данными государствами есть серьезные экономические и отчасти политические (борьба против терроризма и др.) общие интересы. Тем не менее, данный вариант определен как «партнерство прагматического типа».

Следует подчеркнуть, что, несмотря на экспертный характер данной типологии, используемая терминология партнерства уже присутствует в официальных российско-китайских, китайско-индийских, китайско-японских, китайско-американских и других документах, закрепляющих двусторонние отношения. В будущем каждая группа может меняться по составу и количеству участников в зависимости от характера складывающихся отношений.

Таким образом, смена руководства создала основу для введения новых параметров во внешнюю политику КНР. Список нововведений постоянно пополняется, происходит перенастройка внешнеполитиче-

ского инструментария, обновление глобальных и региональных дефиниций. Очевидно, что подобная перенастройка предназначена для более эффективной реализации стратегии Си Цзиньпина «возрождения китайской нации» и превращения Китая в великую державу.

¹ Цзычэнь Е. Чжунго да чжаньюэ: Чжунго чэн вэй шицзе да го дэ чжун яо вэнь-ти цзи чжаньюэ сюаньцзэ. (Большая стратегия Китая: главный вопрос и стратегический выбор превращения Китая в великую мировую державу). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. — 2014, стр. 127–154

² <http://www.iask.ca/news/china/2012/1201/169449.html>2012

³ Китай совместно с 31 страной мира работает над созданием 14 зон свободной торговли, подписал 8 соглашений по вопросам свободной торговли, семь из которых уже реализованы. Данные соглашения охватывают четверть общего объема товарооборота Китая по состоянию на 2013 г.

⁴ Лузянин С. Г. Россия и Китай в Евразии. М.: ИД Форум. — 2009.

Ли Син (Li Xing)

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ И НОВОЕ МЕСТО КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

В первой половине второго десятилетия XXI века международные отношения характеризуются усилением регионального объединения и в периферийных регионах Евразии (ТТР, ТТИР), и Центральной Евразии (евразийская интеграция России, Белоруссии и Казахстана). Китай — морская, континентальная страна, которая всегда уделяет пристальное внимание и восточному (морскому или азиатско-тихоокеанскому) направлению, и западному (континентальному или евразийскому) направлению во внешней политической стратегии.

Цель данной статьи — выявить новые задачи и особенности китайской внешнеполитической стратегии в западном, континентальном, евразийском направлении на фоне евразийской интеграции России, Белоруссии и Казахстана.

После возвращения В. В. Путина на пост Президента Российской Федерации продвижение евразийской интеграции и создание Евразийского союза рассматривается как одно из главных стратегических направлений во внешнеполитической повестке дня и фундамент для реализации «мечты евразийской сверхдержавы» России.

Россия, опираясь на Евразийский союз, стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. По плану в 2015 году будет образован Евразийский Экономический Союз (ЕЭС).

Китай, расположен к восточному рубежу от Центральной Евразии, всё время поддерживал тесные политические, экономические и культурные связи с Центральной Азией и выступает как азиатско-европейская держава.

В понимании китайских исследователей нынешние евразийские интеграционные процессы представляют собой значимое событие в западном близком регионе Китая. Поэтому успешность регулирования отношений Китая с новыми силами как с ЕЭС в Центральной Евразии, безусловно, будет связана с внешней средой для углубления реформ и открытости Китая в ближайшие годы.

В этой связи, актуален вопрос — как китайское научное сообщество воспринимает феномен Евразийского союза, как Евразийский союз

и евразийская интеграция оказывают влияние на российско-китайские отношения и Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС), как Китай будет относиться к Евразийскому союзу?

Все эти вопросы для китайского научного сообщества бесспорно являются актуальными.

Чтобы эффективно развивать отношения с ЕЭС, далее с Евразийским союзом, авторы полагают, что Китай должен настаивать на следующих основополагающих принципах:

1. «Китай — страна близкая к Центральной Азии (Jing Zhong Ya Guo Jia)» — формируется новая внешнеполитическая идентичность страны на западном направлении;
2. Российско-китайские отношения — фундамент для развития отношений Китая с Евразийским союзом;
3. Шанхайская Организация Сотрудничества и Евразийский союз — две опоры для поддержания развития и безопасности Китая в регионе, соседствующем с Китаем на Западе.

Таким образом, российский проект ЕЭС не противоречит китайским региональным и глобальным интересам.

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Китайский (ханьский) национализм изначально носил, прежде всего, этнический характер и только затем — характер политический. Хотя иноземные завоеватели, основывавшие династии на территории Китая, как правило перенимали многие атрибуты китайской культуры, они оставались чужеродцами, и борьба против них велась под националистическими знаменами. Последняя Цинская династия, правившая в Китае триста лет, предпринимала немалые усилия, чтобы подавить этническое самосознание и национальную идентичность проживавших на территории империи народов: ханьцев, монгол, тибетцев, уйгур и объединить их в единую нацию. Тем не менее она оставалась династией чуждой, маньчжурской, а, стало быть, варварской. Выступавшие против нее ханьские националисты вновь и вновь требовали восстановления на троне давно канувшей в Лету, но родной по крови Минской династии. Недаром эта борьба велась под лозунгом изгнания «татар» («*дадань*»), под которыми разумелись все жившие на севере иноплеменики, включая не только маньчжур, но и монголов, и иные народности.

Поражение Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг. оказало неоднозначное влияние на судьбы китайского национализма. С одной стороны, оно нанесло еще один чувствительный удар по самосознанию китайской нации. Китай принужден был заплатить огромную контрибуцию, общая сумма которой равнялась четырехлетнему ВВП Японии. С другой — пример Японии, небольшой, но сплоченной и современной нации, одолевшей более слабого гиганта, стал одним из важных стимулов в становления китайского национализма. Мощным воплощением идиосинкразии к иностранному и иностранцам стало движение Ихэтуань в начале XX века.

Для отца китайской нации — Сунь Ятсена национализм был первым и, соответственно, главным постулатом в провозглашенной им идейной платформе «трех народных принципов». Синхайская революция имела ясно выраженную антиманьчжурскую направленность. Лишь позднее, с падением Цинской династии и созданием Китайской

республики маньчжуры, наряду с ханьцами, монголами и хуэй, стали считаться составными частями единой китайской нации. «Китайское» представлялось синонимом «ханьского». Сунь Ятсен выступал за поглощение ханьским большинством неханьских меньшинств, и в этом смысле его начальный национализм можно считать этническим. Лишь впоследствии он обрел более определенные политические — антиимпериалистические, антиколониальные, антифеодалные черты. Синьхайская революция, положившая конец иноплеменному господству и начало — существованию китайского национального государства, дала важный стимул дальнейшему подъему политического китайского национализма, который получил развитие в «Движении 4 мая 1919 года», в революции 1925–1927 гг., в национально-освободительной войне китайского народа против японских завоевателей.

«Движение 4 мая», начавшись как студенческий протест против решения Парижской мирной конференции передать Японии германские владения в китайской провинции Шаньдун, затем переросло в мощную волну национализма, охватившую самые разные стороны самостоятельного бытия китайской нации — от государственного суверенитета до языка и культуры. Это движение стремилось сочетать борьбу за национальное освобождение с освоением достижений и опыта западных цивилизаций. Пересмотр тех черт собственного культурно-цивилизационного наследия, которые, как представлялось, мешали прогрессу, иногда доходил до крайностей, но в целом способствовал модернизации общественной мысли и развитию ее критического духа (иногда, правда, также доходившего до национального нигилизма). Идеологи движения во многом способствовали расширению горизонтов китайского национализма, его сближению с идеалами свободы и демократии.

Проекция национального будущего у китайских коммунистов со временем менялись. Вначале оно мыслилось исключительно в интернационалистском ключе, в союзе и солидарности с советской страной и международным рабочим и коммунистическим движением. С началом японской агрессии в 30-х годах прошлого века на первый план выдвигается сплочение всех патриотических сил нации на борьбу с японской агрессией. После прихода КПК к власти недолгий период дружбы с КПСС и СССР сменился массовой мобилизацией националистических эмоций на поддержание культа вождя и противостояние «советскому ревизионизму». Разрыв с Советским Союзом и идея ускоренно-

го вступления в социализм и коммунизм путем опоры на собственные силы и обострения классово-борьбы привели Китай к изоляционизму, почти такому же, в каком находилась страна до Опиумных войн.

Принятие курса на «реформы и открытость» в конце 70-х годов прошлого века вывело Китай из замкнутости и изоляции, способствовало включению его в процессы глобализации. Был положен конец шельмованию традиционного культурного наследия Китая. Китайская молодежь получила широкий доступ к западной культуре, науке, образованию.

Вместе с тем искушение западными ценностями, западным стилем и образом жизни стало подрывать национальную идентичность и идейные основы правящего режима. Это в полной мере показали события на площади Тяньаньмэнь весной 1989 г. которые заставили компартию принимать жесткие меры, дабы предотвратить «мирную трансформацию» китайского государства и общества в прозападном ключе.

Весной 1991 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь потребовал усилить преподавание новой и новейшей истории не только в начальной, средней и высшей школе, но и в детских садах, чтобы сорвать «тайные замыслы международных враждебных сил» по «мирной трансформации» Китая. Стимулятором дальнейшего укрепления националистических тенденций в КНР стала реакция на крушение КПСС и советского строя. В качестве одной из главных причин этого крушения усматривалось разрушение идеологической основы существовавшего строя и соответствующее падение его легитимности. Отсюда возникло естественное стремление заполнить идеологический вакуум, подвести под китайский политический режим более прочный фундамент и тем самым предотвратить его падение. Таким фундаментом представлялся вновь возрождавшийся китайский национализм.

Об этом свидетельствует аналитический доклад, подготовленный идеологическим отделом главной молодежной газеты страны «Чжунго цинняньбао» в начале сентября 1991 года, т.е. сразу же после провала августовской попытки путча в Москве. Один из основных выводов авторов доклада состоял в рекомендации бороться против «мирной эволюции» Китая, *«опираясь на национализм, на патриотизм, исходя из национальных интересов страны»*.

В документе говорилось, что особенности китайской цивилизации и китайской системы ценностей создают необходимые и достаточные возможности, для того, чтобы предотвратить капиталистическое пере-

рождение. Среди них — традиционный конфуцианский коллективизм, альтруистическая мораль, ответственность за судьбы государства, способность благородного мужа не поддаваться искушениям знатности и богатства, не сгибаться перед силой.

Необходимо, говорилось в документе, признать снижение притягательной силы прежней идеологии, по крайней мере, среди довольно большой части масс, признать, что стремление усиливать идеологическое воспитание в прежних формах вызывает отторжение. Авторы доклада утверждали, что если Китай не сумеет поднять духовное знамя своего достоинства, он не сможет противостоять Западу.

Авторы документа предлагали и конкретные рекомендации по укреплению и расширению экономического и иного влияния Китая в мире и, прежде всего в Юго-Восточной Азии, где этнические китайцы имеют сильные позиции в национальной экономике. Говорилось также о необходимости развивать экономические связи с бывшими советскими республиками, особенно — имеющими общую границу с Китаем, Что касается Запада, то здесь рекомендовалось вести «раскольническую деятельность», используя противоречия между США, Европой и Японией.

В 1994 г. Отдел пропаганды ЦК КПК разработал «Программу реализации патриотизма». Программа была нацелена на «воспитание решимости всего народа вести борьбу со словами и действиями, направленными на предательство интересов родины, нанесение ущерба ее достоинству и раскол». Патриотическое воспитание должно было стать всеобъемлющим и повсеместным, использовать все возможные средства и методы воздействия на разум и эмоции населения — по месту работы, отдыха, учебы, в будни и праздники. К его реализации привлекались все органы партии, государственной власти, местного самоуправления, все институты образования и культуры, все творческие союзы, профсоюзные, молодежные, женские организации и общественные объединения. Большое внимание уделялось символам, церемониям, ритуалам. Эти идеи, начиная с 90-х годов прошлого века, постепенно стали составлять содержательную основу образовательных и воспитательных программ на всех ступенях обучения в начальной, средней и высшей школе, вплоть до аспирантуры. Таким же образом строилась пропаганда и в СМИ, бумажных и электронных.

В конце 90-х годов, в стране прошли мощные антиамериканские и антияпонские демонстрации, последовавшие за случайной или, как

утверждают некоторые, преднамеренной бомбардировкой посольства КНР в Югославии в 1997 г. По данным Министерства общественной безопасности КНР, в демонстрациях приняли участие около 700 тысяч человек. Эти события широко освещались в интернете, что во многом способствовало развитию сетевого национализма.

В 2004 и 2005 гг. в ряде крупных городов КНР прошли массовые антияпонские демонстрации с протестами против искажения событий второй мировой войны в японских учебниках истории, против посещения высшими японскими должностными лицами храма Ясукуни, против японских притязаний на острова Дяоюйдао (Сэнкаку), против попыток ревизии американско-японского договора о безопасности, рассматривавшейся как попытка окружения Китая. Они привели к значительному обострению межгосударственных китайско-японских отношений, до того момента относительно уравновешенных.

Важным стимулом развития массового китайского национализма и сетевого, в том числе, стало тенденциозное отношение к Китаю в западных СМИ. Это обстоятельство стало особенно чувствительным во время подготовки к открытию Олимпийских игр в Пекине весной 2008 г., которая совпала по времени с сепаратистскими волнениями в Тибете. Западные СМИ, как по команде, сосредоточили внимание на антикитайских акциях, мешавших пронесению Олимпийского огня в разных странах, что вызвало волну массового возмущения в Китае.

Успехи курса на реформы и открытость повысили авторитет и влияние Китая в мире. Однако, своеобразными издержками этого процесса стал взлет особой разновидности китайского национализма, которую можно назвать радикальной. Радикальный национализм присущ сравнительно небольшой части китайского общества, но он заявляет о себе особенно громко и бескомпромиссно и может иногда претендовать на выражение настроений большинства нации. Примером этого явления могут служить публикации резко антизападной и антиамериканской направленности, такие, как «Китай может сказать нет» и «Китай недоволен», которые стали появляться на свет в конце 90-х годов прошлого века.

Сразу после окончания XVIII съезда КПК, состоявшегося осенью 2012 г., все члены вновь избранного Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином посетили выставку, посвященную борьбе китайского народа за национальное возрождение за период с Опиумной войны 1840 г. и до нача-

ла 2011 г. В короткой речи после посещения выставки Си Цзиньпин сказал, что возрождение китайской нации это — самая великая мечта, сплывавшая многие поколения китайцев и отражающая общие чаяния всех сынов и дочерей китайского народа. Он выразил уверенность в том, что к столетнему юбилею КПК (2021 г.) будет построено общество «среднего достатка», а к столетию КНР (2049 г.) создано «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное, гармоничное, социалистическое, модернизированное государство».

На пути реализации китайской мечты немало серьезных преград. Повальная коррупция разъедает рычаги государственного и общественного управления и грозит подорвать основы политического режима, возглавляемого компартией, подобно тому, как подобная участь постигла гоминьдановский режим на континенте в конце 40-х гг. прошлого века. Широкая и жесткая антикоррупционная компания приносит свои позитивные плоды, но до окончательной победы над коррупцией еще очень далеко.

Стремительный рост экономики позволил решить важнейшую для страны проблему занятости населения и выдвинул Китай на лидирующие мировые позиции. Но экстенсивный характер роста породил тяжелейшее загрязнение среды обитания, угрожающее здоровью и жизни миллионов людей и вызывающее массовое недовольство. Избыточные производственные площади в ряде отраслей промышленности, страдают от недостатка спроса. Обременен местными долгами финансовый сектор. Немалые риски создает наличие «пузырей» в секторе недвижимости. В обширных районах, населенных национальными меньшинствами, множатся сепаратистские и террористические акты.

Все это увеличивает нестабильность общества, подрывает доверие народа к власти. Поэтому понятно стремление предотвратить нарастание сил распада путем сплочения нации на единой ценностной, духовной и идейной платформе. При этом, однако, неизбежно и появление элементов ксенофобии. Это отчасти связано и с обострением некоторых внешнеполитических конфликтов. В какой-то мере оно может отвлекать внимание от злободневных внутренних проблем. Китайское общество в своем подавляющем большинстве весьма ревностно относится к сохранению государственного суверенитета и территориальной целостности страны. Для национального самосознания чувствительны разногласия Китая с некоторыми соседними государствами по поводу принадлежности ряда островов в Восточно-Китайском и Южно-Ки-

тайском морях. Тем не менее, как показывают социологические опросы, территориальные споры вокруг островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, беспокоят население все же меньше, чем такие внутренние проблемы, как коррупция, разрыв между богатыми и бедными, безопасность продуктов питания и лекарств.

Кроме того, как справедливо заметил автор статьи, опубликованной на сайте крупнейшего китайского финансово-экономического медиахолдинга «Цайсинь», национализм — это меч обоюдоострый. Национализм, говорится в статье, это мощная сила, которая будет использоваться в спорах между странами, расположенными вокруг Южно-Китайского моря. Он может им помочь. Но не задаром. Заплатить придется нарушением внутреннего порядка. Пострадает партия или страна, захваченная национализмом. Это предостережение обращено к Вьетнаму, где в мае 2014 г. массовый протест, против введения китайской буровой платформы в спорную акваторию привел к кровавым беспорядкам. Но сказанное справедливо также и в отношении самого Китая. И автор указанной публикации это вполне признает, упоминая об аналогичных проявлениях разрушительного национализма в своей стране в канун Олимпийских игр 2008 г. и четыре года спустя после национализации Японией островов Дяоюйдао, или Сэнкаку. Все люди во всех странах должны выражать свои взгляды рационально и мирно. Те, кто сегодня осуждают беспорядки во Вьетнаме, должны подумать также о собственном поведении в подобной ситуации. Так завершает автор свои рассуждения о национализме. И в этом с ним нельзя не согласиться¹.

¹ Zhang Jianjing. Closer Look: The Double-Edged Sword of Nationalism Draws Blood — Again. english.caixin.com/2014-05.../100679306.html

ВОЗВЫШЕНИЕ МИРОВОЙ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ — ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В конце XX—начале XXI вв. мир стал свидетелем впечатляющего роста мировой китайской диаспоры: ее количественного увеличения, укрепления ее экономического потенциала, подъема ее авторитета в общественном мнении стран проживания.

Фактор, вызвавший к жизни столь серьезные перемены — это возвышение Китая, обусловленное, в свою очередь, нарастанием его экономической мощи и сопровождавшееся расширением внешнеэкономической деятельности КНР, усилением ее влияния на страны-партнеры.

Иными словами, возвышение мировой китайской диаспоры стало объективным следствием возвышения самого Китая. Впрочем, не только объективным, но и отчасти, можно сказать, «субъективным»: правительство КНР с момента перехода к политике реформ и открытости начало проводить активную диаспоральную политику, стремясь привлечь капитал и предпринимательский опыт диаспоры к решению задач модернизации страны, налаживая культурные и социальные связи с нею, придав Китаю роль «отчего дома», покровителя всех зарубежных китайцев, будь то граждан КНР или страны пребывания.

Коснемся истории китайской эмиграции. Ученые КНР ведут ее историю с XII в. После опиумных войн она приобрела особый размах, и ко времени провозглашения КНР численность зарубежных китайцев увеличилась с одного до десяти миллионов человек. Вначале это были преимущественно торговцы, затем — рабочие, мигрировавшие главным образом в страны Юго-Восточной Азии, а частью — в США, Европу, Океанию и Африку. Специалисты в КНР с вполне обоснованной гордостью отмечают, что китайцы сыграли большую роль в освоении природных ресурсов, экономическом развитии и борьбе за национальную независимость тех стран, куда они переселились, а также в развитии мировой торговли¹.

После образования КНР миграция из страны фактически прекратилась: в условиях острого противостояния двух мировых систем Китай закрыл свои границы, не прекратилась лишь миграция с Тайваня, из

Сянгана и Аомэня. В то же время были введены строгие ограничения на иммиграцию соседними с Китаем государствами ЮВА.

С началом политики реформ и открытости из Китая пошла новая волна эмиграции, продолжающаяся и сегодня. Она обладающая целым рядом особенностей, а именно: вместо необученных рабочих за рубеж стали отправляться образованные люди: коммерсанты, квалифицированные специалисты, средний слой интеллигенции, студенты. Они эмигрировали не ради заработка на пропитание, а в поисках более высокого качества жизни. Обычным явлением сделался выезд целыми семьями. Теперь едут не только из приморских провинций, но и из внутренних районов страны, и не только ханьцы, но и представители национальных меньшинств. С конца 1970-х годов страну покинули, по подсчетам ученых КНР, более 10 млн человек (в том числе 1,5–1,7 млн — из Сянгана, Аомэня и с Тайваня), большинство которых (7 млн) направилось в развитые страны, а приблизительно 3 млн — в развивающиеся, главным образом в ЮВА². При этом возник феномен вторичной миграции: из развивающихся стран в развитые. Численность мировой китайской диаспоры резко возросла и в настоящее время, по последним оценкам экспертов КНР, составляет около 50 млн человек — самая большая в мире.

Один из наиболее авторитетных азиатских политиков премьер-министр Малайзии Махитхир Мохамад в 2003 г. назвал китайскую диаспору «третьей экономикой мира» после США и Японии, оценив суммарный капитал диаспоры в 1500 млрд ам. долл.³. С годами этот капитал возрастает: список транснациональных компаний высшего уровня, принадлежащих эмигрантам — этническим китайцам, в 2008 г. составил 111% по сравнению с 2001 годом⁴.

Наибольшая часть диаспоры — свыше 70% — приходится на страны АСЕАН, и в этих странах участие китайских меньшинств в национальной экономике особенно значительно. Так, в Таиланде, Индонезии, Филиппинах их доля в экономике в 15–20 раз превосходит долю в численности населения. Отдельные отрасли экономики тех или иных стран АСЕАН почти полностью находятся в руках китайской диаспоры. Скажем, в Таиланде на ее долю приходится 90% инвестиций в сфере торговли и столько же в промышленности⁵.

Поэтому далее мы будем говорить о возвышении китайский диаспоры на примере стран АСЕАН.

Новые мигранты в странах ЮВА пополнили собой прежде всего ряды разного рода коммерсантов, предпринимателей из сферы услуг.

В перечне их занятий значатся также небольшие контингенты инженерно-технических специалистов, наемных рабочих, сельскохозяйственных рабочих, учителей, творческих работников. Особый отряд мигрантов составляют рабочие и служащие китайских компаний, осуществляющих за рубежом по контрактам строительные проекты и возящих для этого рабочую силу из КНР.

В этот же период в результате интенсивной интеграции с Китаем в странах АСЕАН появилась масса импортных товаров из КНР, пришли инвестиции, хотя и не столь большие, возникли новые рабочие места, словом, образовалось новое поле хозяйственной деятельности, первыми претендентами на освоение которого стали местные этнические китайцы и новые мигранты. Их бизнес получил мощный импульс развития.

Другая важная сторона возвышения китайской диаспоры состоит в следующем. Исторически китайское меньшинство в странах Юго-Восточной Азии подвергалось дискриминации и со стороны властей, и со стороны населения. Она проявлялась во всевозможных формах, от законодательных ограничений хозяйственной деятельности до массовых погромов. Истоки дискриминации коренились в успехах китайских мигрантов в конкурентной борьбе, что в свою очередь было обусловлено их коммерческими талантами, соединенными со сплоченностью китайской общины, пронизанной множеством неформальных деловых, родственных, земляческих, фамильных и т.п. связей, как внутри той или иной страны, так и международных. Характерно, что некоторые представители китайской общины вошли в списки богатейших предпринимателей (заметим попутно: подогревая тем самым синофобские настроения коренного населения).

Усиление Китая, улучшение его отношений со странами ЮВА позитивно сказались на положении китайских меньшинств, которые получили новые возможности развития: в этих странах были отменены или смягчены введенные ранее дискриминационные законы; капитал китайской диаспоры стал рассматриваться как важная сила национального строительства; возобновилось запрещенное прежде обучение на китайском языке, особенно востребованном в новых условиях и т.д.

Так, в Индонезии, стране, где история отношений китайской общины с местным населением изобилует драматическими сюжетами, правительство уже в 1980 г. узаконило право этнических китайцев на принятие индонезийского гражданства, чем воспользовалось 700 ты-

сяч человек. Была принята политика «культурного плюрализма», введена свобода религиозного вероисповедания, в числе школьных предметов появился китайский язык, а преподаватели китайского стали приезжать из КНР.

Экономика стран ЮВА получила и продолжает получать несомненные выгоды от растущего присутствия китайского труда, капитала и предпринимательского опыта. Деятельность китайского меньшинства способствует увеличению таких базовых показателей, как ВВП, объем экспорта, средние доходы населения. (Рост ВВП в 2003–2007 гг. в среднем составлял 6,1%; по прогнозу OECD на 2011–2015 гг. — 6,0%⁶. Экспорт в 2012 г. достиг 1220,7 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2010 г. на 17,0%⁷. Душевой доход в 2012 г. в текущих ценах составил 3747 долл., а с учетом паритета покупательной способности — 5790 долл.⁸, в 2008 г. соответственно 2577 долл. и 4726 долл.⁹). Благодаря своим международным деловым связям китайцы помогли странам ЮВА интегрироваться в глобальный рынок. Не будучи создателями новых современных технологий, они, тем не менее, начали переносить на местную почву уже обкатанные технологии из развитых государств.

Вместе с тем ряд других аспектов деятельности китайской диаспоры воспринимается коренным населением стран-хозяев как ущемление их интересов.

Прежде всего, отчасти в результате успешной конкуренции, а отчасти благодаря освоению свободных ниш в сфере труда китайские мигранты сумели сосредоточиться в наиболее доходных секторах экономики, тогда как на долю коренного населения остались низкопроизводительные и малоодоходные отрасли, такие как сельское хозяйство и добывающая промышленность. По мнению некоторых специалистов, обогащение китайской диаспоры в колониальный период в известной мере происходило также за счет ее участия в колониальной эксплуатации природных ресурсов и труда местного населения в качестве посредника между колониальными державами и местным рынком. (В то же время проистекающая из конфликта экономических интересов дискриминация китайского меньшинства послужила, как считают исследователи, одной из важных причин, в силу которых в странах ЮВА затянулся переход к высокопроизводительной индустриальной экономике). Конкурентные преимущества китайского меньшинства, неравномерность отраслевого разделения труда по этническому признаку сохраняются и сегодня, питая межэтническую напряженность.

Здесь же стоит отметить, что в перспективе некоторые политологи считают возможным превращение стран АСЕАН в сырьевой придаток Китая и, как продолжение прошлого и настоящего, неравное распределение грядущих благ, полученных благодаря экономическому росту, между китайским меньшинством и коренным большинством. С тем, однако, отличием от прошлого, что в предполагаемом будущем члены диаспоры будут выполнять компрадорские функции не столько для западных компаний, сколько для компаний КНР¹⁰. Нужно признать, что определенные объективные предпосылки для формирования экономической зависимости государств АСЕАН от КНР, действительно, скрываются в структуре торгово-экономического обмена между ними и в неизбежности их все более тесного экономического сотрудничества.

Другой фактор, провоцирующий антикитайские настроения — перевод накоплений, сделанных китайцами, на их этническую родину — феномен, существующий столько же времени, сколько и сама китайская диаспора. Последние годы вывоз капиталов через китайскую диаспору стал особенно значительным: инвестиции зарубежных китайцев в КНР в два с лишним раза превосходят инвестиции Китая в страны АСЕАН, в то время как китайские инвестиции составляют менее 5% всех иностранных прямых инвестиций в страны АСЕАН¹¹. В 2010 г. объем прямых инвестиций зарубежных китайцев — а это в основном инвестиции из ЮВА — в экономику КНР составил 77 млрд ам. долл.¹² И если КНР приветствует и поощряет подобные вливания в свою экономику, то для стран, невольно оказавшихся в роли доноров, это — крайне нежелательная утечка национального капитала, созданного на их территории трудом их граждан, и не только китайцев по происхождению. На этой почве возникают даже подозрения относительно политической лояльности местных китайцев.

Дополнительной пищей для антикитайских настроений служит то обстоятельство, что «новые мигранты» — молодые люди, связанные с родиной многочисленными «свежими» связями, отделены от местного общества заметно большей дистанцией, чем мигранты предыдущей волны, и не спешат вписаться в него. Мало того, нередко новые коммерсанты, приехав с целью открыть свой бизнес, пытались отвоевать себе место на рынке с помощью дешевых товаров китайского производства или завозимой из КНР рабочей силы. Подчас это приводило к вспышкам насилия. Последние годы (правда, вне АСЕАН) имели

место такие инциденты, как поджог и разграбление китайских лавок на Соломоновых островах и в Восточном Тиморе, где лиц китайской национальности пришлось эвакуировать из опасных мест. В 2006 г. жители королевства Тонга, возмущенные тем, что китайские предприниматели привезли рабочих из Китая вместо того, чтобы набрать из местного населения, разграбили и сожгли более тридцати магазинов, принадлежащих китайцам¹³.

Возникло впечатление, что китайская община как бы повернулась лицом к Китаю, и ее критики стали говорить как о нежелательном явлении о ее «рекитаизации» или «повторной китаизации» («чунсинь чжунгохуа»).

Опасения относительно «рекитаизации» усиливаются на фоне постоянного внимания Китая к жизни диаспор (показательно, что во время зарубежных турне лидеры КНР практикуют встречи с представителями местных китайских общин), стремления Пекина всячески укреплять культурные связи с диаспорой, содействовать внутреннему единству китайских общин. Не вызывает восторга у коренных этносов и подход китайских экспертов к диаспоре как к одному из видов «мягкой силы» государства. Тем более, что сами ученые КНР развивая такой подход, не только призывают зарубежных китайцев, в том числе граждан стран проживания, «добиваться, чтобы новые поколения лучше знали китайскую культуру», но и констатируют, что «их деятельность может в определенной мере увеличить влияние Китая»¹⁴.

С начала 1970-х гг. китайские предприниматели, стремясь укрепить свое положение в условиях давления со стороны «экономического национализма», стали объединяться в международные организации — земляческие, фамилно-родовые (по одинаковым фамилным иероглифам), а затем и более широкие, по этническому признаку. В 1991 г. была создана качественно новая организация, самая крупная — Всемирный конгресс китайских предпринимателей. Правительство КНР оказывает этим организациям разнообразную поддержку, а власти и деловые круги государств ЮВА относятся к ним негативно. С их точки зрения, деятельность подобных организаций ведет к обособлению китайских диаспор от экономики стран их проживания, к ослаблению сотрудничества этнических китайцев с другими этносами этих стран. В диаспорах, напротив, международные организации пользуются популярностью, в связи с чем рождаются амбициозные идеи создания «китайской этнической экономики» или

«этнического китайского экономического кольца» (включающего в себя также и КНР) — заведомо фантастические, но провоцирующие недоверие к диаспорам.

Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, китайское правительство разработало четкую политику, призванную минимизировать негативные последствия произошедшего возвышения диаспор. В 1980 г. в КНР был принят «Закон о гражданстве КНР», который декларировал отказ от двойного гражданства и провел четкую границу между гражданами КНР и гражданами других государств. Человек, получивший китайское гражданство, лишается иностранного гражданства, а получивший иностранное гражданство — лишается китайского.

Китайское правительство заявило, что оно одобряет и поддерживает добровольное принятие эмигрантами гражданства страны пребывания, выказывая при этом в их адрес ряд требований и пожеланий. В материалах китайской консульской службы подчеркивается: «Добровольно принявший гражданство другой страны является иностранным гражданином, он должен пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности гражданина данной страны». Однако, теряя китайское гражданство, эмигрант вместе с тем «сохраняет родственную связь с китайским народом». Если же эмигрант остается китайским гражданином, то правительство Китая обязывает его «соблюдать законы и обычаи страны проживания, жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания». Он должен также беречь природу, не ущемлять интересы людей других национальностей». Нужно шире смотреть на жизнь, не замыкаться в китайских кварталах, не отгораживаться от общества, в котором они находятся, а, наоборот, приобщаться к его жизни, углублять взаимопонимание сторон. Хороший способ «выйти в люди» — активно участвовать в работе общественных организаций по месту жительства (так называемых «шэцью») ¹⁵.

Втягивая в свою экономику в массовых масштабах капитал зарубежных китайцев, подняв на небывалую высоту торговое и инвестиционное сотрудничество с Тайванем, вернув Сянган, слившийся в единое экономическое целое с прилегающими районами провинции Гуандун, Пекин подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», ассоциируемом в международном общественном мнении с вовлечением диаспоры в экономику и политику КНР. Благодаря этому ажиотаж вокруг идеи «Большого Китая», возникший было в первой половине 90-х гг., затем сам собой сошел на нет

И еще один важный момент. Принципиальную возможность если не снять, то, по крайней мере, смягчить накапливающиеся противоречия китайские специалисты видят в том, чтобы постепенно сплавить этносы, составляющие то или иное государство в ЮВА, в единую нацию. Это — долгий и сложный процесс, но, как пишет профессор Пекинского университета Лян Инмин, «все больше этнических китайцев, ставших гражданами стран проживания, осознают, что их единственный путь — это интегрироваться в принявшее их общество, пустить в нем корни. Будучи этническим меньшинством, они должны усвоить культуру большинства, сохранив при этом и свою собственную. Только твердо стоя на земле своих стран, внося вклад прежде всего в их развитие, китайцы могут обрести признание обществ данных стран»¹⁶. Зарубежные китайцы не должны кичиться своим богатством, своими связями с высокопоставленными официальными лицами КНР. Им не следует обращаться к китайскому национализму в ответ на проявления местного национализма.

Активная политика руководства КНР позволяет снизить напряженность вокруг китайских диаспор в ЮВА, создать более благоприятные условия для их развития. Как в дальнейшем будут складываться отношения этнических китайцев с их окружением — сказать сегодня трудно.

Тем не менее, фундаментальный вывод состоит в том, что на данный момент для стран ЮВА выигрыш от возвышения китайской диаспоры в конечном итоге существенно перевешивает негативные стороны, о которых говорится выше.

¹ HMin Zhou. The Chinese Diaspora and International Migration [Electronic resource] /Min Zhou // Social Transformations in Chinese Societies. — 2005. Mode of access: HUhttp://www/sscnet.ucla.edu/soc/faculty/Zhou_Chinese_Diaspora.pdfU

² Впервые получены сравнительно точные данные о количестве проживающих за рубежом китайцах и китайских эмигрантах [Электронный ресурс] // Жэньминь ван. 02.12.2011. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31516/7663300.html>

³ Цит. по: Li Qi-rong. Cooperation, Mutual Benefit and Development on Capital of Southeast Asian Overseas Chinese in Change of Sino-Southeast Asia Relationship [Electronic resource] // Mode of access: [http://www6.cityu.edu.hk/searc/CSEA_Workshop/CSEA_Workshop/PAPERS/SeptemberSymposium/LiQirong\(Eng_rev\).pdf](http://www6.cityu.edu.hk/searc/CSEA_Workshop/CSEA_Workshop/PAPERS/SeptemberSymposium/LiQirong(Eng_rev).pdf)

⁴ Лун Давэй. Цун юаньбянь цзоу сян чжулю [Из маргиналов — к мейнстриму] / Лун Давэй, Чжан Хуньюнь, Дэн Гао // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. (Пекин). 2011. — № 2. — С. 7

- ⁵ The China Information Technology Handbook / Ed. P.O.de Pablos, M. D. Lytras. N.Y: Springer Science, Business Media. — 2009. — P. 206
- ⁶ данные OECD для шести основных стран см. ASEAN countries returning to pre-crisis growth // ASEAN [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.oecd.org/dev/aseancountriesreturningtopre-crisisgrowth.htm>
- ⁷ ASEAN External Trade Statistics. Trade 2011–2012. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/external_trade/2013/table17.pdf
- ⁸ ASEAN Statistics. Selected key basic ASEAN indicators. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/SKI/table1.pdf>
- ⁹ ASEAN Community in Figures. 2009. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.aseansec.org/wp-content/uploads/2013/07/ACIF2009.pdf>
- ¹⁰ Linda Y.C. Lim. Southeast Asian Chinese business and regional economic development / Linda Y.C. Lim. // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. Tan Chee-Beng. — L., N.Y. — 2013. — P. 256–260
- ¹¹ Linda Y.C. Lim. Southeast Asian Chinese business and regional economic development / Linda Y.C. Lim. // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. Tan Chee-Beng. — L., N.Y. 2013. — P. 253–254
- ¹² Чжунго тунци няньцзянь (Китайский статистический ежегодник). — 2010. — Табл. 6–14. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ststs.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexce/htm>
- ¹³ Peter Kwong. Chinese Migration goes Global / Peter Kwong // YaleGlobal online. [Electronic resource]. Mode of access: <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=9473>
- ¹⁴ Лян Инмин. Я хуашан юй цзинци миньцзучжуи (Китайские предприниматели в ЮВА и экономический национализм) / Лян Инмин. Дуннань // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. — 2008. — № 2. — С. 20
- ¹⁵ Хэ му сян юн, хэцзо гун ин. Гоуцзянь игэ чунмань холи ды хуацяо хуажэнь шэхуй. Цзай ди сы цзюй шицзе хуацяо хуажэнь шэтуань лянйи дахуй шан ды баогао (Гармония — сотрудничество с выигрышем для всех. Построим исполненное живой силы сообщество зарубежных китайцев. Доклад на IV Всемирной конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев) (5). [Электронный ресурс] // Чжунго цяован. Режим доступа: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236.shtml>
- ¹⁶ Лян Инмин. Я хуашан юй цзинци миньцзучжуи (Китайские предприниматели в ЮВА и экономический национализм) / Лян Инмин. Дуннань // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. — 2008. — № 2. — С. 23.

С. Г. Лузянин, Е. И. Сафронова

РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ В «ВОЗВЫШЕНИИ» ШОС. ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

С каждым годом усиливается роль и влияние Шанхайской Организации Сотрудничества, как на региональном, так и на глобальном уровнях, что еще 5–7 лет назад не было характерно для Организации. В настоящее время в результате институционального и политико-экономического развития вес ШОС в мировых делах значительно усилился, включая деятельность в ООН, взаимодействие с такими структурами как G-20, НАТО, АСЕАН, БРИКС и другие. Организация — один из быстро формирующихся центров многополярного мира. Расширение института наблюдателей за счет включения Афганистана, создание группы стран — партнеров по диалогу, куда входят Турция, Белоруссия и Шри-Ланка также усиливает влияние Организации в различных частях мира.

В сфере безопасности, например, Организацию ближайšie два года ждут нелегкие испытания именно на центрально-азиатском «фронте». Как известно, на фоне обострения трансграничной преступности, религиозного экстремизма, сепаратизма и наркотрафика, усиливаются неопределенность и тревожные ожидания 2014–2015 гг., связанные с заявлениями американской администрации о выводе войск западной коалиции из кризисной исламской республики и переводе военно-политической ответственности на администрацию президента ИРА. Так это будет или нет, покажет уже ближайшее будущее, но, в любом случае, вопросы безопасности и сотрудничества с заинтересованными организациями, заинтересованными в сохранении стабильности и порядка в регионе Центральной Азии и сопредельных зонах, выходят на первый план.

Несмотря на произошедшее усиление глобальных позиций ШОС (в ООН, в плане усиления контактов ШОС и АСЕАН и пр.), региональная основа остается доминирующей. Более того, модель Организации образца 2014 года, видимо, будет предполагать дальнейшее усиление региональной повестки с учетом активизации афганских процессов, усиления центрально-азиатских диспропорций — экономический рост одних государств и обнищание других, обострение водно-экологических, социальных проблем, рост влияния «арабской весны» и др.

Между глобальным и региональным позиционированием ШОС пока нет явных противоречий. Одно вытекает из другого, дополняя друг друга. По многим вопросам глобальной повестки ШОС (Сирия, Корейский полуостров, противодействие «гуманитарным акциям» США и др.), ШОС близка к формату БРИКС, хотя последний, еще в процессе институализации.

На усиление глобального и регионального развития Организации работает институт наблюдателей ШОС. Сегодня это 5 государств — Иран, Индия, Пакистан, Монголия, Афганистан.

В торгово-экономической сфере сложился перекосяк от многостороннего сотрудничества в сторону доминирования двусторонних (китайских) проектов с отдельными государствами — членами ШОС. Формально и неформально в этот двусторонний перечень, кроме китайско-казахстанских, китайско-киргизских и иных отношений, необходимо включить и российско-китайский двусторонний формат.

Доминирование двусторонних форм сотрудничества, — объективная вещь, которая возникает, исходя из более значительного (чем у других государств — членов ШОС) экономического ресурса и инвестиционных возможностей. В принципе, в данном соотношении нет явной угрозы проекту в целом.

В экспертном плане фигурируют два вопроса (аспекта), которые требуют уточнения.

1. Как более эффективно и с помощью каких административных, политических или чисто экономических рычагов возможен перевод части двусторонних проектов на многостороннее сотрудничество?
2. Насколько совпадают, а где не совпадают торгово-экономические интересы КНР и интересы других стран ШОС?

Известно, что по уровню торговли и объемам инвестиций Китай опережает Россию в Центральной Азии. Часть российских экспертов (А. Грозин и др.) считает, что экономическое наступление КНР в регионе происходит за счет вытеснения в основном западных, а не российских компаний. Интересы китайского бизнеса в основном не противоречат ключевым российским, хотя по отдельным (локальным) позициям, здесь могут быть нестыковки.

Представляется, что технологически и организационно перевести двусторонние проекты в трех или четырех — дело достаточно сложное. Гораздо легче формировать многосторонние проекты с нуля, прежде всего, в производственной, торговой и инфраструктурных сферах.

При этом между российским и китайским видением освоения Евразии имеются свои нестыковки и противоречия. И автоматически (волевым решением) полного «евразийского альянса» между РФ и КНР достигнуть невозможно. В частности, существуют объективные противоречия между направленностью инфраструктур недавно провозглашенного Евразийского экономического союза (ЕЭС) России, Казахстана и Белоруссии и Шелкового пути. Китайские магистрали, как известно, ориентированы в основном в обход России, либо параллельно Транссибу (через Центральную Азию). Имеются также и углеводородные нестыковки.

Китай усиленно наращивает свое экономическое (инвестиционное) влияние в регионе Центральной Азии, особенно на двусторонних уровнях, явно не собираясь ждать Россию и/или корректировать с ней свою экономическую стратегию освоения региона. Пекин успешно развивает без России и свои инфраструктурные проекты, автоматически отводя РФ первенство в сфере региональной безопасности.

Среди экспертов КНР и РФ продолжается активная дискуссия по поводу перспектив региональной интеграции. Когда ШОС набирала силу, в начале 2000-х годов в Пекине пространство Организации (постоянных членов) воспринимали как реальную зону китайского интеграционного проекта, либо в форме зоны свободной торговли (ЗСТ), либо в иной форме.

Защитная реакция малых стран ШОС и процедура консенсуса при принятии решений, предусмотрительно заложенная отцами-основателями в учредительных документах Организации, сыграли сдерживающую для китайского проекта роль. Вариант «ЗСТ—2004», рассчитанный на регион, не прошел. Китайцы, тем не менее, провели документ о перспективах интеграции в зоне ШОС до 2020 г.

Россия активно реализует свое видение евразийской интеграции — через созданный Таможенный Союз (ТС) и преобразование его в Евразийский Экономический союз.

Отдельные эксперты КНР стали говорить, что Китаю «невыгодно, чтобы Центральная Азия принадлежала отдельным силам», что отношения с Россией в регионе — это «сотрудничество и конкуренция», что «соперничество двух стран будет продолжительным»¹. Но при этом практически все ученые — политологи и экономисты КНР говорят о приоритете России в сфере региональной безопасности.

Очевидно, что в данном соотношении пока нет полной ясности, особенно в плане перспектив слияния или параллельного развития двух вариантов интеграционных проектов. Другими словами, можно констатировать развитие нескольких вариантов региональной интеграции, как в рамках ШОС, так и вокруг Организации. Причем внутри ШОС Китай, как известно, успешно реализует ряд двусторонних интеграционных, торговых проектов с сопредельными государствами региона — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Существенную роль в регионе играет энергетическая и транспортная мотивация России, пытающейся сохранить основные источники углеводородов и транспортно-энергетические «коридоры» их доставки в страну и/или через нее. Данное направление подвергается особому давлению со стороны конкурентов, особенно стран ЕС, США и ряда других государств. Приоритетными партнерами РФ в данной сфере являются Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Объединение усилий России и стран Центральной Азии в энергетической сфере выступает в качестве локомотива межгосударственной кооперации, а также разделения труда в регионе. В частности, это касается глубокой переработки углеводородов, строительства АЭС, ГЭС и др.

Курс на расширение своего влияния в регионе Китай прокладывает осмотровально. Дипломатия КНР стремится избежать конкуренции с Россией, которую она рассматривает не как соперника, а больше как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада. «Большой» российско-китайский Договор о стратегическом партнерстве 2001 г. косвенно распространяется и на Центральную Азию. КНР позиционирует себя в регионе как государство, которое признает российские приоритеты, не пытается подменить или выдать РФ. Однако экономически (по объемам инвестиций, числу реализованных за последние 15 лет инфраструктурных и энергетических проектов) КНР здесь обошла РФ.

Существует определенное российско-китайское энергетическое соперничество, особенно после открытия в конце 2009 г. китайского трансазиатского газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай. С коммерческой точки зрения в нефтегазовой политике Россия и Китай — конкуренты. Сегодня мы наблюдаем этап «мягкой» конкуренции Москвы и Пекина на углеводородных рынках Центральной Азии. ШОС — средство сохранить этот уровень и не допустить перехода к «жесткой» конкуренции. Последнее будет означать перераста-

ние технологических вопросов в политическое противостояние, а этого допустить нельзя. В обеих странах это прекрасно понимают.

Общий объем осваиваемых *китайских инвестиций* в странах Центральной Азии составил в 2012 г., по некоторым данным, около 21.5 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком»-импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса².

Казахстан остается главным партнером Пекина в регионе, на него приходится порядка 73% товарооборота между Китаем и всеми центрально-азиатскими странами. Увеличение оборотов торговли идет за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе зоны свободной торговли. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл. Объем китайских инвестиций в Казахстан, по официальным данным Пекина, составил в 2012 г. 3.7 млрд долл.³.

¹ Сунь Чжуанчжи. Шанхай хэцзо цзучжи: жэнь чжун ер дао юань (Шанхайская Организация Сотрудничества: ответственность велика, а путь далек) // «Сьендай Шицзи» (Современный мир), 2012 г., № 7. — С. 122–129.

² Лузянин С. Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества // режим доступа // http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm

³ Там же.

З. А. Дадабаева

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Геополитические изменения в мире неизбежно привели к трансформационным процессам в Центральной Азии (ЦА). Из периферийного регион превратился в район пересечения политических, экономических и военных интересов крупных мировых держав. Особое место в системе межгосударственных связей на евразийском пространстве занимает сотрудничество центрально-азиатских государств с внешними игроками, в числе которых важное место занимает взаимодействие с крупным и динамично развивающимся соседом — Китаем. Можно выделить три основных фактора, интересующих Китай в ЦА 1) использование республик в качестве сырьевой базы и рынков сбыта, 2) усиление торгово-экономического сотрудничества, 3) укрепление своего влияния в регионе.

Под Центральной Азией в данном контексте мы подразумеваем Казахстан, Таджикистан, Киргизию, Узбекистан и Туркмению. Общая парадигма отношений этих стран с Китаем вполне понятна и основана на двусторонних и многосторонних соглашениях. Поскольку все они, минус Туркмения, но плюс Китай и Россия входят в состав Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), я предположила, что будет интересным рассмотреть проблемы взаимодействия так называемых малых стран ШОС (здесь я подразумеваю Киргизию и Таджикистан) с Россией и Китаем.

Киргизия и Таджикистан занимают особое место в интеграционных проектах на постсоветском пространстве и находятся на периферии СНГ. Практически обе страны существуют в сложных географических и природных условиях, при этом обладая значительным политическим, экономическим, демографическим потенциалом, не могут эффективно реализовать, имеющиеся возможности. Участие в ШОС даёт этим двум странам шанс на выход из «тупика», в первую очередь экономического.

Внутри центрально-азиатского региона не решен целый комплекс проблем, среди которых важную роль играют пограничные и территориальные претензии между соседями по региону, проблемы обеспече-

ния газом, электроэнергией, а вопросы использования водных ресурсов трансграничных рек приводят к почти военным действиям, Президент Узбекистана открыто заявлял, что достройка Рогунской ГЭС в Таджикистане приведёт к войне¹. На повестке дня всё ещё остро стоят межэтнические и национальные проблемы. Страны конкурируют за получение кредитов и инвестиций в первую очередь от Китая и России.

Региональное сотрудничество между Китаем и ЦА внешне выглядит беспроблемным, на официальном уровне мы не наблюдаем противоречий и конфликтов. Практически все страны региона имеют долгосрочные Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопонимании с КНР. Выполняются крупные экономические проекты, решены пограничные вопросы, регулярно совершаются официальные визиты. Но если посмотреть глубже мы увидим, что в центрально-азиатском регионе Китаю приходится конкурировать с сильными соперниками в лице США, ЕС и России.

Присутствие США в политической, экономической, гуманитарной и военной сферах некомфортно для Китая, но он не готов идти на открытую конфронтацию. При этом следует подчеркнуть, что с одной стороны страны региона умело, используют фактор противостояния Россия — Китай — США/Запад в своих национальных интересах. Присутствие США рассматривается как гарантия соблюдения баланса сил и основное препятствие единоличному доминированию в регионе России или Китая. С другой стороны, существует некоторая конкуренция со стороны России и Китая за доступ к ресурсам в регионе, за экономическое влияние, а значит в перспективе к абсолютному доминированию в странах.

И ещё один очень важный момент, в странах постепенно нарастает недовольство среди местного населения политикой официальных властей в отношениях с Китаем, особенно по решению пограничных проблем (не все поддержали, в частности в Таджикистане передачу части территории Китаю). Экономическая помощь, выделяемые гранты, как правило, осваиваются китайской стороной, льготные кредиты рано или поздно должны быть возвращены, всё это вызывает неоднозначную реакцию в обществе.

Роль международных институтов в регионе

Страны Центральной Азии обеспечены системой международных институтов и организаций, но крайне непоследовательны в вопросах сотрудничества с ними. Народы, населяющие эту территорию, обла-

дают противоречивой идентичностью. Это отражается в неопределенности внешнеполитических ориентиров государств, в конкуренции за интеграционные проекты, в противоречиях между региональными институтами и отсутствии действенного сотрудничества в рамках международных организаций.

Сегодня на евразийском пространстве параллельно действуют несколько региональных объединений, наиболее развитые из них — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз (ТС). Региональный состав их участников практически совпадает. Исключение составляют ШОС, куда входит ещё Китай и ТС, состоящий пока только из трёх стран. Но политическая логика создания этих организаций неодинакова.

Как на фоне евразийских проектов выглядят проблемы сотрудничества и развития отношений стран Центральной Азии с Россией и Китаем, предлагаю рассмотреть на примере ШОС. Эта организация занимает особое место в интеграционных проектах, так как взаимодействие со странами региона охватывает все сферы сотрудничества и происходит по политическим, экономическим, военным вопросам, как в двустороннем формате, так и в рамках организации. Состав участниц ШОС, а это — Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан, объединяет разные по политическому весу и экономическому состоянию страны в мире. Государства-наблюдатели — Афганистан, Индия, Иран, Монголия, Пакистан. Партнеры по диалогу — Белоруссия, Турция, Шри-Ланка.

Китай, активно использует потенциал ШОС, чтобы в тесном партнерстве с Россией участвовать в решении комплекса проблем безопасности особенно после усиления военного присутствия США в регионе. Развивая тесные отношения со странами региона, Китай, как было отмечено выше, обеспечивает реализацию своих стратегических целей в сфере освоения богатых природных ресурсов Центральной Азии.

Как известно, Шанхайская организация сотрудничества провозгласила своими целями: укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействие построению нового демократического, справедливого, рационального, политического и экономического международного порядка, борьбу с терроризмом,

экстремизмом и сепаратизмом, совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI в.

На современном этапе для ШОС характерен высокий темп деятельности её структур, политическое и экономическое взаимодействие в рамках организации опирается на двусторонние, многосторонние договоры и соглашения. Особый динамизм и эффективность этой организации придаёт активная роль КНР. Энергично развиваются деловые и экономические связи Китая, который инвестирует значительные средства, в экономику самых отсталых стран организации: Киргизии и Таджикистана. Расширяются научные, культурные, образовательные проекты.

Россия и Китай проблемы взаимодействия в ШОС

Не секрет, что лидирующими странами ШОС являются Россия и Китай. Подходы этих государств к сотрудничеству с центрально-азиатскими странами идентичны и исходят из принципа, что лучше формировать отношения в рамках общей организации, обеспечивая при этом максимальную транспарентность. Одной из важных составляющих региональной стратегии Китая в сфере безопасности является тесное взаимодействие с Россией. Но в ШОС они одновременно и партнёры и конкуренты. Причем Китай пока предпочитает находиться «в тени» России. Пекин очень активно использует свой экономический потенциал и не афиширует «военные возможности», стараясь не провоцировать раздражение Вашингтона и Брюсселя демонстрацией своих военно-политических амбиций в Центральной Азии. При этом Россия осознаёт, что Китай может вполне самостоятельно развивать отношения с малыми странами, но сейчас делает это деликатно, всячески подчеркивая важную роль России на постсоветском пространстве. Тем не менее, российский вектор в регионе постепенно уменьшается, а китайский вектор увеличивается.

Стратегия Китая, заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС в тесном партнерстве с Россией участвовать в развитии тесных отношений со странами ЦА, обеспечить реализацию своих стратегических целей в сфере безопасности и недопущения дальнейшего усиления присутствия в регионе США и их союзников. В основе внешнеполитических интересов КНР в регионе лежит повышенное внимание к транспортным проектам, строительству железных дорог, мостов, линий электропередач, строительству сети трубопроводов из Централь-

ной Азии. Для формирования надежных коммуникационных связей ЦА с ЕС, а для Китая тоже очень важно европейское направление Пекин активно развивает и инвестирует элементы транспортной инфраструктуры с Центральной Азией, что служит фундаментом широкого взаимодействия КНР с европейскими странами. Таким образом, анализ внешнеполитической деятельности Пекина даёт основание полагать, что Китай в Центральной Азии обосновался всерьёз и надолго. По мнению экспертов в отдаленной перспективе укрепление позиций Китая в АТР и улучшение социально-экономической ситуации в восточных регионах, скажутся на будущем стран Центральной Азии и всего континента².

Ключевым вопросом российской политики в центрально-азиатском регионе является:

1. Усиление экономического сотрудничества.
2. Развитие двух и многостороннего взаимодействия с партнерами по вопросам безопасности в регионе.
3. Сотрудничество в военно-политической и военно-технической, правоохранительной сферах, по линии спецслужб, которое базируется на связывающих Россию и государства Центральной Азии договорах и соглашениях разного формата о сотрудничестве в рамках ОДКБ и ШОС.
4. Решение проблемы безопасности границ.
5. Пресечение наркототока вглубь страны. Россия может выступить арбитром в «соревновании» двух крупных центрально-азиатских государств (Казахстана и Узбекистана), при этом, пресекая возможное усиление одного из них «чрезмерно усилившийся партнер может, в конце концов, обойтись и без союза с Россией»³.

Шанхайская организация сотрудничества играет важнейшую роль в развитии экономического сотрудничества Китая, России и стран региона. По экономической мощи ШОС уступает только США: 4704 млрд долл. против 13 807 млрд долл., опережая Японию (ВВП — 3381 млрд долл.), Германию (3320), Великобританию (2804) и Францию (2593 млрд долл.). На Россию и Китай, которые занимают центральное место в организации приходится 98% населения стран ШОС и 97% суммарного ВВП.

Республики Центральной Азии, представляют для Китая потенциальный рынок для его растущей экономики, а также благодатный источник сырьевых материалов. Географическая близость Китая к Цен-

тральной Азии, безусловно, важна для стран региона. Динамичный и доступный рынок Китая представляет интерес для экспорта товаров из стран Центральной Азии. Некоторые из стран региона тяготеют к Китаю, другие же более плотно сотрудничают с Ираном и Турцией. Но все центрально-азиатские страны неизменным союзником и главным экономическим партнером считают Россию.

Наряду с решением общих антитеррористических задач, национальные интересы Китая сводятся к стремлению превратить ШОС в инструмент реализации своей экономической политики в Центральной Азии. Ведь кроме ШОС у Пекина нет других структур в регионе, в отличие от России.

Активная инвестиционная и торговая политика КНР в отсталых центрально-азиатских странах ШОС приносит им пользу в плане создания инфраструктуры, повышения уровня жизни, развития кооперации, «создавая некую альтернативу центрально-азиатскому американскому экономическому проекту: «Новый шелковый путь». Активизация Китая в регионе в рамках ШОС, автоматически усиливает и обостряет российско-китайскую конкуренцию в борьбе за транспортные, энергетические рынки и «коридоры» сбыта. На наш взгляд, это вполне естественный конкурентный процесс, важно не допустить, чтобы он привел к непримиримым противоречиям в регионе в целом и внутри ШОС.

Сотрудничество с Таджикистаном

Китай прочно входит в лидирующую пятерку внешнеторговых партнеров Таджикистана. Страна занимает первое место по количеству открытых совместных предприятий в Таджикистане. На сегодняшний день в Республике Таджикистан зарегистрировано и работают более 70 таджикско-китайских компаний. В настоящее время Китай участвует в реализации более 50 инвестиционных проектов, охватывающих ряд приоритетных отраслей экономики и инфраструктурных объектов, в частности строительство и реконструкция автомобильных дорог. При участии китайских кредитов и инвестиций уже построена линия электропередач «Юг — Север», а на юге страны — «Лолазор — Хатлон», реализуются инвестиционные проекты в отраслях промышленности. Достигнуты договоренности о выделении китайских инвестиций в размере 1 млрд долл. на строительство цементного завода мощностью до 3 млн т. в год и ТЭЦ в г. Душанбе. Таджикистан и Китай продолжают сотрудничать в аграрном секторе экономики⁴.

Построены новые автомобильные дороги, железнодорожные пути, связывающие Таджикистан не только с Китаем. Общий объем инвестиций поступивших из Китая составил 166,1 млн долл. или 48,7 % от общего объема инвестиций. Китайские инвестиции поступили на финансовое обслуживание, геологоразведку, промышленность, строительство, монтаж технологического оборудования.

Интересы Китая состоят из обеспечения экономической безопасности региона и не противоречат экономическому развитию Таджикистана. КНР финансово поддерживает таджикскую легкую промышленность, в частности хлопчатобумажное и шелковое производства, активно вкладывается в строительство различных объектов и добычу полезных ископаемых. Транспортная доступность региона через перевал Кульма позволила подключить китайские компании к совместной разработке месторождений золота, серебра, угля и редких металлов.

Несмотря на то, что Китай стал безальтернативным партнёром для Таджикистана, на фоне межгосударственных разногласий на уровне СНГ и не оправдавшихся в связи с этим надежд на российские инвестиции в РТ (2004 г.) и на то, что он потенциально способен осуществлять кредитование экономики республики и реализовывать там крупные проекты. Постепенно растёт недовольство и напряженность среди населения, особенно в сельской местности, где активное хозяйствование китайских фермеров привело к вытеснению с рынка продукции местных производителей и их самих. Растет число смешанных браков с гражданами КНР, что вызывает неоднозначную реакцию в обществе.

Сотрудничество с Киргизией

Динамика развития китайско-киргизских отношений перекликается с аналогичными проектами в Таджикистане. Реализуются крупные экономические инвестиционные проекты, в частности, в водно-энергетических и транспортных сферах. Наиболее эффективно складывается сотрудничество в торгово-экономической сфере.

Следует подчеркнуть, что Китай стал самым большим рынком экспорта и вторым рынком импорта для Киргизии. Мелкий и средний бизнес Киргизии все больше ориентируется на растущую экономику КНР.

Полностью разрешены доставшиеся в наследство от истории пограничные вопросы, которые для Пекина традиционно считались особо важными. В случае с Киргизией оспариваемые участки были поде-

лены в пропорции 30 на 70, то есть 30% спорных территорий отошло Китаю, а 70% — Киргизии. По линии военно-технического сотрудничества проходят совместные китайско-киргизские учения войсковых подразделений по отработке взаимодействия при отражении условно прорвавшихся террористических групп.

Некоторые выводы

Эффективное взаимодействие стран-членов ШОС как справедливо указывают российские эксперты, осложняется противоречиями в национальных интересах «двух тяжеловесов» России, Китая и четверкой «средне-и-легковесов» стран Центральной Азии по ряду подходов к обеспечению безопасности региона, из-за существенного влияния США, а также региональных держав, являющихся пока наблюдателями в ШОС.

В результате получается многовекторное «размывание сил и средств» вместо эффективного сотрудничества, что может дать каждой из стран лишь тактический успех в ущерб стратегической перспективе.

Огромный рынок Китая одновременно привлекает и отталкивает малые страны, делает их зависимыми от китайских производителей. Несмотря на то, что для ЦА Китай надежный покупатель их сырья и продукции. Китайская экспансия всех видов — экономическая, демографическая, культурная, политическая — настораживает страны.

¹ Ислам Каримов предупредил, что проблемы водных ресурсов могут привести к войне <http://news.igest.kz/19550159-islam-karimov-predupredil-cto-problemy-vodnyh-resursov-mogut-privesti-k-voyne>

² Парамонов В. Геополитика и Центральная Азия. <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/05/par>

³ Бутаков Я. Ось «Москва — Ташкент» Узбекистан стал союзником России. Надолго ли? <http://www.analitika.org/article.php?story=2007102612483955>

⁴ Назаров Т. Н. Таджикистан и Китай: двадцать лет плодотворного сотрудничества <http://russian.people.com.cn/31521/8143855.html>

Е. И. Сафронова

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В СВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В современной политологии предлагается в целом справедливое, но требующее конкретизации определение экономической дипломатии, подразумевающее такое направление дипломатической активности субъекта международных отношений, при котором экономические проблемы двустороннего или многостороннего формата используются в качестве объекта и средства давления или сотрудничества на мировой арене¹. Автор же понимает под экономической дипломатией (ЭД) способность государства посредством несиловых дипломатических методов максимально эффективным образом задействовать на практике свои сравнительные (конкурентные) преимущества для достижения внешнеэкономических и/или внешнеполитических целей. В свете этого утверждения в статье и будет рассмотрены особенности экономической дипломатии Китая в Северо-восточной Азии (СВА) как субрегиона АТР².

Ситуация в АТР в контексте региональной безопасности

Наращивание американской активности в Азиатско-тихоокеанском регионе согласно курсу Вашингтона на «возвращение США в АТР» (началом которого принято считать конец 2011 г.) не может быть оставлено Китаем без внимания. КНР не только способна, но и вынуждена предпринять шаги, по меньшей мере, за сохранение в СВА и в целом в АТР достигнутых ею позиций. Это обстоятельство уже само по себе чревато рисками для региональной стабильности. Но поскольку военно-силовой метод протравливания США для КНР ныне крайне маловероятен, то экономический подход остается для Пекина не только единственно возможным, но и действенным способом консолидировать китайские позиции в регионе. Можно сказать, что экономические отношения с государствами АТР уже являются для КНР фактором стратегической безопасности³.

В реализации своей экономической дипломатии КНР ныне сталкивается с ранее незамечавшимися трудностями, которые вносят новые акценты в современную ЭД страны.

Как известно, темпы экономического роста КНР за последние годы несколько снизились: в 2012–2013 гг. они составляли 7,7% в год — самый низкий показатель с 1999 года⁴. Это объясняется рядом как внешних обстоятельств (периодически обостряющийся мировой экономический кризис, снижение покупательной способности на международных рынках), так и внутренних факторов (перенос финансового внимания КНР на сферы обороны и космоса и на расширение внутренних рынков, изыскание новых возможностей для самоэнергообеспечения и др.). В таких условиях Пекину приходится напрягать финансовые и прочие экономические ресурсы для поддержания общественно-политической стабильности внутри государства с одной стороны и для изыскания эффективного ответа на попытки мировых конкурентов, прежде всего США, «вернуться» в АТР и закрепиться там на более широких позициях — с другой. Рост политической доминанты в китайско-американских отношениях не может не сказаться на характере проводимой Пекином в АТР экономической дипломатии. Она должна стать или более затратной, или более софистицированной, сочетающей в себе не только экономические компоненты, но и возможности «публичной дипломатии», а также попытки лоббирования интересов страны на «полутеневых» уровнях.

Положение осложняется тем, что в ближайшее время китайская экономика, видимо, продолжит постепенный и небезболезненный переход от высоких темпов роста, достигаемых за счет масштабных экспортных поступлений, к модели, отличающейся более умеренными, но стабильными и ритмичными темпами и посему более надежной в продолжительной перспективе.

Сужение внешних рынков и вызванная этим необходимость расширить рынки внутренние побуждают Китай наращивать покупательную способность своего населения путем увеличения затрат как на развитие внутристрановых производств, так и зарплат работающих. Это удорожает китайские условия производства и тем самым повышает для страны конкуренцию на сборочных и иных производственных рынках в АТР. Ныне уже замечена тенденция переноса части производств транснациональных компаний в Индонезию, Вьетнам и даже Мьянму⁵.

Особую важность обретает задача обеспечения занятости растущего населения Китая, имеющая не только чисто экономическое, но и социально-политическое значение. Лишенная работы молодежь, особенно на национальных окраинах (в СУАР, например), способна составить собой ресурс для «трех злых сил». Таким образом, экономическая задача обеспечения занятости приобретает для Пекина ранг безопасосберегающей функции, важной для всей СВА.

Примером стимулирования экономической активности во внутренних, менее развитых районах страны может служить инвестирование в 2013 г. правительством КНР беспрецедентной суммы в 13 млрд долл. в разведку месторождений полезных ископаемых. Капиталовложения в эту область растут каждый год. За период 2008–2011 гг. в стране было обнаружено более 5 млрд тонн нефти и 2,6 трлн куб. м природного газа⁶. Максимальный уровень добычи нефти в стране к 2014 г. удалось обеспечить в том числе благодаря быстрорастущему объему добычи нефти на новых месторождениях Западного Китая.

Стремление КНР снизить ее зависимость от внешних поставок энергоносителей и других природных ресурсов не сможет не сказаться на степени «напористости» и направлениях экономической дипломатии страны. Таким образом, стимулируя свою внутреннюю хозяйственную активность, КНР не только решает задачи внутреннего социального строительства, но и формирует задел для самообеспечения на длительный срок и для эффективизации своей ЭД в целом. В случае успеха курса на новое «самообеспечение» и «создание ресурсной базы за рубежом» (путем приобретения там в собственность месторождений), снизится объем китайского импорта соответствующих наименований у партнеров по региону (например, нефти у Индонезии). Это тоже внесет новые нюансы в экономическую дипломатию КНР в АТР.

Возможность абсолютного увеличения китайской финансовой помощи «интересным» партнерам не стоит упускать из виду в тех случаях, когда иного выхода у Пекина не будет. Так, США намереваются сделать Мьянму более «открытым» режимом, увеличив денежные вливания в ее политические и экономические, а также властные институты. Пекин будет вынужден или перехватить эту инициативу, или действовать неэкономическими (полусиловыми) методами.

Являясь страной, осознавшей свое влияние и силу на мировой арене, Китай пытается обустроить окружающее пространство «эргоничным» для себя образом. И здесь тоже заложены риски для без-

опасности в АТР и СВА. Это связано с тем, что инструментарий экономической дипломатии включает не только набор поощрений для более слабых или «интересных» партнеров, но и набор средств давления на оппонентов. Страна, национальное хозяйство которой находится в высокой зависимости от итогов внешней торговли (а доля внешней торговли КНР в ее ВВП, по подсчетам, составляет от 50 до 60% в различные годы⁷), чаще всего вынуждена вести именно наступательную ЭД, а КНР — особенно, ибо внешнеэкономические связи для нее критически важны в плане получения доступа к ресурсам и рынкам, необходимого для обеспечения прироста экономики. Не только повышение качества жизни, но и само выживание быстро воспроизводящегося населения страны зависит от того, насколько динамично развивается ее экономика⁸.

Кроме того, для КНР ЭД — средство придания динамики и политическим проблемам. Уже более 10 лет Китай предпочитает придерживаться политики «пряника» в отношении большинства государств АТР, стремясь расширить там круг своих друзей и партнеров. Этой цели послужили создание зоны свободной торговли «Китай-АСЕАН», китайское прямое инвестирование в экономику ряда стран АТР, оказание Китаем финансовой помощи, расширение торговли на двустороннем уровне. Все это призвано побудить страны региона отказаться от действий, которые могли бы быть расценены Китаем как нежелательные. Тенденция к использованию Китаем экономических рычагов воздействия на страны-«мишени» для корректирования их международного курса прослеживается и набирает обороты именно в последние несколько лет⁹.

Ярким примером использования проблем в экономических отношениях в качестве средства давления — это прекращение в сентябре 2010 г. китайских поставок редкоземельных элементов в Японию. Эта акция была предпринята в ответ на задержание капитана китайского рыболовецкого судна в водах спорных островов Дяоюйдао (Сенкаку), находящихся под контролем Японии, но рассматриваемых КНР и Тайванем в качестве их суверенной территории. Чуть позже, Китай сократил поставки редкоземельных элементов и в США, и в ряд европейских стран. Отказ от экспорта редкоземельных элементов был расценен многими аналитиками как еще одно свидетельство готовности КНР использовать экономические рычаги для защиты своих интересов в международных спорах¹⁰.

С «возвращением» США в АТР для государств региона обострилась проблема выбора стороны-союзника. Или же это будут США, сохраняющие позиции признанного глобального лидера, или же больший смысл обретет наращивание сотрудничества с новой региональной и мировой силой — Китаем, территориально и, в ряде случаев, цивилизационно — более близкой. В любом случае такой выбор — процесс небезболезненный, способный привести к поляризации сил в регионе и тем пошатнуть стабильность в нем. Оптимальным решением государствам региона видится лавирование между американским и китайским «берегами». При таком развитии событий США и КНР будут вынуждены «торговаться» с третьими странами за партнерство. Однако ввиду того, что ныне союзников у США в АТР все же больше, чем у Китая, то можно утверждать, что и в этом обстоятельстве тоже кроется угроза безопасности региона: США более, чем Китай, склонны применять на практике свои военные возможности. В таких условиях экономическая дипломатия для Китая остается важным средством борьбы за поддержание своих позиций в АТР, и он вынужден ее активизировать.

Что касается нетрадиционных угроз в АТР (терроризм, контрабанда наркотиков, инфекционные заболевания, морское пиратство, нелегальная миграция, а также факторы, угрожающие окружающей среде, экономической, финансовой и информационной безопасности¹¹), то роль ЭД как средства их нивелирования может быть весьма действенной и значимой. Ибо эти угрозы во многом имеют выраженную социально-экономическую базу и подоплеку.

Какими же сравнительными преимуществами обладает Китай в СВА? На какие факторы и обстоятельства он может опираться для обеспечения действенности своей ЭД в регионе¹²?

Во-первых, в Китае существует пусть не монополия, но все же немалый государственный контроль над внешнеэкономическими связями (ВЭС), что обеспечивает тесное взаимодействие между национальными субъектами внешней торговли и бизнеса и политическими и управленческими структурами страны. В условиях глобализации и ужесточения внешней конкурентной среды национальным производителям и коммерческим агентам особо необходима государственная поддержка. А создание для национального бизнеса благоприятного внешнего климата прямо и положительно влияет на экономическую безопасность страны и, следовательно, — на ее стабильность. Понят-

но, что внутренняя стабильность субъекта МО вносит позитивный вклад в картину стабильности и безопасности на общерегиональном уровне.

Во-вторых, государство в Китае держит в своих руках контрольный пакет акций практически всех значимых предприятий с частным капиталом. Это создает определенные государственные гарантии деятельности таких предприятий за рубежом и страхует и их самих, и их партнеров от многих рисков экономического и неэкономического плана.

В-третьих, в КНР существует последовательный свод правительственных документов, в которых поэтапно зафиксирована государственная стратегия развития внешнеэкономических связей страны. Благодаря документальному оформлению направлений, целей и задач своих ВЭС страна получила возможность четко отслеживать и корректировать заложенные на высоком уровне ориентиры и приоритеты своей внешнеэкономической стратегии. И что немаловажно — Китай обладает постоянным административным механизмом контроля над выполнением правительственных установок. Достижение заявленных в документах целей становится отправным этапом для развития на новом витке внешнеэкономической спирали, логично опирающегося на подготовленную до этого материально-техническую базу.

В-четвертых, в Китае осуществляется курс на поддержку частного, пусть даже небольшого предпринимательства, действующего в обозначенных государством направлениях. Благодаря этому, государство имеет возможность мобилизовать на выполнение своих экономических задач широкий круг ресурсов, не оставляя без внимания потенциал малого и среднего бизнеса.

В-пятых, сравнительным преимуществом является и продуманная валютно-финансовая политика, проводимая КНР. Ее особенностью является оперативное реагирование на изменения во внутренней экономике и на мировых финансово-экономических рынках при неуклонной защите позиций национальной валюты, недопущение непредсказуемости ее котировок, совершенствование системы формирования процентных ставок и механизма обменного курса юаня. Все это направлено на снижение зависимости юаня от колебаний курса доллара, обеспечение устойчивости потребительских цен, экономическую стабильность и постепенное превращение жэньминьби в новую мировую резервную валюту.

Задачи ЭД Китая в АТР заключаются в следующем¹³:

1. Обеспечить благоприятную внешнюю среду для внутренних преобразований, в том числе повысить эффективность программ развития Северо-запада КНР.
2. По возможности не допустить сначала в СВА, а затем и во всем АТР безусловного хозяйственного доминирования какой-либо политико-экономической и/или идеологической силы, включая США, Японию (и, вероятно, даже Россию).
3. Поддержать и совершенствовать международный имидж и стратегическую репутацию КНР в регионе, особенно сейчас, когда Китай становится супердержавой и глобальным центром силы, что скрыть уже невозможно, особенно в глазах стран «третьего мира».
4. Укоренить в регионе выгодный Китаю поведенческий код в отношении ведения коммерческих и иных внешнеэкономических операций, продвигая в качестве примера свою модель социально-экономического развития.
5. Теснее привязать к себе в стратегическом отношении Россию и, по возможности, другие страны АТР, а также АСЕАН, иные региональные образования через установление устойчивых, долгосрочных и тесных экономических связей. Можно сказать, что для Китая ЭД — это средство ослабления партнерских предпочтений в отношении США и, следовательно, — механизм сужения политико-экономического и репутационного маневра Вашингтона.

Понятно, что любая международная структура функционирует более эффективно, если между лидирующими в ней странами сложились не союзнические, то хотя бы конструктивные партнерские отношения. Например, ШОС уникальна тем, что в ней существует глубокая взаимная заинтересованность «стержнеобразующих» стран — Китая и РФ — в расширении сотрудничества, замешанная на общности долгосрочных государственных политических и экономических интересов. Думается, что ШОС являет собой наиболее яркий пример успеха КНР в деле формирования одного из сегментов будущего *Pax Sinica*. Другие структуры, созданные в АТР при инициативе КНР, похоже, потребуют более длительного времени для доказательства их практической полезности Китаю. Во многом это объясняется настороженным отношением к КНР ряда участвующих стран и их «оглядкой» на США. Так или иначе, но через создание «своих» международных образований Китай проявляет новое качество: он выступает уже не просто как «игрок»,

следующий правилам, принятым до него, но сам приступает к изменению правил международной «игры». Об этом свидетельствует и его активность в ШОС, и *modus operandi* при вступлении в ВТО, и политика в отношении интернационализации собственной валютной единицы.

Успех кооперационной («мягкой»), а не императивно-наступательной («жесткой») экономической дипломатии, как ничто другое, является чутким индикатором позитивности климата отношений государств-партнеров¹⁴. Он также служит показателем их взаимозависимости, ибо политические контакты могут эродировать за считанные годы, а отлаженные обоюдовыгодные экономические отношения длятся десятилетиями, а то и веками, сплетая ткань общей хозяйственной жизни партнерствующих сторон.

Однако это не значит, что даже у дружественной экономической дипломатии не существует пределов успешности. В условиях АТР такой предел — интересы защиты национального суверенитета. В обозримой перспективе любая — и «мягкая», и весьма агрессивная, рестрикционная ЭД будет бессильна в кардинальном решении вопроса о принадлежности спорных островов.

Прогноз¹⁵

1. Поскольку союзников у США в АТР пока больше, чем у КНР и России, то в обозримой перспективе Китай не станет поддерживать РФ в той ее активности в регионе, которая могла бы противоречить его интересам в отношениях с США. РФ повезло, что до сих пор история не ставила Китай перед испытанием таким выбором. По этой же причине КНР пока не станет форсировать вопрос о создании системы коллективной безопасности в АТР, ибо осознает невыполнимость данной задачи на ближайшую перспективу.
2. Со стороны КНР не стоит исключать нового водружения на щит политики «опоры на собственные силы». Просто до поры до времени стране было выгоднее покупать, чем добывать. Однако сейчас, когда Китаем накоплены средства для импорта технологий и ведения сложных технических работ, а конъюнктура мировых сырьевых рынков весьма аритмична, — наличие обширных пулов полезных ископаемых способна стать еще одним активно используемым сравнительным преимуществом страны. И кто знает, может быть, прекращение Китаем поставок в Японию редкоземельных элементов после «островных событий» лета 2012 г. было

не просто акцией «жесткой» ЭД, но частью продуманной линии на сокращение экспорта этого товара в принципе. Возможно, это был знак того, что КНР «предчувствует» скорую необходимость более широкого задействования собственных ресурсов. Постоянный рост вложений в разведку собственных полезных ископаемых также видится одним из свидетельств этому.

Рекомендации

1. Российским авторитетным структурам стоит учитывать, что потенциал двустороннего экономического сотрудничества не может сохраняться вечно. Когда российская сторона проявляла нерасторопность в вопросах поставки в КНР нефти, нефтепродуктов и газа, то Китай всегда умудрялся получать требуемые им ресурсы из других мест. Не об этом ли говорит тот факт, что доля российской нефти в китайском импорте этого углеводорода со всплесками, но сокращается? Так, если в 2005–2006 гг. она составляла 10–11%, то в 2013 г. — 8,59%, а на начало 2014 г. — 7,92%¹⁶. Это обстоятельство делает более замысловатым вопрос о том, кто более заинтересован в закупках российского сырья — КНР или же сама РФ?
2. Экономическая взаимозависимость государств, катализатором которой может выступать чрезмерно энергичная ЭД, при прохождении определенного предела способна привести к несбалансированности развития страны-«младшего» партнера и в итоге — повысить конфликтогенный потенциал в межгосударственных отношениях. Надо находить меру этой взаимозависимости, а главное — иметь механизмы ее соблюдения. Поэтому РФ необходима четкая внешнеэкономическая стратегия, которая уже есть у КНР.
3. Целесообразно продумать меры по оптимизации добычи редкоземельных элементов в Мурманской области РФ, дабы предотвратить вытеснение России с рынка этого стратегического товара.

¹ См., в частности, URL : <http://region.mcnip.ru/modules.php?name=News&file=p rint&sid=278>.

² Сафронова Е. И. Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — М.:ИДВ РАН, 2013. — С. 144.

³ Сафронова Е. И. Указ. соч. — С. 145.

⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8623949.html>

- ⁵ Подробнее см.: URL: <http://www.stratfor.com/sample/forecast/annual-forecast-2013>.
- ⁶ URL: <http://www.allrussia.ru/brics/130916102213.html>
- ⁷ См., в частности: URL: http://www.odnako.org/blogs/show_20277/.
- ⁸ Сафронова Е. И. Указ. соч. — С. 145.
- ⁹ URL: http://www.odnako.org/blogs/show_20277/.
- ¹⁰ URL: <http://thediplomat.com/2012/07/25/chinas-coercive-economic-diplomacy/>.
- ¹¹ Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6239988.html>.
- ¹² Сафронова Е. И. Указ. соч. — С. 150–152.
- ¹³ Подробнее см. Сафронова Е. И. Указ соч. С. 152–153.
- ¹⁴ Подробнее см.: Баранай П. Современная экономическая дипломатия. URL:http://www.dec.lv/index_ru1.php?id=1867.
- ¹⁵ Подробнее см.: Сафронова Е. И. Указ соч. С. 154–156.
- ¹⁶ Жуков С. Сотрудничество России и стран АТР в сфере энергетики. — URL:<http://www.apesc-center.ru/trends/39/168/604/print> ; Сайт МЭР РФ — URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade

Л. В. Захарова

КНР И КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Корейская проблема на современном этапе представляет собой целый комплекс неразрешенных противоречий. Ее внутренние аспекты связаны, прежде всего, с неурегулированностью межкорейских отношений и недоверием между КНДР и РК, порождающим частые всплески военно-политической напряженности в регионе. При этом учитываемая стратегически важное положение Корейского полуострова, фактор внешних сил существенно влияет на протекающие там процессы. Одним из следствий подобного влияния является ядерная проблема Корейского полуострова, во многом вызванная неурегулированностью американо-северокорейских отношений и опасениями руководства КНДР за суверенитет государства и свою безопасность.

Китай исторически является важным участником происходящих в Корее событий. Его вовлеченность в корейские дела является неизбежной как по причине территориальной близости из соображений безопасности, так и в связи с влиянием социально-экономических процессов, протекающих в Северной Корее, на приграничные регионы КНР, где проживает более 2 млн этнических корейцев. Южная Корея остается военно-политическим союзником США и местом дислокации крупного контингента американских войск. В связи с этим Северную Корею часто называют выгодным Китаю «буферным государством», отделяющим американские войска от выхода на северо-восточные рубежи КНР.

После распада СССР Китай остался единственным союзником КНДР. А с установлением дипломатических отношений между КНР и Южной Кореей в 1992 г. у Пекина появилась возможность развивать отношения с обоими корейскими государствами, следуя своим прагматичным интересам. Сохраняя добрососедские отношения с КНДР, необходимые для обеспечения стабильности на северо-восточных границах Китая (протяженность границы между двумя странами составляет около 1400 км), Пекин в целом перешел на рыночные принципы в развитии экономических связей с Северной Кореей. Одновременно КНР стала активно расширять выгодное ей экономическое сотрудничество с РК.

В последние годы в Сеуле на высшем уровне вновь начинают говорить о неминуемом в недалеком будущем объединении Корейского полуострова. На разных уровнях обсуждается его стоимость и потенциальная выгода для РК, причем подчеркивается существенный перевес выгоды. В одном из своих выступлений нынешний Президент РК даже назвала объединение «джек-потом», «золотым дном» для корейской экономики и всей Северо-Восточной Азии¹. Для подготовки к этому событию Южная Корея активно задействует государственные и негосударственные каналы, призванные обеспечить внутреннюю и внешнюю поддержку объединения Кореи по южнокорейскому сценарию, а также создать для него необходимые условия.

Для Китая тема объединения Кореи является очень чувствительной, поскольку она непосредственно затрагивает его стратегические интересы. Ради сохранения мира на полуострове Пекин уже многие годы поддерживает межкорейский диалог и нормализацию отношений между КНДР и РК. Достаточно вспомнить, что договоренности о проведении первого межкорейского саммита 2000 г. были достигнуты именно в Пекине. Однако перспектива поглощения Севера Югом неизбежно поднимает вопрос о судьбе американо-южнокорейского союзнического договора и присутствии американских войск на Корейском полуострове. О намерении пересмотреть формат отношений с США в случае объединения власти Южной Кореи не сообщают, и поэтому получить поддержку Пекина в отношении своих инициатив Сеулу вряд ли удастся, как бы отдельным южнокорейским политикам, экспертам и журналистам не мерещились ее признаки. При этом на официальном уровне Китай поддерживает объединение Кореи, но мирным путем с учетом интересов всех заинтересованных сторон.

Наиболее серьезной проекцией корейской проблемы на международные отношения является ядерная проблема Корейского полуострова. Она во многом была порождена «дилеммой безопасности» КНДР, оставшейся после окончания Холодной войны без гарантированной военной поддержки союзников и вынужденной искать способы обеспечения своей безопасности «с опорой на собственные силы». Китай, которому не нужно развития сценария «ядерного домино» в регионе, выступает против ядерного оружия на Корейском полуострове, но настаивает на решении этой проблемы исключительно мирными средствами, через диалог и консультации.

Китай является председателем шестисторонних переговоров и двигателем переговорного процесса по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. В последние годы этот процесс застыл, но Пекин не перестает прилагать усилия для его реанимации. Согласно официальным заявлениям, Пхеньян готов возобновить шестисторонние переговоры «без предварительных условий», однако РК и США настаивают на том, чтобы сначала КНДР продемонстрировала искренность своих намерений в отношении денуклеаризации. Чтобы сдвинуть процесс с мертвой точки, Пекин призывает Сеул и Вашингтон снизить свои требования для начала переговоров.

С точки зрения Пхеньяна, угрозы суверенитету КНДР сохраняются, о чем ярко свидетельствуют крупномасштабные совместные военные учения США и РК, регулярно проводимые у границ Северной Кореи с отработкой, в том числе, и наступательных операций. Китай, естественно, эти учения не поддерживает. Подобная напряженность на межкорейской границе в периоды отсутствия каналов связи может выливаться в военные столкновения, как это было в 2010 г. с обстрелом о. Ёнпхёндо. Стандартной тактикой Китая в таких ситуациях обычно является призыв ко всем сторонам соблюдать сдержанность и вести переговоры.

При этом без полного урегулирования американо-северокорейских отношений и предоставления гарантий безопасности от мирового сообщества северокорейским властям отказ КНДР от ядерного оружия не представляется возможным. А учитывая, что США используют северокорейскую карту для сохранения и наращивания своего военного присутствия у границ Китая, урегулирование проблемы в обозримом будущем маловероятно.

В 2013 г. Пхеньян взял курс на параллельное экономическое и ядерное строительство и повторяет, что ядерное оружие для КНДР это не предмет торга. Большая часть экспертов-корееведов из разных стран, опрошенных южнокорейской газетой «Чосон Ильбо» в 2014 г., считает, что Северная Корея не согласится полностью отказаться от ядерного оружия в ответ на экономическую помощь. При этом все опрошенные китайские эксперты ответили, что Пхеньян в будущем либо сохранит свой ядерный арсенал на существующем уровне, либо даже будет его увеличивать².

В марте 2014 г. министр иностранных дел КНР Ван И четко озвучил официальную позицию Китая по Корее: «Корейский полуостров находится прямо на пороге Китая. Это наша «красная линия», то есть мы не допустим войны или нестабильности на Корейском полуострове»³.

Учитывая, что это было сказано в период между двумя американско-южнокорейскими военными учениями в Желтом море и на фоне слухов о возможном новом ядерном испытании КНДР, Китай таким образом дал понять всем сторонам, что не допустит дестабилизации у своих границ, и продемонстрировал намерение защищать свои национальные интересы в этом регионе.

Наряду с военно-политическим аспектом, в последние годы растет значение фактора экономических интересов Китая на Корейском полуострове. КНР активно развивает взаимовыгодные экономические отношения с РК, являясь ее главным торговым и инвестиционным партнером. В 2013 году товарооборот между КНР и РК составил 226,5 млрд долл. (из 1075 млрд долл.)⁴, то есть более 21% от общего объема внешней торговли Южной Кореи. Среди внешнеторговых партнеров Китая РК занимает третье место. Видя обоюдную выгоду в развитии интеграционных связей, стороны уже несколько лет ведут переговоры по поводу подписании Соглашения о зоне свободной торговли в двустороннем и многостороннем форматах.

Сотрудничество с КНДР в XXI в. оказалось тесно связано с новым национальным планом Китая по экономическому развитию северо-восточных провинций страны. В ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК Китай официально принял стратегию по развитию этого региона, а в октябре 2009 г. было объявлено о Плате развития и открытия пилотной зоны Чан-Цзи-Ту, (Чанчунь-Цзилинь-Тумень, занимающей треть территории провинции Цзилинь). План предполагает увеличение объема регионального ВВП в 4 раза к 2020 г. и превращение провинции Цзилинь и района вдоль р. Туманная в «промышленный и логистический центр с научно-техническими инновациями и современным сельским хозяйством»⁵. Для реализации этих планов китайское правительство поощряет сотрудничество северо-восточных провинций с КНДР, которая представляет для них интерес своими полезными ископаемыми, логистическим потенциалом (выходами к морю), дешевой рабочей силой и растущим потребительским рынком. Особенно китайское правительство поощряет вложения китайских инвесторов в сферу добычи полезных ископаемых и транспортные проекты.

Учитывая глубину экономических связей КНР с обоими корейскими государствами, весьма перспективным выглядит формат экономического сотрудничества Китая, Северной и Южной Кореи. Однако в отличие от проектов с участием России и двух корейских государств,

трехсторонние инициативы с участием Китая пока на официальном уровне не обсуждаются.

В процессе наращивания экономических связей с Северной Кореей Китай стал в определенном смысле конкурентом для Южной Кореи. В 2000–2007 гг. экономическое сотрудничество КНДР и РК росло быстрыми темпами, руководство Южной Кореи даже строило планы о переходе к формированию на полуострове экономического сообщества. Однако после введения Сеулом запрета на торгово-экономические связи с Севером 24 мая 2010 г. межкорейское экономическое сотрудничество прекратилось за исключением единственного проекта — Кэсонского промышленного комплекса. В результате главным экономическим партнером КНДР остался Китай без серьезной конкуренции со стороны других стран. С 2011 г. на него приходится более двух третей всей внешней торговли Северной Кореи, и объем двустороннего товарооборота стабильно растет (по южнокорейским данным, в 2013 г. он составил 6,45 млрд долл.⁶⁾.

Несмотря на зависимость КНДР от КНР в экономическом плане, многие эксперты сходятся во мнении о том, что у Пекина нет реальных возможностей заставить Пхеньян отказаться от ядерного оружия. Использование экономических рычагов (перекрытие поставок нефти, ужесточение порядка применения санкций в торговле и т.п.) может спровоцировать социально-экономическую нестабильность в КНДР, которая негативно отразится на приграничных северо-восточных провинциях Китая. В связи с этим, Пекин вряд ли решится на серьезные экономические меры давления на Пхеньян.

Руководство Северной Кореи само не в восторге от столь высокой зависимости от Китая и стремится к диверсификации торгово-экономических связей и привлечению инвесторов из других стран. Однако пока что реальной альтернативы у Пхеньяна нет. Несмотря на действие экономических санкций, введенных Советом безопасности ООН в отношении КНДР, китайский бизнес продолжает активно наращивать двустороннюю торговлю с Северной Кореей и увеличивать инвестиции, являясь для нее фактически «окном во внешний мир». Разветвленный механизм китайских посредников для проведения различных операций Северной Кореи с внешним миром уже существует — от экспорта северокорейских морепродуктов и текстиля, произведенного в КНДР, до осуществления финансовых расчетов через китайские банки. И чем дольше продолжается кризис в межкорейских отношениях, тем больше Китай расширяет свою экспансию в экономику КНДР.

* * *

- Подводя итог, можно озвучить следующие выводы.
- Для стабильного развития Китаю нужен пояс добрососедства, включающий в себя Корейский полуостров, и Пекин официально объявил, что не допустит хаоса или войны у своих дверей.
  - КНР выступает против ядерного оружия в Корее, но не принимает серьезных мер по давлению на КНДР. Теоретически можно было бы использовать экономические рычаги, однако высока вероятность, что от этого только ухудшится внутриэкономическая ситуация в Северной Корее, серьезно повлияв на северо-восточные провинции КНР, а гарантий того, что нужный эффект будет достигнут, нет.
  - Коллапс Северной Кореи и поглощение ее Югом с американскими войсками угрожает серьезным ухудшением геополитических позиций Китая. В связи с этим Пекин, скорее всего, продолжит поддерживать КНДР как необходимый буфер.
  - В настоящее время Китай оказывает двойное влияние на развитие ситуации на Корейском полуострове. С одной стороны, КНР помогает сохранять статус-кво и дает северокорейской экономике развиваться, а с другой стороны — прибирает к рукам северокорейские ресурсы и рынок, в перспективе становясь на пути реализации идеи межкорейской интеграции. Экономика КНДР может вскоре оказаться настолько втянутой в китайский ареал развития, что интеграция с Югом будет возможна лишь в очень ограниченных масштабах или в рамках китайской зоны влияния.

¹ President emphasizes preparation for unification. — http://english1.president.go.kr/activity/headlines.php?srh%5Btext%5D=bonanza&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=4727

² Experts See Peaceful Reunification as Most Promising Scenario. // Чосон Ильбо. 24.05.2014. — http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/05/24/2014052400474.html

³ <http://www.reuters.com/article/2014/03/08/us-korea-north-china-idUSBREA2703Q20140308>

⁴ Korea International Trade Association — <http://kita.org/>

⁵ Синьхуа. 19.11.2009.

⁶ Korea International Trade Association — <http://kita.org/>

М. В. Александрова

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИЮ: ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В связи с изменениями экономических реалий в XXI в. простые формы экономического сотрудничества отходят на второй план, подобные тенденции возможно и не столь стремительно прослеживаются и между Россией и КНР, так в последние 5–6 лет инвестиционное взаимодействие наших сторон стало существенной компонентой.

Согласно данным Министерства коммерции КНР, в 2013 г. китайские предприниматели вложили за рубеж прямых нефинансовых инвестиций (инвестиции в нефинансовый сектор) в размере 90,17 млрд долл. (с приростом в 16,8%), включая 4,1 млрд долл. в российскую экономику, что сопоставимо по величине с китайскими ПИИ в США¹.

Исходя из представленных данных становится очевидным факт роста китайского влияния на экономику нашей страны. Если использовать китайскую статистику, то ситуация выглядит следующим образом.

График № 1.

Источник: построено на основании данных, представленных на сайте www.mofcom.gov.cn

Важной частью механизмов по поддержке инвестиционной деятельности китайских компаний за рубежом становятся двусторонние комиссии и рабочие группы. В рамках Российско-Китайской Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству действует *Постоянная рабочая группа по инвестиционному сотрудничеству*. После четырехлетнего перерыва в августе 2013 г. в Москве прошло ее IV заседание. В ходе которого стороны подписали *Меморандум между Минэкономразвития России и Госкомитетом КНР по развитию и реформе о реализации Плана российско-китайского инвестиционного сотрудничества*.

Основными отраслями инвестиционного сотрудничества наших стран являются атомная энергетика, транспортировка и переработка российской нефти, экспорт в Китай российской электроэнергии, освоение месторождений полезных ископаемых и переработка древесины в России.

График № 2.

Источник: построено на основании данных представленных на сайте <http://www.gks.ru>

Исходя из данных представленных на Графике № 2 мы видим, что китайские инвесторы следуют тенденциям заложенным в стратегии «выхода вовне». Очевидно, значительное отставание китайских инвестиции в обрабатывающую отрасль и официально зарегистри-

рованную оптово-розничную торговлю. Относительно последней стоит отдельно сказать, конечно, у КНР ещё не существует крупных компаний розничной торговли подобных Ашану, Икея, Карфур. Китайский кластер иной, предприниматели из КНР содержат значительную часть рынка одежды и обуви низкого качества, поскольку его большая часть находится в сфере регулирования теневого сектора экономики о размерах инвестиций в подобный «бизнес» трудно судить. О значимости нелегальных схем для ряда восточных китайских провинции, к примеру, Чжэцзяна и Цзянсу, возможно судить по тому факту, как отреагировала китайская сторона на закрытие московскими властями рынка Черкизово. С китайской стороны в переговорный процесс были втянуты высокие должностные лица министерств и ведомств, включая чиновников уровня заместителя министров.

Выше были приведены данные о прямых китайских инвестициях, которыми оперирует китайская сторона, сравним их с официальной российской статистикой. На Графике №3 совмещены данные Минкоммерции КНР и Росстата РФ.

График №3.

Источник: построено на основании данных представленных на сайте <http://www.gks.ru>, www.mofcom.gov.cn

Как видно данных Графика №3 существуют существенные расхождения, которые в 2013 г. достигли максимальных величин. Можно предположить, что подобная ситуация складывается по причине того, что китайский инвестор вкладывает капитал, через подставных лиц имеющих российское гражданство или вообще не регистрируется как юридическое лицо, а ведёт бизнес по «серым схемам». К примеру, это характерно для туристической сферы, где в рамках безвизового обмена, фирмы без офиса и регистрации принимают десятки тысяч клиентов в сезон. Подобная ситуация складывается и в сфере рубки леса и лова рыбы.

На самом деле, в минувшем году китайскими инвесторами были совершены серьёзные шаги в вопросе покупки части собственности крупных российских компаний. Так, в сентябре 2013 г. *НОВАТЭК* и *CNPC* подписали договор о купле-продаже 20% акций «Ямал СПГ». При этом *CNPC* взяла на себя обязательства оказать содействие в привлечении внешнего финансирования проекта от китайских финансовых институтов¹. Ориентировочная сумма китайских прямых инвестиций *0,81 млрд долл.*

Также в сентябре ещё у одной крупной российской компании появился китайский инвестор, как сообщалось в прессе: «*ОАО „Уралкалий“*» 24 сентября получило уведомление от китайской государственной инвестиционной корпорации *Chengdong Investment Corporation (CIC)* о том, что её доля в уставном капитале калийной компании составляет 12,5%.

Увеличение доли произошло в результате конвертации в обыкновенные акции «Уралкалия» облигаций, выпущенных в пользу *CIC* компанией *Wadge Holdings Limited*, бенефициарами которой являются фонд Сулеймана Керимова *Suleyman Kerimov Foundation*, а также Анатолий Скуров и Филарет Гальчев.

Chengdong Investment Corporation — дочерняя компания *China Investment Corporation*, созданная для инвестиций в российские активы. Помимо доли в «Уралкалии»². По оценкам экспертов сумму прямых инвестиций составила *2 млрд долл.*

В ходе официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в РФ в марте 2013 г. было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве между российской *Группой СИНТЕЗ* и *Государственная Электросетевая Компания Китая (ГЭК)*. Стороны договорились развивать двустороннее долгосрочное сотрудничество в электро-

энергетике и изучить в этой связи возможности партнерства в сфере инвестирования в энергетическую отрасль, проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов, технического обмена, а также экспорта электроэнергии в Китай. Приоритетным направлением сотрудничества будет модернизация существующих и строительство новых объектов электро- и теплогенерации ОАО «ТГК-2» в Архангельской, Вологодской, Костромской и Ярославской областях. Суммарная установленная мощность шести модернизируемых объектов должна составить около 600 МВт, суммарная мощность пяти новых объектов — около 1000 МВт. Общий объем капитальных вложений Группы СИНТЕЗ и ГЭК оценивается примерно в 70 млрд рублей³. Объем китайских прямых инвестиций оценивается величиной 1,1 млрд долл.

Парадоксально, но факт, что в 2013 г. ни Ямало-Ненецкий АО, где зарегистрирован Новатек, ни Пермский край, где находится головной офис Уралкалия, ни город Москва, где зарегистрирован ГК «Синтез» не отмечено в статистике подобных крупных китайских финансовых вливаний.

График №4.

Источник: построено на основании данных представленных на сайте www.mofcom.gov.cn

Вышеперечисленные примеры китайского инвестирования указывают на то, что КНР рассматривает Россию, как один из перспективных рынков вложения капитала, но в общем потоке китайских инвестиций за рубеж доля вложенных в Россию прямых инвестиций была долгие годы малозаметна.

Исходя из данных российской статистики, за период с 2005 по 2013 г. КНР объём суммарных накопленных инвестиций вырос с 218 млн долл. до 32 млрд долл. или в 146 раз, за тот же период суммарные накопленные иностранных инвестиции в России из всех стран выросли лишь 3,43 раза.

График № 5.

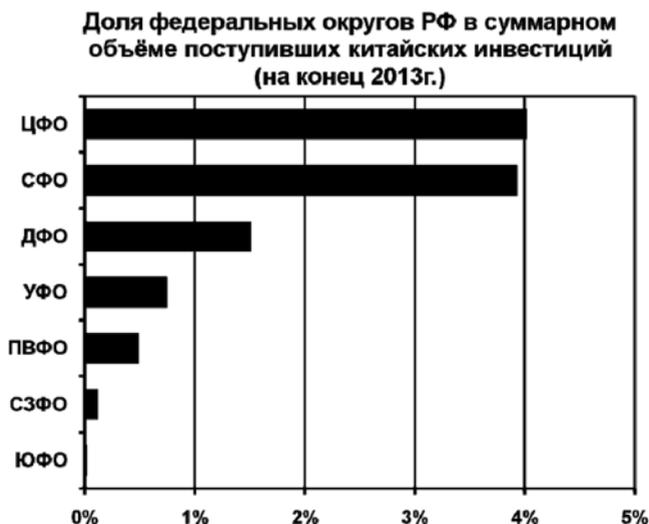
Источник: построено на основании данных представленных на сайте <http://www.gks.ru>

Ни для кого, ни секрет, что столь значимый рост китайских инвестиций связан с открытием кредитных линий под строительство ВСТО. В тоже время если рассматривать ситуацию с ПИИ, а именно теми, которые являются реальными стимуляторами развития экономики страны-реципиента, то подобного китайского капитала исходя из официальных российских статданных накоплено очень мало. За период с 2005 по 2013 г. объём накопленных прямых инвестиций вырос лишь в 11 раз и Китай по этому показателю занимает лишь 14 место.

Помимо рассмотренных общих тенденций двустороннего инвестиционного взаимодействия важно учитывать региональный аспект и его особенности.

В настоящее время лидером по поступлению китайских инвестиций является ЦФО, как же китайские капиталы распределяются по стране.

График № 6.

Источник: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/20.pdf

Если обратиться к долевым показателям, то максимальный объём всех видов китайских инвестиций в 2013 г. пришёлся на г. Москву или 87,6%, для столицы показатель не велик и составляет лишь 4,5% всех привлечённых в город инвестиций.

Исходя из данных Графика № 6 становится очевидным значительная роль китайских инвестиций в экономике Сибири, если посмотреть более детально ситуацию, то более 60% китайских капиталов приходится на два субъекта СФО — Забайкальский край и Республику Тыву. У двух этих субъектов роль китайских инвестиций является доминирующей, так у Тывы — это 86%, а у Забайкальского края свыше 50%.

Крайне интересно посмотреть географию распределения китайских инвестиций по отдельным субъектам федерации, в выборку попали только регионы, где доля китайских инвестиций вирировала от 4% до 100%.

График № 7.

Источник: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/20.pdf

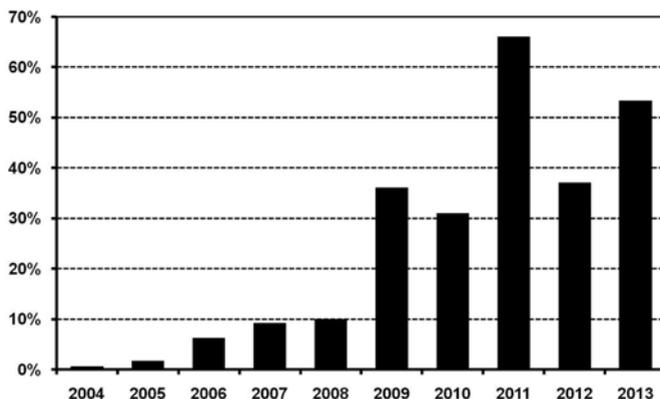
В **Республике Тыва** все инвестиции вкладываются в развитие Кызыл-Таштыгского полиметаллического месторождения, купленного китайской ООО «Лунсин» — дочерней структурой мощного китайского горнодобывающего холдинга Zijin Mining Group. Основными продуктами производства станут концентраты свинца, цинка и меди, которые напрямую будут экспортироваться в КНР. При выходе на проектную мощность добыча руды открытым и подземным способом составит 1 миллион тонн руды в год, срок отработки месторождения — 20 лет. Совокупная сметная стоимость проекта составляет 10 миллиардов рублей. По оценкам специалистов, полиметаллических руд в нем содержится 12920,4 тысячи т., медных 2077,7 тысячи т., поэтому инвестированные Китаем средства вернуться с лихвой⁵.

Но, данный проект в очередной раз показал, как китайская сторона исполняет свои обязательства в экологической сфере, так в проекте предусмотрено сооружение полигона для хранения твердых бытовых отходов и очистных сооружений для очистки используемой воды. Однако, согласно материалам, недавно опубликованным Фондом дикой природы России, пока «мусор (строительный, промышленный и бытовой) просто закапывается, зачастую по месту его образования, и вопросы стоков, попадающих в результате этого в Ак-Хем, до сих пор никак не решены». Подобные практики могут привести не только к уменьшению рыбных запасов, но и к росту кишечных и прочих инфекций у населения, проживающего в бассейне Енисея. Помимо того, на сегодняшний день уже уничтожены сотни гектаров векового кедрового леса⁶.

И даже несмотря на такой неоднозначный опыт Тыва не намерена останавливаться на пути инвестиционного сотрудничества с КНР, на последнем заседании рабочей группы по межрегиональному и приграничному сотрудничеству Российско-Китайской комиссии, так было сообщено: «китайская сторона заявила на заседании о намерении участвовать в модернизации Транссиба и БАМа, связанной в том чис-

График №8.

Доля КНР в объеме иностранных инвестиций, поступивших в Забайкальский край

Источник: построено на основе данных сайта <http://минмвэст.зabayкальскийкрай.рф/investicii.html>

ле и с предстоящим переносом центра российской угледобычи в Туву. Освоение крупнейших по запасам тувинских угольных месторождений потребует значительного повышения пропускной способности железнодорожных магистралей. В состоявшемся за рамками официальной встречи разговоре с Анатолием Дамба-Хуураком представители Китая высказали интерес и к инфраструктурным Тувы, включая строительство железной дороги Кызыл — Курагино, а также угольных теплогенераций на территории региона»⁷.

Забайкальский край имеет существенную зависимость от экономического сотрудничества с КНР. С 2005 по 2011 гг. объём китайских инвестиций в край вырос в абсолютных величинах в 200 раз. В этом процессе определенную положительную роль сыграла презентационная и выставочно-ярмарочная деятельность Забайкальского края в рамках приграничного сотрудничества с Китаем.

Как и на Дальнем Востоке китайские инвесторы несомненный интерес проявляют исключительно к сырьевым проектам, среди которых следует выделить Берёзовское железорудное месторождение и Нойон-Тологойское месторождения полиметаллических руд.

Инвестором проекта по освоению Берёзовского месторождения выступает ООО «Горно-промышленная компания «Лунэн» китайской корпорации «Си Ян». Объём инвестиций ООО «ГПК Лунэн» в освоение Берёзовского месторождения составил 750 млн рублей, из них на территории России — 660 млн руб. По данным губернатора китайские инвестиции в Забайкалье составили ... 22 миллиона долларов⁸.

Реализация проекта сдерживается отсутствием отработанной технологии обогащения руд месторождения, позволяющей создать экономически выгодное производство.

Проект по освоению Нойон-Тологойского месторождения реализуется китайской горной компанией «Баоцзинь» — учредителем ООО «Байкалруд». Основной проблемой при выполнении данного проекта является отсутствие необходимой энергетической инфраструктуры. Для стабильной работы на начальном этапе освоения месторождения необходимо 5–6 мегаватт, а в дальнейшем 10–15 мегаватт электроэнергии для добычи руды и работы обогатительной фабрики⁹.

Развитие инвестиционного сотрудничества России и КНР и в том числе регионального в новом формате крайне необходимо, но при этом важно научиться слышать оппонента и уважать его национальные экономические интересы.

Основным программным документом, который характеризует практически все направления российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества является «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)» (далее «Программа 2009–2018»), согласованная главами двух стран в сентябре 2009 года.

В рамках «Программы 2009–2018», на российской территории, на стадии практической реализации находятся 22 проекта, 25 проектов — на стадии поиска инвесторов, 4 проекта — на стадии технической и нормативно-правовой документации, 6 проектов остановлены по причине отказа инвесторов от их реализации.

К наиболее успешным проектам программы можно отнести следующие: поставка электроэнергии из Амурской области в Китай (в 2013 г. увеличились на 32,8% до 3,49 млрд кВт/ч, в частности, за счет ввода в строй межгосударственной ЛЭП 500 кВт «Амурская — Хэйхэ»)¹⁰; освоение Березовского железорудного и Нойон-Тологойского полиметаллического месторождений в Забайкальском крае (накопленные инвестиции КНР в оба проекта — 96,31 млн долл.); строительство железнодорожного моста через р. Амур на участке Нижнеленинское—Тунцзян (26 февраля 2014 г. состоялась торжественная церемония начала строительства); действует совместный промышленный район «Канцзи» в г. Уссурийске; реализуется проект комплексного освоения сельхозугодий в Еврейской АО с участием 22 предприятий из провинции Хэйлунцзян и др.

К сожалению, «Программа 2009–2018» в очередной раз демонстрирует закрепление существующих тенденций пассивной интеграции экономики восточных территорий России в экономику Китая, которые зачастую не отражают интересы затрагиваемых документом регионов, делая упор в основном на ресурсные отрасли (добыча полезных ископаемых, лесная промышленность, энергетика). Можно с уверенностью сказать, что сотрудничество с северо-восточными регионами КНР в том виде, который отражен в Программе прямо противоречит заявленным целям новых стратегий регионального развития Дальнего Востока и Сибири. Представленный вариант сотрудничества носит не партнерский, а ярко выраженный колониальный характер.

Поэтому «Программу 2009–2018» в том виде, котором она согласованна, пока не поздно необходимо законсервировать, чтобы

не нанести непоправимый урон российским восточным территориям и её населению, а также добрососедским отношениям наших народов.

Следует предложить, китайской стороне новый формат сотрудничества с главным упором на создание экологически чистого региона. В свете этого считаем целесообразным сконцентрировать внимание на следующих проектах:

- участие в инвестировании сферы рекреационных услуг, особенно гостиничного и туристского сервиса;
- производство дешевых потребительских товаров повышенного спроса (пищевые продукты, одежда, обувь, мебель, бытовая электроника и т. п. возможно на первых этапах из китайских комплектующих, но в дальнейшем, через 2–3 года из российских). Так, к примеру, для создания обувного кластера в Сибири требуется всего 5–6 млрд руб. или 1/6 от денег затраченных на строительство моста на остров Русский;
- развитие марикультуры и прудового рыболовства;
- фармакология, заготовка сырья и производство лекарственных и пищевых добавок на основе марикультуры;
- осуществление транспортно-логистических услуг, создание принципиально новой быстрой, экологически чистой, экономичной и безопасной транспортно-коммуникационной системы, использующей возможности российского оборонного машиностроения двойного назначения, а также мощности смежного оборонного комплекса;
- создание предприятий осуществляющих выпуск строительных и отделочных материалов;
- кооперация с КНР и Японией по изготовлению медицинского оборудования.
- Особое внимание следует уделить развитию сферы современных услуг, включающих:
  - Компьютерные и информационные услуги
  - Медицинские услуги
  - Образовательные услуги

Совместные российско-китайские договоры будут определять будущее наших восточных регионов. И это будущее надо предвидеть сегодня, когда закладывается фундамент новых российско-китайских отношений в целом.

¹ 2013 нянь Чжунго дуй Э цзинци тоуцзы чаого 40 и мэйюань цзяо шаньянь цзэнчжан 5 бэй (В 2013 г. китайские инвестиции в Россию превысили 4 млрд долл., увеличившись по сравнению с предыдущим годом в 5 раз) — Режим доступа: http://www.crc.mofcom.gov.cn/article/shangbiandongtai/201401/92298_1.html

² <http://1prime.ru/companies/20140225/778926803.html>

³ <http://newsko.ru/news/nk-936769.html>

⁴ <http://www.tgc-2.ru/cgi/prdb/rus/full.cgi?Id=1239>

⁵ «Лунсин» в Туве. Взгляд изнутри. Местные депутаты побывали с инспекцией на месторождении. — Режим доступа: <http://www.tuvaonline.ru/2013/01/10/lunsin-v-tuve-vzglyad-iznutri-mestnye-deputaty-pobyvali-s-inspekciey-na-mestorozhdenii.html>

⁶ Кызыл Таштыг — пример «развития Сибири» по-китайски? — Режим доступа: <http://siboliya.org/2012/328/>

⁷ Тува приняла участие в заседании рабочей группы по межрегиональному и приграничному сотрудничеству Российско-Китайской комиссии — Режим доступа: <http://www.tuvaonline.ru/2014/04/18/tuva-prinyala-uchastie-v-zasedanii-rabochey-gruppy-po-mezhregionalnomu-i-prigranichnomu-sotrudnichestvu-rossiysko-kitayskoj-komissii.html>

⁸ По данным губернатора китайские инвестиции в Забайкалье составили ...22 миллиона долларов — Режим доступа: <http://arguncrisis.ru/po-dannym-gubernatora-kitajskie-investicii-v-zabajkale-sostavili-22-milliona-dollarov/>

⁹ там же

¹⁰ <http://www.vestifinance.ru/articles/41822/print>

Е. Н. Грачиков

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ

Термин «национальные интересы» в китайском языке имеет двойное содержание: государственные интересы в контексте международной политической структуры, т.е. интересы государства-нации, что в английском языке передается термином «National Interests», который имеет антипод в виде интересов организации, международных или мировых интересов. Другим значением является внутривнутриполитическое содержание государственных интересов, которое отражает интересы правительства или представляемые правительством интересы всего государства¹.

После провозглашения Дэн Сяопином политики реформ и открытости (1978) Народно-освободительная армия Китая (НОАК) одна из первых приступила к изучению глобальных трансформаций, происходящих в мире, и формулированию национально-государственных интересов страны в XXI в. При разработке новых, отвечающих современным требованиям, стратегий и теорий военные ученые КНР столкнулись с проблемой отсутствия в Китае на общегосударственном уровне какой-либо концепции национальной безопасности, утвержденной верховной политической властью в лице Всекитайского собрания народных представителей или съезда КПК, где были бы четко сформулированы государственные и национальные интересы КНР.

Вопросы государственных интересов в научном сообществе Китая впервые были поставлены в 1987 г. на шанхайской научной конференции по теории международных отношений. Тогда многие считали, что у Китая не может быть других государственных интересов, как кроме классовых. Но и в середине «нулевых» годов уже XXI века некоторые ученые не признавали, что за пределами границ Китая могут быть ее интересы. Они считали, что все интересы страны находятся на собственной территории. Такой взгляд тесно связан с историей. «В новое время Китай подвергался жестоким унижениям со стороны Запада. Империалистические державы действовали в ущерб национальным интересам Китая, растоптали ее суверенитет, на территории Китая преследовали национальные интересы своих стран. Вследствие этого, на протяжении длительного времени *в нашем сознании преследование*

каких-либо интересов за рубежом имело смысл нарушения прав и даже агрессии, экспансии и попрание суверенитета других стран. Хотя большинство китайских ученых признают двойное содержание национальных интересов, но под ним они понимают только интересы нации и классовые интересы. Такое содержание, как особые интересы или обычные интересы все еще не включалось ими в понятие внутренних или внешних национальных интересов Китая»².

Одной из первых теоретических исследований проблем государственных интересов стала монография научного сотрудника Академии военных наук Китая Хун Бина³. Он рассматривает интересы страны с точки зрения удовлетворения потребностей экономического развития, политической стабильности, обороны и безопасности, единства и повышения международного авторитета. Понятие «государственные интересы», по мнению ученого, достаточно абстрактное, объемное и представляет определенные трудности для описания его полного содержания. В целях упрощения анализа Хун Бин, наряду с другими китайскими учеными, выделяет только два наиболее существенных государственных интереса: выживания и развития, которым подчиняются все остальные второстепенные интересы.

Содержание интересов

Китайские специалисты выделяют шесть факторов оказывающих непосредственное влияние на формирование государственных интересов: территория государства, его безопасность, суверенитет, развитие, стабильность и достоинство. Ряд ученых формулируют семь видов государственных интересов: сохранение политической системы, экономическое развитие и процветание общества, научно-техническое развитие, государственная безопасность и стабильность общества, образовательная система и культурные традиции, ресурсная и территориальная полнота, внешняя независимость и самостоятельность⁴.

Особым элементом государственных интересов является *достоинство государства* — guojiazunyan 国家尊严, которое означает твердое отстаивание в международном сообществе занимаемого страной положения и защита ее престижа за рубежом. Оно означает признание другими странами международного положения, международного влияния и международного образа страны. Достоинство государства относится к так называемым «невидимым» (wuxing 无形) государственным интересам и означает весомость занимаемого положения в глазах других участ-

ников международного процесса. Это необходимое любому государству «почтительное отношение» (liyu 礼遇) и «национальный престиж» (guoge 国格). В каком-то смысле достоинство государства сравнимо со своего рода силой, возможно, «мягкой силой» государства на мировой арене. Утрата достоинства означает потерю «чувства государства» (qinggan 情感) и «субстанции государства» (wuzhi 物质), что прямым образом влияет на безопасность и развитие государства. Защита достоинства является делом жизни и смерти государства. Чувство собственного достоинства каждого человека выражается в достоинстве и величии страны⁵.

Иерархия государственных интересов

Возрастание интересов государства по значимости				
основные интересы по возможным угрозам	интересы выживания	важные интересы	главные интересы	второстепенные интересы
защита территории (интересы нац.безопас.)				
защита экономических интересов				
борьба за благоприятную мировую обстановку				
интересы роста				

Данное деление является весьма условным. Например, «интересы выживания» так же, в свою очередь, можно разделить на «важные» и «главные», а разница между последними представляется достаточно условной.

Основные особенности государственных интересов

Особенности государственных интересов определяются их отличительными чертами и характерными свойствами, среди которых выделяются шесть главных⁶.

1. *Политичность* — zhengzhixing 政治性. Основные потребности государства, как политической субстанции. Эти потребности соотносятся

- с понятиями «все государство» (zhenggeguojia 整个国家) и «весь народ» (quantiguojia 全体民众). На Западе государственные интересы понимаются и определяются исходя из интересов индивидуума. На Востоке — интересы человека формируются исходя из интересов государства, личные интересы подчиняются государственным.
2. *Национальность* — minzuxing 民族性. Означает, что потребности государства рассматриваются с точки зрения нации, т. е. одной или нескольких этнических общностей, составляющих единое целостное культурное образование.
  3. *Многообразие* — duoyangxing 多样性. Указывает на множественность основных составляющих элементов. Каждый интерес не является чем-то простым по структуре, а соотносится с различными сферами общественной жизни и сложными социальными связями и отношениями и представляет собой органическое целое. Многообразие несет в себе такие смыслы, как «комплексность» (zonghexing 综合性) и «целостность» (zhengtixing 整体性) или одним словом «совокупность» (zonghexing 总和性).
  4. *Уровневость, градация* — sengcixing 层次性. Данное свойство означает, что кроме горизонтальных связей 横向联系 между составляющими государственный интерес элементами, еще имеются и вертикальные 纵向联系 (вспомним упоминавшуюся в первой главе стратегию Цзунхэн 纵横 — союз по горизонтали и вертикали). В системе интересов представлены «верхние слои интересов» biao-sengliyi 表层利益 и «нижние слои интересов» shencengliyi 深层利益, которые между собой взаимосвязаны.
  5. *Верховенство* — zhishangxing 至上性. Верховенство государственных интересов — это высший принцип, которым должно руководствоваться государство при регулировании отношений с другими странами и, в соответствии с которым, никому не разрешается присваивать эти интересы, разделять и попираť их. Любое государство в вопросах отстаивания своих интересов должно проявлять особую бдительность (jingtixing 警惕性) и даже «враждебность» (diyì 敌意). Вне зависимости от того, кто занимает пост главы государства или правительства, сфера национальных интересов всегда рассматривается, как «запретная зона» (jinqu 禁区), где никому из руководителей не позволено идти на уступки. В противном случае при определенных исторических условиях руководитель может стать «предателем» maiguozei 卖国贼. Такими примерами могут

служить подписание Ли Хунчжаном «Договора Магуань» 马关条约⁷ и «21 статьи» 二十一条⁸ бэйянским (пекинским) правительством.

6. *Компенсационность* — buchangxing 补偿性. В процессе международных контактов можно видеть, как какое-либо государство, исходя из своих потребностей, идет на уступки в вопросах государственных интересов. Например, уступает часть своей территории, идя против совести, подписывает не выгодные для себя условия, временно отказывается от союзников, на короткое время откладывает осуществление некоторых необходимых для государства программ развития. Государство жертвует какими-либо интересами для защиты или получения взамен более интересных и важных выгод. Таким образом, данное качество государственных интересов проявляется в ситуациях, когда государство заключает объективно не выгодные в настоящее время соглашения, твердо рассчитывая получить больше выгод в будущем. Такие действия соответствуют древней китайской мудрости, которая звучит так: «пожертвовать пешкой, чтобы сохранить ладью» diuzubaoju 丢卒保车, или другой ее вариант: «пожертвовать ладьей, чтобы защитить короля» diuzubaoshuai 丢卒保帅. Оба означают: поступиться малым ради сохранения большего. В международной практике многие рассматривают «компенсационность» как «терпеливость, сдержанность» 自制性 в том смысле, что у партнера имеются свои законные государственные интересы, которые он вправе отстаивать.

Причины возникновения необходимости применения принципа компенсации.

1. Существует многообразие и категории государственных интересов, которые структурируются в единое целое исходя из баланса ценностей — jiazhiquanheng (ценностного веса каждого интереса), где одним из критериев выступает возможность компенсации.
2. Одна из причин применения компенсационности заключается в том, что основная часть государственных интересов представлена во многих областях и проявляется в своем разнообразии в различных ситуациях. Одни и те же интересы в одних случаях будут реализовываться успешно, в других — не могут быть достигнуты. Возможность компенсации одних интересов другими является важным фактором определения приоритетности интересов.
3. Благоприятным условием для учета необходимости применения компенсации при формировании государственных интересов

является увеличение числа и активизация на международной арене таких негосударственных акторов, как транснациональные корпорации и международные организации, которые способствуют появлению у многих стран новых видов интересов, которые представляют возможность разнообразить неформальные отношения государств. В итоге, они создают медиа пространство для стимулирования «контактов» или «трансформаций» по компенсации межгосударственных интересов.

4. Развитие мировой интеграции увеличило степень взаимозависимости между государствами. Различные интересы государств стали взаимно перекрещиваться и взаимопроникать, «ты стал частью меня» 你中有我, «я — частью тебя» 我中有你, поэтому кратно возросло число взаимно компенсированных «областей» и «интерфейсов» (互相补偿的“领域”和“接口”) для реализации государственных интересов в международной сфере.

Способы и формы компенсации.

1. Жертвовать частью второстепенных интересов взамен на более важные общие интересы (牺牲局部的次要利益, 换取全局的重大利益).
2. Взаимное компенсирование различных типов государственных интересов(不同类型利益之间相互补偿).
3. Для реализации компенсации прибегать к обмену интересами, используя третью сторону (通过“第三者”进行利益交换, 完成利益补偿).
4. Жертвуя внутренними интересами добиваться достижения общих (государственных) интересов в международных делах (牺牲国内利益作为其国际方面共同利益的补偿).

Современные проблемы государственных интересов Китая

Достаточно широкая дискуссия по вопросам национальных интересов страны была проведена только в 2006 г. по инициативе и при финансовой поддержке НОАК (Проект 2110). Результаты обсуждения были опубликованы в виде сборника статей под общей редакцией Сюй Цзя⁹. Ученые обратили внимание на некоторые особенности современного состояния в определении и формулировании интересов страны.

Изменение иерархии интересов. Янь Сюетун считает, что на протяжении последних тридцати лет приоритет в развитии Китая отдавался интересам экономического развития страны. Интересы безопасности,

политики и культуры были подчинены экономическим. Содержание экономических интересов за это время претерпело существенное изменение. Если раньше ставилась задача привлечения капиталов, то потом — его вложение за рубежом. Расширилось и пространство действия этих интересов. Если сначала они концентрировались на приграничных странах, то потом стали включать Африку и Латинскую Америку. Чем дальше, тем больше расширялась география государственных интересов, которые, в конце концов, приобрели глобальный характер. Встал вопрос об определении характера государственных интересов, т. е. речь идет об обычном развитии страны или об ускоренном подъеме. Простое развитие не требует перенапряжения сил, не ставит перед собой задачу превзойти развитые страны. Когда Китай обошел по уровню ВВП Японию, встал вопрос о «структуре» 结构性 национальных интересов. Интересы превосходства 超越性利益 и интересы расширения 扩展利益 — это национальные интересы поднимающейся страны, то есть Китая¹⁰.

Смена последовательности реализации государственных интересов. Янь Сюетун также отмечает, что за небольшой, с исторической точки зрения, период после «холодной» войны Китай был вынужден уже несколько раз менять иерархию своих интересов. В 1980-х гг. главными были экономические интересы. В начале 1990-х гг. на первое место резко вышли политические интересы. Это было связано с «событием на площади Тяньаньмэнь» в 1989 г. и последовавшей за ним международной изоляцией страны. К 1994 г. Китай смог восстановить свой авторитет и преодолеть последствия изоляции, хотя эмбарго на продажу Китаю военной техники западными странами действует и по сегодняшний день и вряд — ли когда-либо будет отменено.

В 1996 г. разразился тайваньский кризис. Политика «двух Китаев» и «независимости Тайваня», проводимая президентом Тайваня Ли Дэньхуэем получила большой международный резонанс и стала угрожать политике единого Китая, которую проводил Пекин. Теперь на первый план вышли интересы национальной безопасности страны. К середине «нулевых» стала складываться ситуация, при которой расширялись экономические интересы страны и при этом не гарантировались интересы безопасности. Комплексная мощь Китая увеличивалась не так стабильно, как планировалось. Экономическая сила росла быстрее военной, а политическая — «застыла на месте». Эта неравномерность развития вела к ухудшению безопасности страны. Иерархия

национальных интересов Китая на 2006 г. выглядела следующим образом: интересы безопасности, политические интересы, экономические и только потом культурные. Экономические интересы по сравнению с периодом 80-х гг. XX столетия с первого места переместились на третье¹¹.

Пространство действия государственных интересов. За последние три десятилетия границы национальных интересов Китая претерпели существенные изменения. Пространство действия интересов Китая расширилось далеко от собственных границ. Сегодня безопасность жизни и интересов граждан КНР за рубежом, по мнению китайских ученых, не гарантируется. Способность вооруженных сил КНР обеспечить эту безопасность все еще не достаточно. С политической точки зрения, Китай уже стал частью мировой системы, что полностью признается другими странами. В 90-е годы XX столетия Китай вступил в большинство международных организаций. Сейчас уже не стоит вопрос о признании прав Китая в этих организациях. Китай «борется за право определения и установление новых международных правил». В области экономических интересов, раньше Китай концентрировал свое внимание на приток зарубежных капиталов и технологий, а сегодня — ставит задачу по выходу за рубеж, расширению вывоза китайского капитала и получение доступа к зарубежным природным ресурсам. В прошлом это был упор на экспорт и расширение товарного рынка, сейчас — увеличение активов в транснациональных компаниях, через которые осуществляется вывоз капитала. В области культуры, Китай ставил задачу сохранения традиционной культуры, то теперь — продвижение китайской культуры за рубеж.

Государственные интересы КНР в ближайшие десять лет. Профессор Университета национальной обороны Китая Тан Юншэн полагает, что проблема национальных интересов полностью относится к сфере «большой стратегии» и несет в себе заметную специфику реализма. Это выражается в том, что в современной международной политике существует своя «логика силы», предполагающая борьбу за «руководящее место» и вытекающую отсюда первостепенность проблем безопасности для многих стран, в том числе и для Китая. Тан Юншэн обращает внимание на два момента: комплексность и стратегические возможности. Международная обстановка характеризуется весьма тесным переплетением межгосударственных отношений, которые усложняют структуру национальных интересов, делают их по-настоящему комплексными.

В связи с этим, формируются группы совсем новых государственных интересов: интересов вызова, взаимосвязи, пересекающихся интересов. Проблема комплексности постепенно превращается в отдельную «дисциплину по изучению философии и искусства стратегического планирования». Рост экономической и военной мощи резко увеличили стратегические возможности Китая и, в первую очередь, возможности по «структурированию международной системы». Однако сейчас «относительный недостаток возможностей структурирования — это ключевой фактор, ограничивающий будущее развитие Китая, который нельзя преодолеть в короткое время». Поэтому, считает Тан Юншэн, в целях гарантирования выживания и развития Китая необходимо ускорить создание «сети безопасности», повысить качество экономики и привлекательность культуры. Повышение «структурных возможностей» на международном и региональном уровне позволит Китаю успешно осуществлять свои национальные интересы¹².

Иерархия национальных интересов Китая на ближайшую перспективу выглядит следующим образом. 1. Интересы социально-экономического развития и увеличения комплексной мощи. 2. Интересы государственного суверенитета, территориальной целостности и морских прав. 3. Интересы обеспечения благоприятной международной и приграничной обстановки. 4. Интересы ответственной державы международного сообщества¹³.

¹ 中国国家利益分析 / 阎学通著。—天津：天津人民出版社，1996年第5叶(Янь Сюэту. Анализ государственных интересов Китая).

² 许嘉： 伦利益边界与本土边界之关系载中国国家利益与影响 / 许嘉主编。—北京：时事出版社。2006年第19叶(Сюй Цзя. Взаимоотношения границ интересов и собственной территории // Национальные интересы Китая и их влияние. Глав. ред. Сюй Цзя).

³ 国家利益论 / 洪兵著。—北京：军事科学出版社，1999年(ХунБин. Теория государственных интересов).

⁴ 洪兵. Ibid, p. 13–30.

⁵ 洪兵. Ibid, p. 19.

⁶ 洪兵. Ibid, p. 30–48.

⁷ Симоносекский договор (下関条約), в Китае известный как Договор Магуань 馬關條約 — заключён между Японской империей и Империей Цин 17 апреля 1895 года в городе Симоносеки в результате поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895.

⁸ Двадцать одно требование — требования, выдвинутые премьер-министром Японской империи Окумой Сигэнобу 18 января 1915 года правительству Китайской республики, возглавлявшемуся Юань Шикаем.

⁹ 中国国家利益与影响 / 许嘉主编。—北京：时事出版社。2006年（Национальные интересы Китая и их влияние. Глав. ред. Сюй Цзя).

¹⁰ 阎学通：崛起中的中国国家利益内涵载中国国家利益与影响 / 许嘉主编。—北京：时事出版社。2006年第3—7(Янь Сюетун. Содержание национальных интересов Китая в период подъема//Национальные интересы Китая и их влияние. Гл. ред. Сюй Цзя).

¹¹ Ibid.

¹² 唐永胜：关于新时期中国国家利益实现的思考载中国国家利益与影响/许嘉主编 —北京：时事出版社。2006年第31—34叶 (Тан Юншэн. Размышления о претворении в жизнь национальных интересов Китая в новое время// Национальные интересы Китая и их влияние. Гл. ред. Сюй Цзя)

¹³ 潘蔚娟，江心学：中美核心国家利益之比较载中国国家利益与影响/许嘉主编。—北京：时事出版社。2006年第 40, 41叶 (Пань Вэйцзюань. Цзян Синьсюе. Сравнение коренных интересов КНР и США//Национальные интересы Китая и их влияние. Гл. ред. Сюй Цзя).

ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В АТР

Введение

Современные исследователи все чаще обращают внимание на то, что центр силы в политике и экономике смещается в Азию. В этом смысле безопасное и стабильное развитие АТР имеет не только региональное, но и глобальное значение.

Как известно, одним из основных дестабилизирующих факторов в регионе является проблема Южно-Китайского моря. При этом стоит отметить, что, начиная с 2009 г., она приобрела совершенно новое звучание. Если ранее взаимодействие по поводу территориальных споров, как правило, велось между заинтересованными сторонами в двустороннем порядке, то с момента «возвращения» США в Азию наблюдается возрастание влияния США на эволюцию проблемы. Это привело к тому, что основной диалог стал проходить между КНР и США, а страны АСЕАН исходят из необходимости сохранения дружественных отношений с КНР, одновременно используя присутствие США для сдерживания Китая.

В основу доклада легла следующая **гипотеза**: международно-правовое решение проблемы является, по сути, единственно возможным вариантом мирного разрешения споров в регионе, однако американо-китайское противостояние значительно осложняет движение к подписанию Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, поэтому найти такое решение, которые бы удовлетворило все стороны, в ближайшей перспективе представляется маловероятным.

Цель данного доклада — сделать разносторонний анализ развития ситуации в Южно-Китайском море в контексте отношений КНР и США. В этой связи работа условно делится на три смысловые части. В начале исследования дана информация об интересах всех вовлеченных в конфликт сторон. Далее рассмотрены американо-китайские противоречия по проблеме Южно-Китайского моря с учетом взаимодействия стран с членами АСЕАН на двусторонней и многосторонней основе. В заключительной части проанализированы основные тенденции, касающиеся перспектив подписания Кодекса сторон в Южно-Китайском море.

Роль Южно-Китайского моря в экономике, политике и безопасности АТР

Говоря о проблеме Южно-Китайского моря, стоит отдельно упомянуть, что ее решение неразрывно связано с национальными интересами акторов, которые прямо или косвенно участвуют в данном конфликте. В первую очередь, речь идет об экономической значимости Южно-Китайского моря. В регионе имеются большие запасы энергоресурсов (прежде всего, на континентальном шельфе). Так, по оценке геологической службы США на этих территориях может находиться от 5 до 22 млрд баррелей нефти и от 70 до 290 кубометров газа¹. Китайские источники оценивают запасы природных ресурсов в Южно-Китайском море в 230 млрд баррелей нефти и 16 трлн кубических метров газа. Также на территории имеются и полезные ископаемые (железо, медь, фосфор, алюминий и др.)².

Кроме того, через Южно-Китайское море проходят важнейшие торговые пути, которые связывают между собой экономики большинства стран мира. Так, через Малаккский пролив проходит более 80% импортируемой КНР нефти³.

Не менее важными задачами для стран АТР являются решение продовольственной проблемы и связанной с ней проблемой сохранения биоразнообразия. В этом смысле Южно-Китайское море обладает значительными ресурсными возможностями. Ученые из канадского центра по исследованию рыбных угодий отмечают, что в Южно-Китайском море водятся 2321 вид рыб, свыше 230 видов крабов и более 709 видов зоопланктона⁴.

Рассматривая региональное значение Южно-Китайского моря нельзя обойти стороной и вопрос о роли этой акватории в обеспечении безопасности. Кроме того, конфликты в Южно-Китайском море имеют важные политические последствия. Ужесточение позиции Китая по вопросу территориальной принадлежности островов и морских участков Южно-Китайского моря в восприятии его соседей соотносятся с концепцией китайской угрозы. Эскалация напряженности в регионе препятствует эффективному взаимодействию вовлеченных в конфликт сторон как в рамках двусторонних проектов, так и на многосторонних площадках.

Исходя из сказанного, можно выделить несколько ключевых интересов КНР и США в Южно-Китайском море. В первую очередь они связаны с возможностью использования акватории Южно-Китайского

моря в военных целях (размещение пунктов стратегического назначения, проведение учений и т.д.). Также стороны принимают в расчет энергетический потенциал региона (освоением ресурсов Южно-Китайского моря уже занимаются такие крупные китайские и американские компании, как CNOOC и Exxonmobil). Кроме того, позиция стран по данному вопросу имеет стратегическое значение в контексте развития партнерских отношений со странами региона, что особенно актуально с учетом того, что часть вовлеченных в конфликт стран АСЕАН официально являются союзниками США.

США и Китай в Южно-Китайском море и интересы АСЕАН

Проблема Южно-Китайского моря в отношениях между КНР и США долгое время была исключена из дискуссии, однако постепенно, по мере углубления двусторонних связей и взаимозависимости, диапазон обсуждаемых в двустороннем диалоге проблем существенно расширился.

Перед рассмотрением особенностей американо-китайского диалога по проблеме Южно-Китайского моря на современном этапе хотелось бы обозначить ключевые моменты его развития. Как уже говорилось выше, традиционно взаимодействие по проблемам Южно-Китайского моря велось только между заинтересованными сторонами в двустороннем формате. Несмотря на то, что со временем сотрудничество выходило на глобальный уровень, оно, как правило, происходило в рамках структурных ограничений, накладываемых системой международных отношений на развитие двусторонних контактов. В начале 1990-х годов можно заметить рост интереса КНР, США и стран АСЕАН к налаживанию взаимодействия на многосторонних площадках. Так, США достаточно активно поддерживали АРФ как организацию, способную выработать эффективные механизмы взаимодействия по проблемам безопасности. Однако стало очевидно, что эта платформа является лишь местом обсуждения разных инициатив, а их претворение в жизнь откладывается на неопределенный период или не приводит к кардинальному изменению ситуации. Таким образом, неэффективность многосторонних платформ привела к тому, что постепенно страны стали искать новые пути к сотрудничеству.

В то же время большое влияние на развитие отношений между странами оказали региональные факторы, в частности, азиатский кризис 1997–1998 гг., в ходе которого Китай проявил себя как надежный

партнер, отказавшись девальвировать свою валюту, в то время как Соединенные Штаты фактически не предприняли никаких действий для спасения азиатских экономик, что привело к временному охлаждению отношений между партнерами и произвело определенный разворот в сторону Китая. Это оказало влияние на дальнейший ход событий, в частности, на то, что обсуждения по спорным моментам (в том числе и по Южно-Китайскому морю) были сведены к минимуму, а принятая в скором времени Декларация по поведению сторон в Южно-Китайском море (2002 г.) во многом отражала интересы КНР. На фоне улучшения своего имиджа в регионе Китай предпринимал активные действия по решению спорных вопросов в Южно-Китайском море в рамках своих текущих региональных приоритетов, США же не принимали активного участия в решении данной проблемы, считая ее во многом второстепенной, и приступили к ее обсуждению фактически лишь после «возвращения США в Азию» в 2009–2010 гг.

Суть взаимных претензий КНР и США в Южно-Китайском море на современном этапе сводится к нескольким моментам. Первый из них связан с разным пониманием понятия «свобода судоходства»: США подразумевают под ним свободу не только гражданского, но и военного судоходства, против чего выступает Пекин. В этом контексте особое значение приобретают такие концепции, как Chinese Active Defense (Anti-Access/Area Denial) and the American Air-Sea Battle. Оба понятия в смысловом отношении носят взаимоисключающий характер: в первом случае речь идет о стратегии, которая направлена на уменьшение американского присутствия и влияния на морских пространствах АТР, во втором — о сохранении американского военного присутствия в регионе и выработке механизмов, которые бы позволяли США вести политику с учетом их стратегических интересов.

В последнее время многие исследователи в своих работах отмечают, что двусторонние противоречия между КНР и США начинают во все большей степени проявляться на региональном уровне, что определяется «самой логикой конфликта»⁵. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Китай и США по-разному представляют себе модели экономического развития АТР: по сути, запущены две конкурирующие региональные интеграционные инициативы — РВЭП и ТТП. Имеется ряд существенных разногласий по вопросам безопасности (примерами могут служить северокорейская проблема, формирование системы ПРО в АТР и др.). Это оказывает дестабили-

зирующее воздействие на деятельность АСЕАН как модератора многостороннего диалога по вопросам безопасности, который призван урегулировать ситуацию в АТР.

Характеризуя современное состояние американо-китайских взаимоотношений по проблеме Южно-Китайского моря, можно наблюдать значительную перемену в самом подходе к выстраиванию двусторонних отношений: если ранее, что наблюдалось даже в начале 2000-х гг., США пытались вовлечь КНР в собственную систему управления миром, то на данном этапе очевидно, что это сделать не удалось. По этой причине Соединенные Штаты перешли к иной стратегии взаимодействия и стремятся ослабить влияние Китая путем создания альтернативных вариантов для сотрудничества и укрепления взаимодействия в регионе. Подобная тактика находит отклик в странах АТР, которые обеспокоены увеличением роли Китая в АТР и стремятся ограничить свою зависимость от него. Другим фактором поддержки странами АТР политики США служит тот факт, что в случае с Китаем и странами АТР речь идет напрямую об общих интересах и разделе спорных территорий, ресурсов и проч., в то время как США вовлечены во все конфликты лишь косвенно, и принимают в них участие лишь в качестве посредника, что делает их более «безопасным» партнером.

Итак, можно сделать вывод, что Соединенные Штаты предпринимают действия, которые необходимы для сохранения их присутствия в регионе и недопущения китайского доминирования, Китай же проводит политику, направленную на укрепление своего влияния в АТР, что ведет к неизбежному столкновению интересов двух акторов по различным вопросам, в том числе касающимся проблемы Южно-Китайского моря.

КНР, США и Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море

Отсутствие эффективных правовых механизмов урегулирования споров на морских пространствах подтолкнуло вовлеченные в конфликт стороны к разработке многостороннего соглашения, в котором бы в максимальной степени учитывались интересы сторон и были заложены легитимные способы мирного разрешения конфликта. Так в 1990-е гг. появилась идея создания Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море (документально это впервые нашло отражение в 1992 г. в Декларации АСЕАН по Южно-Китайскому морю). Несмотря на это, долгое время отсутствовало единое понимание того, каким

должен быть Кодекс содержательно. Первые попытки определить общие правила взаимодействия были сделаны лишь на 29 заседании министров иностранных дел АСЕАН в 1996 году, а сам процесс выработки положений Кодекса пришелся только на конец 1990-х гг. Согласование проекта документа с Китаем пришлось уже на начало 2000-х годов. Однако в итоге сторонам так и не удалось придти к консенсусу, поэтому было решено подписать Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (2002 г.), которая рассматривалась как первый шаг на пути к подписанию Кодекса.

Ситуация осложняется тем, что из-за несовершенства существующей правовой основы урегулирования конфликтов и неопределенности линий границ вовлеченные стороны время от времени сталкиваются со случаями так называемого «нарушения суверенитета» (в частности, в июле 2012 г. КНР на спорной территории был заложен город Саньша⁶, Филиппины в сентябре того же года официально переименовали Южно-Китайское море в Западно-Филиппинское⁷ и др). При этом апелляция к положениям ООН по морскому праву 1982 г. не вносит ясности в спорные вопросы. Многие аспекты современных противоречий в Южно-Китайском море, в том числе касающиеся взаимодействия КНР и США, в ней либо не прописаны, либо сформулированы нечетко. Все это наряду с другими факторами приводит к возникновению недоверия между сторонами и препятствует эффективному обсуждению положений Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

Рассматривая взаимодействие КНР и США по вопросу выработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, хотелось бы отметить несколько принципиальных моментов. США активно подключились к этому процессу сравнительно недавно, а именно в 2009–2010 гг., когда они выступили с инициативой посредничества в территориальных спорах в Южно-Китайском море, в том числе, в части создания правил взаимодействия на спорных территориях, о чем Х. Клинтон заявила на сессии Регионального Форума АСЕАН⁸. По этой причине действия США, как стороны напрямую не вовлеченной в конфликт, во многом ограничены как в связи с существующими достигнутыми ранее двусторонними и многосторонними договоренностями, так и в связи с необходимостью обоснования необходимости вмешательства третьих сторон в территориальные конфликты (в частности, данный принцип закреплен в статье 4 Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море)⁹.

Работа над положениями Кодекса на современном этапе заслуживает особого внимания, так как является попыткой мирного урегулирования противоречий на основе международного права посредством создания основного документа, регламентирующего порядок взаимодействия стран в регионе. Однако сложно предсказать, насколько она будет успешной. Главная опасность состоит в том, что если Кодекс не будет принят сторонами, то «идея найти правовое решение накопившихся противоречий может быть дискредитирована на много лет вперед»¹⁰. Очевидно, что политика США будет оказывать определенное влияние на взаимоотношения КНР и стран Ассоциации, «подталкивая АСЕАН и Китай к выработке положений Кодекса поведения сторон, о котором было сказано в Декларации»¹¹. АСЕАН будет принимать во внимание тот факт, что США предложили выступить посредником в решении конфликта, и тем самым существует вероятность «сплочения АСЕАН на антикитайской основе»¹². По этой причине могут возникнуть сложности при согласовании положений Кодекса с КНР.

Говоря об отношении сторон к возможности подписания Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море среди стран АСЕАН, можно отметить, что на заключении соглашения в большей степени настаивают Филиппины и Вьетнам, что подтверждается и их заявлениями на саммите АСЕАН в Брунее¹³. Остальные участники занимают достаточно сдержанную позицию.

Перспективы подписания Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море по-прежнему остаются недостаточно ясными, так как на данном этапе согласование позиций заинтересованных сторон сталкивается с существенными противоречиями, которые можно преодолеть только с помощью политической воли вовлеченных государств. Движение к подписанию Кодекса осложняется и тем, что оно во многом не выгодно КНР. Условия Декларации поведения сторон в ЮКМ в большой степени отражают именно китайские интересы, в то время как подписание Кодекса может ухудшить позиции Китая, поэтому он с большой долей вероятности будет использовать внутренние противоречия стран АСЕАН для того, чтобы максимально отдалить сроки подписания нового соглашения.

Заключение

Активизация политики США в регионе привела к трансформации противоречий в Южно-Китайском море. Как известно, Китай настаивает на обсуждении территориальных проблем исключительно между

имеющими территориальные притязания в Южно-Китайском море сторонами, в то время как США стремятся вывести эту проблему на уровень международной дискуссии с возможностью участия третьих сторон, что в корне противоречит китайским интересам. К тому же фактор присутствия США в регионе часто рассматривается Китаем как попытка объединить АСЕАН на антикитайской основе, поэтому любое действие США воспринимается как оказание давления на Пекин. Все это наряду с другими факторами приводит к возникновению недоверия между участниками и препятствует эффективному обсуждению положений Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

Подводя итог, можно сказать, что в условиях нарастания противоречий между КНР и США по вопросам безопасности на море определяющая роль в развитии ситуации в ЮКМ будет принадлежать КНР и США, в то время как потенциал многосторонней дипломатии АСЕАН будет использоваться ограниченно, что в конечном итоге может оказать негативное влияние на перспективы подписания Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

¹ South China Sea // U. S. Energy Information Administration, February 2013. Режим доступа: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_China_Sea/south_china_sea.pdf

² Разработка запасов нефти в Южно-Китайском море (南海的石油量及情况) — Режим доступа: http://zt.cnr.cn/zt/504070899/504070906/201205/t20120507_509566543.html

³ Ли Г. Стратегия «нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, №4, 2011. С. 162

⁴ Huang B., Cheong W., Lam V.W.Y., Palomares M.L.D. Toward the Account of Biodiversity in Chinese Shelf Waters. Marine Biodiversity in Southeast Asian and Adjacent Seas. Part 1 // Fisheries Centre Research Reports 18 (3), Vancouver, Canada, 2010. P. 9

⁵ Мосяков Д. В. Некоторые аспекты современных американо-китайских отношений в АТР // Война и мир — Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/70326/>

⁶ Китай объявил спорный остров своим городом // Лента — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/07/25/newcity/>

⁷ Президент Филиппин издал указ о переименовании Южно-Китайского моря в «Западно-Филиппинское» (菲总统发布行政命令命名“西菲律宾海”) — Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2012-09/12/c_113057382.htm

⁸ Remarks at Press Availability. Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. National Convention Center. Hanoi, Vietnam. July 23, 2010. — Режим доступа: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145095.htm>

⁹ Declaration on Conduct of Parties in the South China Sea, 2002 — Режим доступа: <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea>

¹⁰ Канаев Е. А. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1240#top

¹¹ O'Rourke R. Op. Cit. P. 6

¹² Чжоу Ф. Кооперация и сотрудничество в Восточной Азии // Шицзэ цинцзи юй цжэнчжи, 2009 № 1. С. 59. (共同体与东亚合作 // 世界经济与政治, 2009 № 1)

¹³ ASEAN Summit Dominated by the South China Sea // Aljazeera (official website) — Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/asia-pacific/2013/04/201342571858678984.html>

К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ «КИТАЙСКОГО ФАКТОРА» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РК И ЯПОНИЕЙ

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией в настоящее время находятся в весьма противоречивом состоянии. С одной стороны, имеют место тесные экономические и культурные связи. С другой стороны — в последнее десятилетие политический диалог между Сеулом и Токио осложнен вследствие актуализации ряда проблем (территориальная проблема вокруг Токто, исторические споры), которые ранее либо широко не афишировались, либо вовсе не поднимались.

Однако, территориальная проблема и вопросы исторической памяти являются осложнениями не только во взаимоотношениях Республики Корея и Японии. У Японии и Китая также есть территориальный спор, развившийся до более серьезных масштабов — вплоть до пересмотра границ континентального шельфа и зоны ПВО КНР в Восточно-Китайском море. В свою очередь, исторические споры распространяются и на непростое наследие китайско-японских отношений. В связи с этим, возникает вопрос: насколько значим «китайский фактор» во взаимоотношениях РК и Японии. Возможно ли, что Сеул прекратит политическое сближение с Пекином, усилив некогда тесные взаимоотношения с Японией, в том числе и на фоне «возвышения Китая»?

На первый взгляд, Республика Корея и Япония могли бы выступить «единым фронтом», как бы дополняя усилия американской дипломатии по сдерживанию роста китайского влияния в Восточной Азии. Тем более, и в Республике Корея, и в Японии к Китаю традиционно сохраняется настороженное отношение. В случае Южной Кореи ситуация усугубляется и наращиванием Китая своего присутствия в КНДР.

По оценкам КОТРА до 90% внешнеторгового оборота КНДР приходится на Китай, что создает у южнокорейских политических кругов определенные вопросы. Кроме того, в ноябре 2013 г. стало ясно, что у РК и Китая есть актуальный территориальный спор (вокруг скал Иодо), который, однако, был благополучно «снят».

С другой стороны, попытки Японии пересмотреть свои позиции в регионе, через ужесточение своей позиции по территориальному вопросу и отказу от «комплекса вины», наталкиваются на сопротивление не только со стороны Китая, которому предсказуемо не нужен противовес в виде Японии.

Руководство Республики Корея, поставившее перед собой цель превращения в глобального игрока, видит в Японии также серьезного конкурента. И если «возвышение Китая» воспринимается в Сеуле как «обстоятельство непреодолимой силы», ибо Китай во все времена занимал доминирующее положение в регионе, то с усилением Японии, по всей видимости, мириться не будут.

Китай в РК воспринимается и в качестве арбитра, способного повлиять на Пхеньян в межкорейских отношениях. РК очень долго шла к тому, чтобы нормализовать отношения с Пекином. А, следовательно, в обозримой перспективе, ни о каком разладе речи быть не может. Тем более, что у Пекина и Сеула существуют общие «болевы точки» во взаимоотношениях с Токио. Ужесточение позиции Японии по Дяюйдао может стать для Сеула своеобразным знаком, который будет истолкован далеко не в пользу Токио.

КРИТЕРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)

Межгосударственные отношения многих сотрудничающих между собой стран в последнее время все чаще стали именоваться «стратегическим партнерством». Такое понятие включает в себя целую гамму разносторонних отношений, построенных на прочном фундаменте долгосрочного взаимодействия.

Нет общепринятой точки зрения относительно критериев и параметров при выделении «стратегического партнерства».

Данная формулировка применяется в случае, когда стороны открыто квалифицируют свои отношения как «стратегическое партнерство».

На примере российско-китайского стратегического партнерства можно выделить следующие особенности:

1. поэтапное построение партнерских отношений — от нормализации, признания друг друга дружественными государствами и до становления, в конечном итоге, стратегического партнерства;
2. разветвленность и структурированность двустороннего диалога на всех уровнях межгосударственных взаимодействий;
3. широкий спектр областей сотрудничества, включающих наиболее приоритетные сферы для каждой из сторон — научно-техническую, военную, культурную, торгово-экономическую и др.;
4. согласованность позиций по наиболее актуальным международным проблемам в рамках международных организаций (ШОС, БРИКС, ООН) и на международной арене в целом;
5. долгосрочность реализуемых совместных проектов, подписанных договоров и намерений лидеров обеих государств;
6. непрерывное развитие межгосударственных связей на всех уровнях двусторонних отношений;
7. значимость стратегического партнерства для каждой из сторон.

Отношения «стратегического партнерства» не подразумевают полного тождества взглядов и позиций обеих стран и не исключают ряда диаметрально противоположных мнений, а скорее подчеркивают наличие расхождений у сторон и их способность сосуществовать и приходить к компромиссу во имя общих целей и задач.

ЧАСТЬ III

«ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

ВВЕДЕНИЕ

26 апреля 2014 г. в рамках VIII Конвента РАМИ состоялось заседание двух секций, связанных тематически и проходивших друг за другом: «Украинский кризис: национальное и внешнеполитическое измерения» (модератор — Г. М. Лесная, профессор МГИМО-Университета, президент Российской ассоциации украинистов) и «Постсоветское пространство после украинского кризиса: новые контуры и новое качество?» (модератор — А. В. Мальгин, проректор МГИМО-Университета, исполнительный директор РАМИ).

Хотя обе секции по своему содержанию были связаны с основной темой Конвента («Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления»), следует отметить актуальность поставленной проблемы именно в отношении данного региона. В связи с событиями в Украине конца 2013 г. и в 2014 г. перед докладчиками стояла сложная задача: проанализировать процессы, находящиеся в развитии и далекие от своего завершения. Поэтому научные исследования, предлагаемые вниманию читателей в данном издании, перед публикацией были некоторыми авторами частично изменены или уточнены.

Кроме специалистов из МГИМО, в работе заседаний приняли участие преподаватели и научные сотрудники из других крупных университетских и научных центров России: Санкт-Петербургского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Института экономики РАН.

Примечателен и тот факт, что вместе с профессиональными специалистами в области международных отношений в работе секций участвовали начинающие исследователи, а также магистранты совместной российско-украинской магистратуры МГИМО-Университета и Института международных отношений Киевского университета им. Т. Шевченко под названием «Восточноевропейские исследования». Один из магистрантов этого первого в истории двух университетов выпуска — Иван Лошкарёв — выступил на заседании с интересным и зрелым докладом.

Актуальность и значимость происходящих событий привлекла внимание к работе обеих секций широкого круга слушателей, приняв-

ших участие в заинтересованной дискуссии. Рабочему диалогу способствовали уточняющие вопросы и критические замечания в адрес некоторых докладчиков, которые, однако, не нарушили атмосферу взаимопонимания и желание искать ответы на поставленные вопросы.

Предлагая вниманию читателей издание материалов выступлений на двух секциях, мы надеемся, что они будут интересны не только специалистам, но и начинающим исследователям, поскольку в публикации представлены разные точки зрения на актуальные проблемы современных международных отношений.

*Г. М. Лесная,
В. В. Воротников*

**ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА:
НОВЫЕ КОНТУРЫ И НОВОЕ КАЧЕСТВО?**

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ЕВРОПЕЙСКОЕ И ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

После распада СССР в политических, социально-экономических и культурно-духовных сферах стран Южного Кавказа начался процесс системных изменений. Реформа политической системы СССР в конце 80-ых годов под лозунгами «перестройка», «гласность» и «новое мышление» привели к обострению межнациональных отношений и конфликтогенных ситуаций. Легитимизация новых цивилиархических движений, административные меры реформирования политической системы СССР и попытки становления демократического социализма в советском многонациональном обществе, привели к распаду СССР и к возникновению новых независимых государств. В то время как с 90-ых годов на посткоммунистическом пространстве разгорались конфликтогенные процессы становления национально-государственных институтов, у стран Западной Европы и евроатлантических организаций уже существовали разработанные стратегические механизмы партнерства и интеграции. До сих пор между государствами бывшего Советского Союза доминантными являются накопившиеся противоречия в политических, социально-экономических и духовно-культурных вопросах.

В дальнейшем институциональное развитие ЕС подняло на новый уровень западноевропейские и евроатлантические интеграционные процессы и механизмы гегемонии. ЕС стал своеобразным ключевым центром интеграции не только для Западной Европы, но и для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза, делая более эффективным интеграционные процессы наций-государств. Новая геополитическая ситуация и глобальная система управления на Южном Кавказе активно трансформировались в плоскость воплощения линий сближения и/или разграничения евразийских и европейских интеграционных процессов, где для Армении, в отличие от Грузии и Азербайджана, всегда ключевое значение имело отношение с Россией, а теперь и предстоящее членство в Таможенный союз.

После приобретения независимости Южный Кавказ, как показывает процесс становления государственности и национальной идентификации, стал социально-экономически и политически нестабильным. Главной причиной конфликтогенности и региональной дестабилизации стали вооруженные конфликты: карабахско-азербайджанский, армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский, а также внутригрузинская и внутриазербайджанская гражданские войны. Как отмечает С. Маркедонов: «Именно Кавказ стал своеобразным «поставщиком» непризнанных государственных образований на постсоветском пространстве»¹.

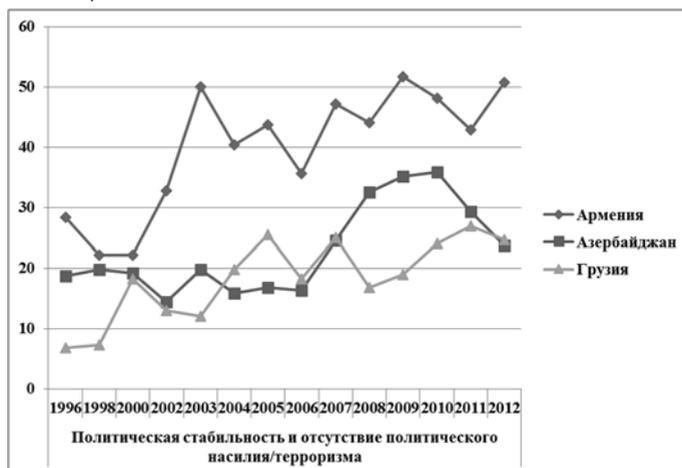
Согласно С. Маркедонову: «Армянская элита была единственной из всех республиканских элит Советского Союза, которая пошла по пути выхода из СССР на основе советского же законодательства», а «Грузия, и Азербайджан перечеркивали всю правовую базу советского периода, регулирующую, в том числе, и проблемы территориального устройства»².

Проводя параллели между социально-политическими процессами унитаризации и этноцентризма в Грузии и Азербайджане в начале 1990-х гг. и в современной Украине, сходство становится очевидным. Если в начале 1990-х гг., Грузия и Азербайджан, «сделав ставку на унитаризм и этноцентризм, спровоцировали как новую этническую конфликтность, так и уход в самостоятельное плавание Абхазии, Южной Осетии и Карабаха»³, то аналогичную ситуацию можно наблюдать сегодня на Украине по отношению всего русскоязычного населения и к Юго-Востоку.

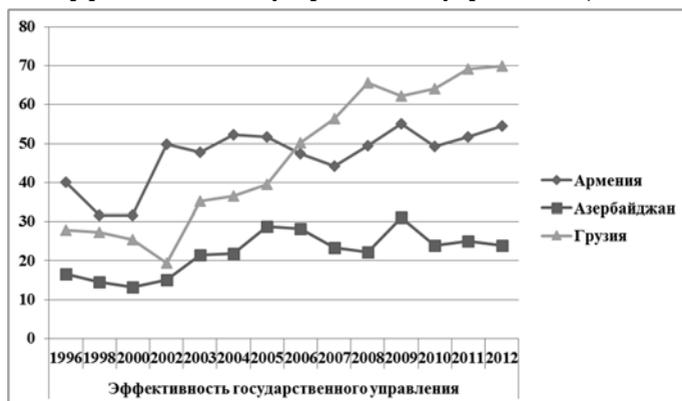
Реформы в области государственного управления стран Южного Кавказа показывают, что демократизация политической системы позитивно влияет на социально-политическую стабильность и эффективность государственного управления, однако для становления социального государства и гражданского общества необходимо последовательное продолжение внедрения цивилиархических⁴ механизмов. Согласно данным проекта «Всемирный показатель государственного управления» (the Worldwide Governance Indicators (WGI)) с 1996 по 2012 г. среди стран Южного Кавказа по индикатору «Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма» лидером является Армения (рис. 1), а по индикатору «Эффективность государственного управления» с 2006 по 2012 г. — Грузия (рис. 2). Несмотря на достигнутые успехи в процессе становления государственности

и в системе государственного управления за относительно короткий период, тем не менее, качество государственного управления имеет ключевое значение для долгосрочного повышения эффективности, социального капитала и устойчивого развития, подотчетности и верховенства закона.

Рисунок 1. Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма (1996–2012 гг.)⁵

Рисунок 2. Эффективность государственного управления (1996–2012 гг.)

Сравнительный анализ социально-политических факторов стран Южного Кавказа в рамках проекта «Политический атлас современности» на основе пяти индексов (*индекс государственности, индекс внешних и внутренних угроз, индекс потенциала международного влияния, индекс качества жизни, индекс институциональных основ демократии*) показал разнообразные стороны и способы функционирования политических систем (таблица 1). По данным этого исследования, очевидно, что в странах Южного Кавказа до сих пор существует «хрупкая» социально-политическая стабильность и большая вероятность обострения угроз. Если в рейтинге 192 стран по индексу «*государственности*» Азербайджан занимает 141-е место, Армения — 177-е, а Грузия — 183-е, то по индексу «*внешних и внутренних угроз*» Азербайджан занимает 24-е место, Грузия — 38-е, а Армения — 120-е (таблица 1).

Таблица 1. Рейтинг: Азербайджан, Армения, Грузия⁶

Страна	Индекс государственности		Индекс внешних и внутренних угроз		Индекс потенциала международного влияния		Индекс качества жизни		Индекс институциональных основ демократии	
	место	балл	место	балл	место	балл	место	балл	место	балл
Азербайджан	141	3,21	24	6,85	83	0,11	122	1,71	135	3,46
Армения	177	1,85	120	2,97	108	0,06	104	2,13	67	5,86
Грузия	183	1,37	38	6,32	110	0,05	114	1,91	160	1,79

Источник: <http://worldpolities.org>

На первоначальном этапе становления государственности интеграционные векторы стран Южного Кавказа были ориентированы на Россию и бывшие страны СССР, а затем на США и Западноевропейские страны. Исходя из реалий современной геополитической ситуации, страны Южного Кавказа постепенно начали развивать отношения и сотрудничество в рамках ООН, ОБСЕ, Совета Европы, НАТО, ОЧЭС, Европейским Союзом. Расширение НАТО на восток, региональная активизация Турции и стремление Грузии и Азербайджана сблизиться с Североатлантическим альянсом выдвинули новые геополитические риски и стратегические проблемы для стран Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В этом контексте необходимо различать следующие модели интеграции: *внутригосударственная интеграция, региональная интеграция, геополитическая интеграция*.

литическая интеграция, европейская интеграция и евразийская интеграция. Если учитывать тот факт, что в политической, социально-экономической и духовно-культурной измерениях все интеграционные модели имеют специфические направления, то становится ясно насколько уникальным может быть сочетание особенностей разнообразных моделей интеграции.

С точки зрения эффективности межинтеграционных связей и отношений, следует констатировать, что для сохранения внутривнутригосударственной стабильности и регионального мира на Южном Кавказе, необходимо формировать такие механизмы интеграционной модели, на основе которых станет возможно взаимодополнение многовекторных интеграционных процессов. Интеграционная взаимодополнительность на Южном Кавказе до сих пор является основным вызовом для национальных интересов, национальной безопасности, социально-экономического благосостояния и сотрудничества, духовно-культурного развития и диалога.

Ситуация, где углубляются межинтеграционные процессы, приводит к расширению межинтеграционных связей и укреплению межинтеграционных контактов, а также и к обострению межинтеграционных конфликтов. Существует определенная закономерность межинтеграционных конфликтов согласно которому: «насколько повышается степень сближения стран Южного Кавказа с той или иной интеграционной моделью, настолько повышается уровень и масштабы интеграционных конфликтов».

Разрешение интеграционных конфликтов на Южном Кавказе возможно, только в случае реализации интеграционного потенциала. А это означает, что на постсоветском пространстве необходима конструктивная реинтеграция, на основе которого региональные, европейские и глобальные интеграционные процессы станут эффективными. Гармонизация межинтеграционных отношений главная гарантия внутривнутригосударственной стабильности и устойчивого регионального развития.

Современные интеграционные взаимодействия на Южном Кавказе, под воздействием внешнеполитических интеграционных акторов и стратегий, сформировали огромную межинтеграционную зону, которая характеризуется особыми условиями и требованиями к межинтеграционному многоуровневому иерархическому процессу. Основная проблема межинтеграционных конфликтов заключается в том, что разногласия и конфликты не являются механизмами компенсации между различными интеграционными моделями, а приводят к дезинтеграции и дистанцирования.

Первое заседание Европейского Союза с главами государств Армении, Азербайджана и Грузии состоялось в Люксембурге 22 апреля 1996 г., где было подписано *Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (РСА)* между Европейским сообществом, государствами-членами ЕС и странами Южного Кавказа⁷. Реализация этих соглашений на Южном Кавказе должны были укрепить основы демократических институтов и развить социально-экономическую инфраструктуру путем политического диалога и сотрудничества. В 22 июне 1999 г. в Люксембурге между ЕС и странами Южного Кавказа была подписана *Совместная декларация*, основной целью которого было продолжение демократических реформ во всех сферах общественной жизни, а также поддержание мирного процесса на Южном Кавказе⁸.

Новым европейским интегратором реализации всех ранее подписанных договоров и декларации с ЕС, а также началом гармонизации с европейскими стандартами и норм на Южном Кавказе в 2004 г. стала Европейская политика соседства (ЕПС). Именно ЕПС должна была обеспечить будущее расширение ЕС и сближение с 16 ближайшими соседями с целью укрепления социального развития, политической стабильности и региональной безопасности на основе демократических ценностей, верховенства закона и механизмов защиты прав и свобод человека. В 2003 году в сообщении Европейской Комиссии для Европейского Совета и Европейского Парламента под названием «*Расширенная Европа — соседство: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями*» отмечалось, что ЕС будет содействовать региональному и внутрирегиональному сотрудничеству, чтобы объединить партнеров, снизить уровень бедности и способствовать социальному процветанию, создать зону экономической интеграции, активизировать политические и культурные отношения, укрепляя трансграничное сотрудничество и предлагая механизмы совместной ответственности за предотвращение конфликтов⁹. Динамика расширения Евросоюза и институциональной интеграция стран Южного Кавказа предполагает выполнение всех обязательств, которые в краткосрочной и долгосрочной перспективе будут обеспечивать ступенчатую и постепенную интеграцию в европейское сообщество. Диалектика европейской интеграции и расширения устанавливает более тесные взаимоотношения с каждой из стран-партнеров, а также повышает уровень политического доверия в многостороннем измерении, учитывая дифференцированность политических элит и институтов гражданского об-

щества. В частности, особое внимание уделяется и участию институтов гражданского общества в процессе принятия политических решений. Доклады по странам (Country Reports) и Планы Действий (Action Plans) способствовали усилению роли гражданского общества и укреплению гражданского контроля стран Южного Кавказа¹⁰.

На качественно новый уровень взаимоотношений подняла Программа Восточного партнерства¹¹ ЕС, которое было направлено на сближение с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

В 2007 г. создание Инструмента европейского соседства и партнерства (the European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI)¹²) стало реальной возможностью для стран-партнеров развивать институциональный и интеграционный потенциал. Для обеспечения многосторонности межинтеграционных процессов Европейская Комиссия в рамках Восточного партнерства инициировала создание Форума гражданского общества¹³ и поддержки цивилиархического диалога с органами государственной власти и местного самоуправления.

Сравнительный анализ индекса европейской интеграции стран Восточного партнерства впервые был опубликован в 2011 году (таблица 2). По этим данным, среди стран Южного Кавказа лидирует и активно поддерживает инициативы ЕС Грузия, тем самым стремясь к социально-политическому и экономическому сближению и углублению отношений с Европейским сообществом.

Таблица 2. Индекс европейской интеграции 2011–2013 гг. стран Восточного партнерства¹⁴

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>Измерение “связь”</i>	<i>Измерение “аппроксимация”</i>	<i>Измерение “управление”</i>
Грузия	2013	0.57	0.63	0.58
	2012	0.51	0.60	0.51
	2011	0.53	0.63	0.92
Армения	2013	0.49	0.59	0.51
	2012	0.41	0.59	0.31
	2011	0.42	0.57	0.32
Азербайджан	2013	0.41	0.42	0.33
	2012	0.36	0.44	0.31
	2011	0.32	0.49	0.28

Источник: <http://www.eap-index.eu>

Фактически, с одной стороны европейская интеграция приводит к стратегическому расширению, развитию демократии и рыночных отношений, а с другой стороны, интеграционное расширение ЕС ведет к социально-политическим, экономическим и духовно-культурным проблемам. Диалектика расширения и интеграции, а также динамика расширения и дезинтеграции показывает, что существуют огромный межинтеграционный потенциал и ресурсы. «Европейская интеграционная эволюция» и активизации межинтеграционных процессов на постсоветском пространстве привели к «Евразийской интеграционной революции»¹⁵.

Современные региональные политические, социально-экономические и духовно-культурные процессы на Южном Кавказе приобретают глобальный характер, где даже изоляция является способом функционирования межинтеграцией включенности.

Глобальное общество — это общество знаний и открытое общество, основанное на институтах полиархических и демократических взаимодействий. Современные условия противостояния глобальных акторов на Южном Кавказе, является своеобразным с точки зрения стратегических планов и амбиций глобальных акторов. Первый этап регионального противостояния интеграционных процессов осуществляется в формате «самоизоляции» как со стороны Западноевропейских стран, так со стороны России.

В условиях общества знания региональные процессы имеют характер глобального превосходства, гегемонии и господства, где главным критерием является социальный капитал. В эпоху общества знаний интеграционная конфликтогенность на Южном Кавказе показывает, что среди глобальных акторов нет никаких предпосылок для пассивного сопротивления, как подразумевает логика холодной войны индустриального общества в формате «железной занавеси», а наоборот открытая и динамичная конкуренция во всех сферах постиндустриального общества, непрерывные процедуры и механизмы «теплой войны» и конфликтогенного партнерства.

¹ Маркедонов С. М. Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация [Электронный ресурс] // Прогнозис. — 2007. — № 1 (9). — С. 332–348. — Режим доступа: <http://intelros.ru/pdf/Prognosis/01/Markedonov.pdf>

² Маркедонов С. М. Непризнанные государства Кавказа: истоки проблемы [Электронный ресурс] // Агентство Политических Новостей (2005–09–16). — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print1564.htm>

- ³ Маркедонов С. М. Непризнанные государства Кавказа: истоки проблемы [Электронный ресурс] // Агентство Политических Новостей (2005–09–16). — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print1564.htm>
- ⁴ Алексанян А. С. Цивилиархические основы демократизации политического режима в Армении // Центральная Азия и Кавказ. — Журнал социально-политических исследований. — Том 14. — Вып. 3. — 2011. — С. 132–145; Алексанян А. С. Гражданское общество: цивилицентризм и цивилитет // Политическая наука и политические процессы в РФ и Новых Независимых Государствах. — Екатеринбург: УРО РАН, 2006. — С. 5–11.
- ⁵ The Worldwide Governance Indicators (WGI) project [Электронный ресурс] // <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>
- ⁶ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. — 272 с.
- ⁷ Partnership and Cooperation Agreements (PCAs): Russia, Eastern Europe, the Southern Caucasus and Central Asia [Электронный ресурс] // http://europa.eu/legislation_summaries/external_relations/relations_with_third_countries/eastern_europe_and_central_asia/r17002_en.htm
- ⁸ Joint Declaration of the European Union and the Republics of Armenia, Azerbaijan and Georgia, 22 June 1999, Luxembourg [Электронный ресурс] // http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-99-202_en.htm?locale=en
- ⁹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament “Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours”, COM(2003) 104 final, Brussels, 11.3.2003 [Электронный ресурс] // http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf
- ¹⁰ EU-Armenia relations [Электронный ресурс] // http://eeas.europa.eu/armenia/index_en.htm; EU-Azerbaijan relations [Электронный ресурс] // http://eeas.europa.eu/azerbaijan/index_en.htm; EU-Georgia relations [Электронный ресурс] // http://eeas.europa.eu/georgia/index_en.htm
- ¹¹ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Суммит, 7 May 2009, Prague [Электронный ресурс] // http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/10758.pdf
- ¹² Восточное партнерство: Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета, COM (2008) 823 final, Брюссель, 3.12.08 [Электронный ресурс] // http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf
- ¹³ Форума гражданского общества Восточного партнерства [Электронный ресурс] // <http://www.eap-csf.eu/ru/home/>

¹⁴ European Integration Index 2013 for Eastern Partnership Countries. International Renaissance Foundation in cooperation with the Open Society Foundations and Eastern Partnership Civil Society Forum [Электронный ресурс] // http://www.eap-index.eu/images/Index_2013.pdf; European Integration Index 2012 for Eastern Partnership Countries. International Renaissance Foundation in cooperation with the Open Society Foundations [Электронный ресурс] // <http://www.eap-index.eu/sites/default/files/EaP%20Index%20%202012.pdf>; European Integration Index 2011 for Eastern Partnership Countries. International Renaissance Foundation in cooperation with the Open Society Foundations [Электронный ресурс] // <http://www.eap-index.eu/sites/default/files/EaP%20Index%202011.pdf>

¹⁵ Новая Большая Страна. Евразийский Союз — единая цивилизация, много государств. Проектно—аналитический доклад. Руководитель разработки — Ю. В. Крупнов: — Душанбе — Москва, 2012.

СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ И ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Оба указанных в названии статьи судьбоносных процесса взаимосвязаны, и результаты первого не могут не сказаться как положительно, так и отрицательно, на темпах и возможностях реализации второго и всех других интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

То, что происходит сейчас на Украине — это геополитический вызов, приближающийся по своим последствиям к развалу СССР в 1991 г. Современная Украина как государство и ее географическое пространство прошли сложный путь в своем развитии. Сначала «гуляй-поле» превратилось в Новороссию в составе России, которая преобразовалась в советскую республику с добавлением Донбасса для увеличения ее рабочего класса. Перед Отечественной войной в состав Украины вошли части Австро-Венгрии и Польши с преимущественно украинским населением, а после войны Н. Хрущев подарил ей Крым, о судьбе которого и других спорных территориях Украины Б. Ельцин в глуши Беловежья, решая судьбу СССР, не пожелал вспомнить, торопясь на трон в Кремле. Все это и многое другое не позволило новой Украине создать устойчивое целостное государство, которое характеризовалось перманентным кризисом — экономическим и политическим, и пережило два Майдана: первый относительно мирный, и нынешний, разбойно-кровавый. В результате последнего реальную власть в стране захватил антироссийский, ультранационалистский Майдан, который и определил конфигурацию временной нелегитимной власти, спешно признанной Западом в нарушение им же подписанного соглашения с В. Януковичем — последним конституционно признанным президентом Украины, отстраненным от власти тем же Майданом.

Если поначалу США возложили урегулирование украинской проблемы на Евросоюз, то затем, с учетом значимости нового геополитического противоборства, они взяли его в свои руки, руководствуясь убеждением своего советника З. Бжезинского, что особое внимание США и Запада должно быть уделено исключению любого союза России с Украиной, без которого Россия не сможет возродиться как великая

держава равно как восстановить Советский Союз под новым именем Евразийского Союза.

Дальнейшее обострение ситуации на Украине и угроза русскоязычному населению Крыма и российской военно-морской базе в Севастополе заставили президента В. Путина с учетом результатов крымского референдума без кровопролития обеспечить воссоединение полуострова Крым с Россией, что, в свою очередь, активизировало противодействие произошедшему на Украине антиконституционному перевороту в ряде областей русскоязычного индустриального юго-востока страны, где было заявлено о формировании независимой Новороссии. Все это делает обострившийся украинский кризис далеким от завершения. В сложившейся ситуации в центре постсоветского пространства России необходимо быть готовой к защите своих национальных интересов в новой геополитической битве при любом развороте событий.

Параллельное становление и развитие евразийской интеграции на постсоветском пространстве выдвинулось на авансцену российской внешней политики как важнейший путь преодоления разрушительных последствий развала СССР, ставшего крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Ликвидация СССР и всего Восточного блока, переключив географическую карту Евразии и всего мира и изменив соотношение мировых сил, отбросила нашу страну, лишив ее общепризнанного статуса сверхдержавы, на северо-восток континента, далеко от исторических границ России, существенно урезав экономический и демографический потенциал страны и ограничив ее прямые выходы на мировые рынки.

Прекращение в Беловежье руководителями РСФСР, Украины и Белоруссии действия союзного договора сопровождалось заменой его Содружеством независимых государств — СНГ, призванным создать предпосылки для сохранения и развития торгово-экономических связей между вновь созданными государствами на демократической и рыночной основе, облегчив мирный раздел между ними огромного потенциала СССР. Если последнее сравнительно быстро и легко реализовалось, то первое практически буксовало на протяжении всего последовавшего за развалом двадцатилетия.

Одновременно на постсоветском пространстве появились и окрепли такие сильные игроки, как США, ЕС, Китай, Турция, Иран, создавая реальную альтернативу интеграционным инициативам СНГ. Более того, США и их союзники по сути исходят из стремления любыми сред-

ствами воспрепятствовать объединительным тенденциям в Содружестве и прежде всего восстановлению единства какого-либо из его новых государств с Россией, а тем более образованию в любой конфигурации нового реального союза. Для этого используются существующие и раздуваемые извне противоречия между странами СНГ, их сепаратистские и националистические устремления, религиозные особенности, бывшие предубеждения и обиды как на рухнувший Союз, так и на его преемника в лице новой России.

Всему этому способствовало то, что до недавнего времени Запад, включая ЕС, экономически успешно развивался, используя процесс глобализации и неолиберальные теории экономического развития, в то время как Россия, а также другие страны СНГ лишь с трудом преодолевали трудности социально-экономического развития переходного периода. Однако наступивший в 2007 году инициированный США глобальный финансово-экономический кризис, большее всего ударивший по России и большинству других стран СНГ, вместе с кардинальной трансформацией в расстановке мировых сил между Западом и Востоком и всего геополитического положения в мире за последние годы, продолжающиеся до настоящего времени, не могли не изменить как отношения стран СНГ к развитию и углублению взаимного сотрудничества, так и посулам Запада, включая переживающий глубокую рецессию Евросоюз.

Результатом этих процессов явились новые интеграционные планы и мероприятия в рамках СНГ. После образования Таможенного союза (ТС) в декабре 2010 г. на саммите ЕврАзЭС в Москве были достигнуты договоренности о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на базе единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России, дооформленные договором, заключенным ими 29 мая 2014 г. в Астане, который начнет действовать с 1 января 2015 г. К нему предусматривается подключение Киргизии и Армении. Параллельно было задействовано ранее выработанное соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) СНГ, к которому проявлен интерес и не входящими в него странами.

Как в нашей стране, так и за ее пределами идея создания евразийского союза стала предметом широкого обсуждения. При этом о ней высказываются разные мнения от полной поддержки до отрицания как попытки воссоздания нового СССР, чем обеспокоен прежде всего Запад, а также определенные круги на постсоветском пространстве,

представляющие его новую элиту. Если для последней на первом месте стоит сохранение суверенитета от посягательств «коварной» России, то для Запада важно сохранение ее в качестве ослабленного и зависящего от него резерва природных ресурсов без допуска овладения ими быстрорастущим Китаем. Так, США, как ведущая мировая держава, непосредственно не затрагиваемая указанным процессом, на государственном уровне ограничились резким высказыванием Госсекретаря Х. Клинтон, заявившей о том, что американские власти намерены помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции¹.

Что касается Западной Европы и Евросоюза, то их отношение к интеграционным процессам на Востоке континента как близки, так и в отдельных чертах отличны от американского, поскольку они географически ближе друг к другу и их торгово-экономические взаимосвязи многократно превосходят американские по объему и тенденциям развития, хотя и в ней обеспокоенность интеграционными процессами на Востоке сильнее в странах ближнего зарубежья и бывших сателлитах СССР нежели в остальной Европе.

По-другому складываются перспективы наших интеграционных планов в Азии и прежде всего в юго-восточной ее части. Там сложные отношения у России существуют только с Японией, третьей мировой державой, с которой неурегулированность судьбы Курильских островов все еще препятствует как вступлению в силу мирного договора, так и использованию огромных возможностей развития торгово-экономических отношений с этой страной. Остальные же государства, включая огромные Китай и Индию, а также Вьетнам, Южную Корею и др., являются нашими важными партнерами, заинтересованными в широком использовании новых возможностей, связанных с реализацией планов евразийской интеграции.

Страны СНГ также имеют неодинаковые подходы как к участию в реализуемых и планируемых интеграционных проектах, так и к конкретной структуре и этапам их реализации. На прошедших международных экономических форумах и обсуждениях были выявлены разные приоритеты в реализуемых интеграционных проектах. Так, для Белоруссии приоритетной представляется инновационная сфера, для Казахстана — инфраструктурные проекты. Президент Казахстана Н. Назарбаев, высказывавшийся за развитие евразийской интеграции еще в середине 90-х годов, ставит под сомнение необходимость по-

литической интеграции в рамках Евразийского союза, тем более как платформы для России в качестве лидера и представителя интересов остальных стран-членов. Это поддерживает и Президент Белоруссии А. Лукашенко, предложивший в целом ограничиться созданием единого экономического пространства.

Для успеха евразийской интеграции важно участие в ней Украины, учитывая ее экономический и политический потенциал, исторические связи и местоположение в Европе. Не имея конституционных прав на вступление в ТС, Украина добилась получения статуса наблюдателя, позволяющего участвовать в отдельных выгодных ей мероприятиях, вытекающих из членства, одновременно не отказываясь от продолжения переговоров о заключении соглашения с ЕС об ассоциации с созданием при этом с ним зоны свободной торговли.

Как известно, на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» 28–29 ноября 2013 г., где планировалось подписание соглашения об ассоциации с Украиной, включая создание углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, и парафирование подобных договоренностей с Молдовой и Грузией (такое парафирование состоялось), президент Украины В. Янукович отказался от подписания согласованного до того соглашения, будучи неудовлетворенным связанными с этим жесткими условиями ЕС, чем вызвал неудовольствие участников саммита и, одновременно, спровоцировал массовые демонстрации в Киеве и ряде других городов. Участники так называемого Евромайдана потребовали отставки не только правительства, но и самого президента, проведения досрочных выборов в думу, а также привлечения к ответственности всех тех, кто противостоял участникам Евромайдана, что разделило многомиллионное население страны практически надвое — между «Востоком» и «Западом». В то же время делегация Украины во главе с президентом В. Януковичем посетила Москву, где получила согласие на остро необходимую стоящей на пороге дефолта стране помощь на общую сумму 17,5 млрд долл., из которых успела получить 3 млрд долл., а также заверения в готовности развивать взаимовыгодную кооперацию в области судостроения, самолетостроения, ракетно-космической промышленности и других отраслях.

Параллельное обострение ситуации в Киеве и ряде областей, приобретая все более зловещий характер и грозя развалом страны и всего правопорядка в ней, вынудило В. Януковича пойти на удовлетворение ряда требований официальной оппозиции (отставка премьер-мини-

стра, смягчение антикризисных мер, амнистия протестующих и др.), что, однако, не удовлетворило лидеров оппозиции и «самостийного» неонацистского Майдана, заявивших о готовности продолжать борьбу до полной победы. Проведенные затем выборы нового президента Украины обеспечили при всей их сомнительной легитимности победу очередному олигарху П. Порошенко, который вместо обещанных мира и согласия в стране немедленно преступил к военному подавлению юго-восточных «сепаратистов» и подключению к западным структурам, что не могло не усилить развал страны. Все это делает затруднительным определение итогов расширяющегося противоборства в стране.

Тем не менее, чем бы ни завершились перерастающие в гражданскую войну беспорядки и хаос в стране равно как неизбежные переговоры Украины с Россией, ЕС и США при нынешней или новой правящей конфигурации с учетом того, что Украина уже ранее подписала и ратифицировала соглашение о свободе торговли со странами СНГ, а развитие торгово-экономических отношений с Россией для обеих сторон представляется объективной необходимостью, видимо придется идти на устраивающий всех участников компромисс, исключая неприемлемый в сложившейся ситуации принцип «все или ничего».

Сегодня для большинства стран содружества характерно понимание того, что будущее для них складывается в рамках интеграционных образований. ЕС, предлагающий им в рамках «Восточного партнерства» заключить соглашения об ассоциации и зонах свободной торговли, и то при выполнении условий о демократизации своих режимов и неподключения к возглавляемым Москвой новым интеграционным проектам, едва ли готов предложить большее и продолжить в ближайшем будущем свой «победный марш» на Восток.

Оба действующих в рамках СНГ взаимодополняющих института — ТС и ЗСТ — создают реальные предпосылки для роста, хотя и в разной степени, взаимного товарооборота между их участниками, расширяя тем самым масштаб их рынка, что выгодно всем им и особенно меньшим из них по потенциалу. Тем самым полнее используются конкурентные преимущества каждого участника, расширяя перспективы взаимовыгодного кооперирования, обмена инвестициями и технологиями как друг с другом, так и с третьими странами. Все это в итоге создает предпосылки для реализации остро необходимой им всем комплексной модернизации. Задача и долг России как наиболее продвинутого по масштабам и возможностям члена Содружества — сделать всю

эту работу системной, эффективной и синхронизированной по целям и механизмам.

Выполнение названных задач и планов в решающей степени зависит от внутренних и внешних предпосылок и факторов, определяющих развитие России и Содружества, как самостоятельного геополитического образования.

Что касается России, то 2013 г. она завершила при экономическом росте, сократившемся до 1,3%, а в текущем году прогнозируется его дальнейшее падение, ставя страну на порог рецессии. Немногим лучше экономические показатели Белоруссии и Казахстана при том, что союз трех повысит российский ВВП лишь на 14,8%, причем все потенциальные участники являются нетто-импортерами промышленных товаров и экспортерами преимущественно сырьевых ресурсов. Все это усугубляется усложнением внешних условий экономического развития, включая примененные к России Западом экономические санкции в связи с украинскими событиями.

Все это свидетельствует о том, что для реализации масштабных интеграционных планов у существующих и предполагаемых участников этого процесса может оказаться недостаточно имеющихся материальных и финансовых возможностей, а невыполнение этих планов негативно скажется на международном и региональном авторитете всего процесса евразийского интеграционного развития и России как его инициатора и проводника.

С учетом происходящей в мире глобализации и участия в этом процессе практически всех стран СНГ выход видится в сохранении режима открытой регионализации для всех создаваемых интеграционных структур с активным привлечением недостающих ресурсов, преимущественно инвестиционных, не входящих в постсоветское пространство государств Востока и Запада. При этом имеется в виду прежде всего использование фактора нахождения этих структур в центре Евразии на кратчайших путях между Атлантикой и Тихим океаном, то есть за счет фактического формирования широкой евразийской интеграции, охватывающей все евразийское пространство от Лиссабона до Владивостока. Благо об этом уже велись переговоры с ЕЭС, а в их успешном завершении заинтересованы все страны и интеграционные структуры запада и востока Евразии, способствуя развитию широкой и взаимовыгодной трансконтинентальной кооперации с привлечением средств и конкурентных преимуществ всех возможных участников.

Успешная реализация заявленных интеграционных планов особой геополитической важности для России представляется возможной лишь при умелом, последовательном и комплексном (синергетическом) использовании всех взаимосвязанных предпосылок и факторов. При этом речь не идет о реставрации разрушенного СССР как единой страны и тем более сверхдержавы², о чем проявляют беспокойство определенные круги в ближнем и дальнем зарубежье, поскольку в обозримой перспективе предполагается прежде всего восстановление на новой демократической и деловой основе той социально-экономической общности родственных и исторически связанных народов СНГ, которая всем им объективно необходима перед лицом новых вызовов нашего беспокойного и меняющегося мира.

¹ США могут пересмотреть доктрину «перезагрузки». Vedomosti.ru. 2012. 7 дек. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/6928281/ssha_ne_dopustyat_vossozdaniya_ssr_pod_vidom_ekonomicheskikh (дата обращения: 05.01.2014).

² Создание ЕЭП и ЕАЭС предполагает, прежде всего, экономическое сближение стран СНГ и едва ли способно превратить Россию в новую сверхдержаву в обозримом будущем (она, по нашему мнению, смогла в своей истории ею стать дважды: от победы в Отечественной войне 1812 г. и до поражения в Крымской войне в 1856 г., от победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. и до развала СССР в 1991 г.).

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС:
НАЦИОНАЛЬНОЕ
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЯ**

УКРАИНА И ТРЕНДЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ XXI ВЕКА

Политическое развитие мира не является чем-то особенным, оно, как и любое другое развитие, проходит разные стадии эволюции, когда новые структуры и институты выстраиваются постепенно, или, соответственно — революционные фазы быстрых и качественных смен одних структур и институтов на другие. По всей видимости, именно такую революционную смену элементов политической системы мира мы наблюдаем сегодня на примере Украины. Для таких периодов характерны процессы, связанные с хаотизацией, плохой предсказуемостью политического и институционального развития стран. Но в то же время, кризис одновременно предоставляет также шансы и на достижение качественного улучшения (с помощью активных поисков выхода).

В стадии эволюционного развития преобладают процессы, связанные с упорядочиванием структур, а в революционной стадии, напротив — процессы хаотизации, характеризующиеся распадом существующих структур. Эта стадия заканчивается формированием новых структур и новым этапом эволюционного развития.

Следовательно, оба тренда развития — *упорядочивание и хаотизация* — на протяжении всей истории идут вместе, но в тот или иной исторический период один из двух трендов преобладает, при этом не являясь единственным. Преобладание одного тренда над другим носит относительно долгосрочный характер в мирополитическом развитии. Эти тренды проявляются во всех сферах мировой политики и дипломатии: военно-политической, экономической и социально-гуманитарной.

В XXI веке интеграция — это один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. С одной стороны, этот тренд связан с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с другой — этот тренд связан с добровольным самоограничением свободы действий государств государством преференциального сотрудничества.

На сегодня интеграция Украины в Европейский Союз — главный внешнеполитический приоритет. Она происходит на основе общих ценностей и прагматического подхода. Украина сделала свой геополитический выбор, подписав в Брюсселе политическую часть Соглашения об Ассоциации с Европейским Союзом. И как следствие — Украина оказалась в центре мирового геополитического пространства. Кризисная ситуация в Украине, в случае если она не будет разрешена, может иметь значительные последствия для всего мира.

2013 г. был чрезвычайно насыщенным и сложным для Украины. Он войдёт в историю дипломатии, внешней политики и экономики, поскольку принес немало новых институциональных явлений и институций. В первую очередь это наиболее массовые выступления народа, а также новый способ ведения переговоров и внешней политики. Этот год показал, что Украина не является легко прогнозируемым государством.

2014 г. является годом дальнейшего форматирования геополитических отношений в мире, и это касается не только Украины, но и других игроков на мировой политической арене. 2014 г. станет временем поиска Украиной своего места в геополитическом мировом пространстве. Не просто места, а нового места в силовом четырёхугольнике ЕС — США — Россия — Китай. Мы сможем наблюдать новые геополитические конструкции, в которые институционализируется и Украина. Поэтому сейчас можно сказать одно: в 2014 г. появятся совершенно неожиданные комбинации и институциональные модели внешней политики.

Мировое сообщество и главы внешнеполитических ведомств договорились продолжить дипломатические дебаты и поиск «точек соприкосновения» по вопросу Украины. Это значит, что украинский вопрос на сегодня остается открытым, и впереди длительный переговорный процесс.

Высокая изменчивость глобальных условий и взаимозависимость государств постсоветского пространства требует повышенного внимания к исследованию, анализу и совместному решению возникающих проблем на современном этапе развития такой институции как СНГ.

Содружество Независимых Государств (СНГ) было основано на волне глобальных геополитических перемен в декабре 1991 г. главами трёх государств — РСФСР, Украины и Белоруссии — как международный институт. СНГ — это региональная международная организация.

СНГ прошло нелегкий путь становления, развития и совершенствования, с целью поиска оптимальной модели и форм межгосударственного и институционального сотрудничества, адаптации его институтов и механизмов к современным реалиям.

Глобальный проект демократизации, осуществляемый во всех странах постсоветского пространства, имеет свои закономерности и свои чётко выраженные национальные черты. Однако, модели и схемы, столетиями отработанные на Западе, не вписываются в парадигму постсоветского существования, они имеют достаточно хорошо отработанные технологии, в том числе и пусковые механизмы, которые и реализуются в виде социально-политических кризисов. Выходом для государств, которые не желают срыва политической системы в хаос, является институционализация партийно-политических структур, поиск оснований стабильности новых государственных образований¹.

Дилеммы внешней политики и дипломатии Украины, а также реакция на эту политику внешних факторов и международных институций остаются на сегодня весьма острыми и открытыми. Смена украинских политических правящих элит, обострение отношений с Россией вследствие крымского кризиса, актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Украины.

Компаративный анализ заявлений и действий высокопоставленных украинских чиновников в первой половине 2014 года показывает отказ во внешней политике от многовекторности и резкое усиление евроинтеграционного и евроатлантического внешнеполитического крена. Вместе с тем целый ряд обстоятельств, касающихся характера, масштабов, долгосрочности текущего внешнеполитического тренда, а также масштабов его поддержки в украинском обществе остаются неопределёнными. Важными факторами, подвергшимися пересмотру новыми украинскими властями, являются параметры участия Украины в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, в частности в СНГ.

В институциональной памяти вопрос о выходе Украины из СНГ поднимался дважды: в апреле 2005 г. и в августе 2008. Вновь о нем было заявлено 19 марта 2014 г., после объявленного присоединения Крыма к России, которое не признано Украиной и большинством западных стран. 19 марта 2014 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о начале процедуры выхода Украины из СНГ. Этому предшествовало заявление МИД Украины об отказе

председательствовать в Содружестве Независимых Государств из-за невозможности созвать Совет Министров иностранных дел СНГ². Его созыв инициировала Украина как страна-председатель в связи с событиями в Крыму. Заседание Совета глав внешнеполитических ведомств состоялось только 4 апреля 2014 года в Москве.

В силу политических обстоятельств 20 марта 2014 г. МИД Украины уведомило Исполком СНГ, соответствующей нотой, о сложении полномочий страны-председателя в 2014 г. в Содружестве Независимых Государств (СНГ). В настоящий момент председательство в СНГ перешло к Беларуси. Все официальные мероприятия в рамках Содружества, которые в 2014 г. планировалось провести в Киеве, перенесены в Минск³.

В контексте указанного выше, Министерство иностранных дел Украины разрабатывает алгоритм действий для выхода Украины из СНГ и готовит законодательную базу для такого решения. Важно подчеркнуть, что процесс выхода из СНГ должен быть оформлен исключительно в юридической плоскости. При этом не следует забывать, что окончательное решение о выходе Украины из состава СНГ должна принять Верховная Рада Украины. Также необходимо учитывать, что в настоящее время Украина не является полноправным членом СНГ, а имеет статус ассоциированного члена Содружества. Украина де-юре не является государством-членом СНГ, так как она не ратифицировала устав организации, хотя она и относится к государствам-учредителям, и государствам-участникам Содружества.

В соответствии с процедурой, Украина может прекратить членство в СНГ через год после официального уведомления исполкома Содружества Независимых Государств.

Дилеммы внешней политики и дипломатии отдельных стран СНГ в вопросах их дальнейшего пребывания и плодотворной деятельности в СНГ остаются на сегодня открытыми. Тенденции на выход из СНГ также прослеживаются и в Молдове. Если выход Молдовы из СНГ не повлечёт за собой серьёзных последствий для Содружества, то попытка Украины покинуть СНГ может подорвать саму основу её существования, так как Украина является второй после Российской Федерации крупнейшей по роли и значению страной СНГ.

В 2008 г. СНГ покинула Грузия. Но фактически целый ряд самых практических соглашений СНГ предусматривает участие в них и государств, не являющихся членами Содружества. Грузия, например, вышла из СНГ, но остаётся участником около 70 договоров, заключённых

в его рамках. Важно, что не только Тбилиси, но и другие участники СНГ заинтересованы в сохранении такого status quo. Таким образом, и Украина сможет получать выгоду от конкретных соглашений, не принимая участия в институциональной жизни объединения.

Одна из самых важных задач украинской внешней политики и дипломатии на сегодня — в случае окончательно принятого решения — не искать плюсы и минусы от принятого решения, а правильно сформулировать позицию, объясняющую причины выхода Украины из СНГ.

Нужно отметить, что единой позиции относительно последствий шага в противоположную Содружеству сторону для нашей страны в экспертной украинской среде пока не сформировалось. Есть несколько полюсов мнений. Одни говорят, что Украина ничего не теряет в случае прекращения своего участия в СНГ. У других — совсем нерадостные ожидания на этот счёт. А третьи признают, что убытки будут, однако всё же поддерживают идею о выходе из Содружества.

Не сложно заметить, что все стороны, и те, кто за выход, и те, кто против такого решения, сходятся в одном — потери для Украины всё же будут. Пусть даже каждый оценивает их величину по-разному. Однако остаются открытыми вопросы: будет ли польза и насколько оправдан такой шаг?

Практика и дипломатический опыт Украины показывают, что не стоит резко обрывать связи со странами СНГ, так как это принесет соответствующие экономические потери. Украина в составе СНГ может получать информацию из первоисточников, быть в курсе тенденций стран участников СНГ, благодаря этому строить свою политическую и экономическую стратегию, эффективно реализовывать свою публичную дипломатию.

Чтобы делать правильные шаги, нужно владеть информацией. А её можно получать, только пребывая внутри, будь-то власти или оппозиции, или СНГ. Выход Украины из СНГ на сегодня далеко не первостепенный вопрос, который подлежит немедленному решению. Любое решение должно соответствующим образом пройти экспертную оценку и только после этого может быть принято исключительно взвешенное, политически выверенное решение. Ведь сегодня СНГ является не только политическим союзом, а и экономическим объединением государств. Вполне возможно, что ухудшение дипломатических отношений с СНГ скажется на условиях трудоустройства украинских граждан в странах Содружества, прежде всего — в Российской Федерации.

Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений. Не трудно заметить, что большая дипломатическая игра между Россией и Западом вокруг Украины сейчас проходит под знаком идеологии геополитической концепции «Большой Европы»⁴.

Вялотекущие проблемы обостряются, и для них находятся давно перезревшие решения. СНГ является лишь одной из небольших точек в этом глобальном процессе. В целом, можно констатировать, что текущая политическая ситуация в Украине, оказывающая прямое воздействие на выработку внешнеполитического курса, определяется целым рядом проблемных факторов. Среди них: нестабильность существующей социально-политической системы управления, отсутствие стратегического видения в рамках украинской правящей элиты, борьба за влияние и лидерство в Украине между региональными и нерегиональными игроками-акторами, конфликт идентичностей между Востоком, Центром и Западом Украины, активизация деятельности экстремистских сил, наличие острых политических вопросов и т. д.

Для России развитие ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес. В этой связи Россия сохраняет значительные возможности воздействия на выработку внешнеполитического курса Украины, при помощи использования различных механизмов и инструментов, дипломатического инструментария, при тесной координации своей политики и активизации сотрудничества с КНР и с партнёрами по СНГ.

Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и ее «мягкая сила» становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современно-го мира⁵.

В начале XXI века усилились роль и значение публичной дипломатии в глобализирующемся мире. В дипломатических ведомствах, в т. ч. и в Украине, всё больше говорят и пишут о необходимости активизации общественной или публичной дипломатии. Приоритетным заданием должно стать эффективное использование ресурсов публичной дипломатии с целью повышения результативности внешнеполитической деятельности государства.

В современном мире многократно возросло количество акторов, участвующих в международном общении. В этих условиях публичная дипломатия становится важным внешнеполитическим ресурсом, одной из наиболее динамичных сфер мировой политики.

Публичная дипломатия — это инструмент долгосрочного действия, создающий благоприятный климат для внешней политики и дипломатии в целом. Она нацелена на массовую аудиторию и исходит из того, что общественное мнение может оказать влияние на внешнюю политику национальных государств. Публичная дипломатия не заменяет собой традиционную дипломатию, а помогает подготовить почву для проведения официальных мероприятий на внешнеполитической арене. Это направление дипломатии известный американский исследователь, профессор Гарвардского университета Дж. Най относит к «мягкой силе» — к способности убеждать, опираясь на имеющуюся репутацию, а также на идеологическую, культурную и институциональную привлекательность⁶.

Сбалансированное и взаимодополняющее использование двух типов внешнеполитического влияния — «жесткой силы» и «мягкой силы» в условиях глобализованного мира позволяет достичь позитивного эффекта. Ключевым элементом «мягкой силы» является последовательное формирование позитивного имиджа страны. Имидж и репутация страны должны рассматриваться в качестве инструментов решения конкурентных задач государства на международной арене⁷.

«Мягкая сила» публичной дипломатии в глобализованном мире представляет собой комплекс инструментов, институтов, форм и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счёт информационного и других рычагов воздействия⁸. Она формируется за счёт притягательности культуры, политических идеалов и политического курса страны. Политика и дипломатия с большей вероятностью будут привлекательными, если они основываются на ценностях, разделяемых другими. Ключевым элементом «мягкой силы» является комплексное формирование позитивного имиджа государства. Активное участие государства в решении глобальных проблем современности значительно усиливает его «мягкое» могущество в глобализирующемся мире.

Для создания дееспособных механизмов института публичной дипломатии и решения указанных выше задач необходимо:

1. использование стратегии «открытости» в публичной дипломатии с целью более активной реализации стратегических национальных интересов государства;
2. выявление, анализ деятельности и привлечение наиболее эффективных из имеющихся структур к разработке программ культур-

- ной, патриотической, информационной политики и обеспечение эффективных механизмов контроля их выполнения;
3. создание благоприятных условий для развития информационного бизнеса, выработка единой информационной стратегии, инициация открытого диалога и кооперации с государством.

Таким образом, перед политической элитой и экспертным сообществом Украины сегодня стоит задача прийти к единому пониманию содержания, целей и возможностей «мягкой силы» публичной дипломатии. На следующем этапе нужно будет выработать на основе этого общего понимания комплексную стратегию. Нужно адаптировать существующие и создать новые институты публичной дипломатии, а также системы оценки эффективности нового тренда XXI столетия.

Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и её «мягкая сила» становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира.

На сегодня для Украины главная задача во внешнеполитическом и институциональном измерении состоит в консенсусе и решении кризиса международных институтов, а также в поиске новой системы глобальной безопасности, поиске новых подходов к политике безопасности (глобальный, национальный, региональный уровни).

¹ См. подр.: Кризис европейской интеграции: уроки для постсоветского пространства: материалы международной конференции / А. Г. Оганесян, А. А. Громыко, В. Г. Циватый и др. // Международная жизнь. — 2014. — № 1. — С. 83–174.

² Текущий архив Министерства иностранных дел Украины. — I ТД. — Рабочее досье. — 2013–2014 годы.

³ Толстов С. Завдання головування, проблеми та інтереси України в СНД / Сергій Толстов // Зовнішні справи. — 2014. — № 02. — С. 6–11.

⁴ См. подр.: Корэйба Я. Проблемы европейской политики в отношениях между Россией и Украиной / Якуб Корэйба. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 224 с.; Жильцов С. С. Украина: 20 лет пути к независимости / С. С. Жильцов. — М.: Восток-Запад, 2012. — 338 с.; Мироненко В. И. Политическое влияние России в Украине (1991–2010 гг.) / В. И. Мироненко / Ин-т Европы РАН. — М.: Рус. сувенир, 2011. — 194 с.; Грецкий И. В. Внешнеполитические факторы президентских выборов 2004 года в Украине / И. В. Грецкий. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. — 244 с.

- ⁵ Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов: Монография. — М., 2013. — 296 с.
- ⁶ Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — New York: Public Affairs, 2004.
- ⁷ Чекаленко Л. Д., Циватий В. Г. Гуманітарний вимір відносин України та Росії / Л. Д. Чекаленко, В. Г. Циватий // Віче. — 2014. — № 8. — С. 16–21.
- ⁸ Сафранчук И., Синегубов А. «Мягкая сила» во внешней политике России / И. Сафранчук, А. Синегубов // Дипломатическая служба. — 2014. — № 1. — С. 6–10.

С. В. Беспалов

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» 2000-Х ГГ. И СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

«Цветные революции» середины 2000-х гг. на Украине и в Грузии (а также — с известными оговорками — в Киргизии) стали важной вехой в истории постсоветской Евразии. Во многом аналогичный сценарий, но только в куда более жёсткой форме, был реализован на Украине в конце 2013 — начале 2014 г. Для понимания природы этих событий необходимо, прежде всего, охарактеризовать некоторые тенденции в развитии межгосударственных отношений на постсоветском пространстве в 1990–2000-х гг.

Нередко высказываются суждения о том, что изначально основным мотивом, побудившим руководителей бывших союзных республик создать СНГ, являлось стремление «окончательно ликвидировать государственное единство, которое скрепляло их народы в рамках СССР, и не допустить его восстановления в будущем в какой бы то ни было форме»¹. Действительно, дальнейшее развитие событий показало, что на постсоветском пространстве в 1990-х гг. преобладали дезинтеграционные процессы, что дало основание для характеристики СНГ как формы «цивилизованного развода» бывших советских республик. В 2005 г. такую оценку Содружества поддержал и Президент РФ В. Путин, заявивший о том, что СНГ создавалось для того, чтобы процессы распада СССР происходили цивилизованно, предельно мягко, с наименьшими потерями в сфере экономики и в гуманитарной области, при этом у СНГ никогда не было задач в сфере экономической и иной интеграции². Это дало основание критикам российской власти заявить о порочной концепции политики России в отношении стран ближнего зарубежья, продолжаемой в 2000-х гг. и «унаследованной от ельцинских времён, когда СНГ рассматривалось не как площадка для интеграции и объединения, а как прикрытие для того, чтобы ничего для этой интеграции не делать»³.

В то же время первый Президент РФ говорил о мотивах российских властей при создании СНГ совершенно иначе: «Беловежское со-

глашение, как мне тогда казалось, было нужно прежде всего для того, чтобы резко усилить центристремительную тенденцию в развалившемся Союзе, стимулировать договорный процесс <...>. Подчеркиваю: СНГ являлось единственной на тот момент возможностью сохранения единого геополитического пространства»⁴. И, судя по всему, Б. Н. Ельцин был в данном случае вполне искренен. Однако главы некоторых других бывших союзных республик, и прежде всего, Президент Украины Л. Кравчук, за которым уже тогда стояла преобладающая часть национальной политической элиты, оценивали значение Беловежских соглашений и перспективы развития отношений между новыми независимыми государствами совершенно иначе. Таким образом, руководители России и Украины совершенно по-разному представляли себе задачи и перспективы СНГ. Лидеры других стран СНГ являлись приверженцами либо российского, либо украинского подхода, что наглядно проявлялось на всех саммитах СНГ в первые годы существования Содружества. Происходило это отчасти под влиянием набиравших силу националистических движений, отчасти — под влиянием ведущих стран Евро-атлантического сообщества, стремившихся не допустить развития реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, и наконец, вследствие отсутствия сколько-нибудь внятной концепции возможной интеграции сторонников «украинского» подхода становилось всё больше. В конечном итоге и российская элита пришла к выводу о том, что Содружеству суждено сохраниться лишь в качестве площадки для многосторонних контактов и организации, обеспечивающей возможность подготовки, заключения и реализации отдельных соглашений, призванных развивать межгосударственное сотрудничество по конкретным вопросам.

То, что именно «украинская концепция» развития СНГ в итоге возобладала, объясняется целой группой факторов. Хотя в момент распада СССР российская элита, как и большинство аналитиков, исходила из того, что сложившиеся на протяжении столетий существования в рамках единого государства экономические, политические, культурные и прочие связи между бывшими союзными республиками и их народами сами по себе сделают неизбежными интеграционные процессы, в условиях становления новых независимых государств (ННГ) суверенитет стал рассматриваться их правящими элитами как высшая ценность. Такое волеизъявление элит бывших союзных республик довольно быстро нашло поддержку со стороны крупнейших международных

центров силы, что ещё больше укрепляло уверенность лидеров большинства бывших советских республик в правильности своего выбора. И это при том, что для всех этих государств, включая, кстати, и Россию, поддержка со стороны «международного сообщества» в первые годы независимости являлась едва ли не важнейшим фактором поддержания легитимности складывавшихся там политических режимов. При этом США, несмотря на декларировавшуюся поддержку демократической России, к середине 1990-х гг. взяли на вооружение концепцию поддержания «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, подразумевавшую не просто недопустимость возрождения СССР в каком-либо виде, но и противодействие любым реальным интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Аналогичную позицию заняли и страны ЕС.

Кроме того, практически повсеместно на постсоветском пространстве «государственно-политические системы приобрели этнократический характер»⁵. Новая национальная идентичность, как правило, выстраивалась на основе истории, языка и культуры т. н. титульной нации даже в тех государствах, где (как, например, на Украине) доля иных этнических групп, и прежде всего русского населения, была весьма значительной. Правовые системы стран СНГ чем дальше, тем в большей степени становились различными. Наконец, существовавшие и внутри СССР различия в уровне экономического развития между союзными республиками (главным образом — европейскими и азиатскими) стали стремительно углубляться после обретения ими независимости.

Однако к середине 1990-х гг. на постсоветском пространстве постепенно формируется группа государств, заинтересованных в достаточно глубокой экономической интеграции (хотя цели, которые каждая из этих стран стремилась достичь, далеко не во всём совпадали). Таким «интеграционным ядром» стали Россия, Белоруссия и Казахстан, создавшие в январе 1995 г. Таможенный Союз⁶. Эти три государства впоследствии стали инициаторами заключения ряда интеграционных соглашений на постсоветском пространстве, к которым присоединились некоторые другие государства СНГ, наиболее значимым среди них стало создание Евразийского экономического сообщества. Кроме того, Россия, Белоруссия и Казахстан взяли курс на формирование полноценного общего рынка — Единого экономического пространства — со свободным передвижением не только товаров, но и услуг, капиталов, рабочей силы, а также дополнительными мерами по гармонизации

внутреннего законодательства и выработке общей политики по различным аспектам экономической жизни. Проект создания ЕЭП был предложен Россией и Казахстаном в 2003 г.

Многие эксперты как тогда, так и сейчас считают не вполне логичной идею создания новой структуры, которая (по первоначальному проекту) должна была по большинству параметров дублировать деятельность ЕврАзЭС. Представляется, что изначально концепция ЕЭП была призвана решить две задачи. Первой из них являлось вовлечение в интеграционные процессы Украины, поскольку украинскому руководству и лично Президенту Л. Кучме казалась более привлекательной идея участия страны в создании новой организации в качестве её соучредителя, чем присоединения к уже существовавшей организации, в которой к тому же численно преобладали центрально-азиатские государства. Второй задачей являлось «отсечение» от реального интеграционного проекта Таджикистана и Киргизии, которые едва ли могли стать полноценными его участниками в силу объективных экономических характеристик. Важность привлечения Украины обуславливалась не только геополитическими соображениями, её цивилизационной близостью России и необходимостью восстановления разорванных после распада СССР хозяйственных связей, но и тем, что для создания полноценного единого экономического пространства, по мнению многих экспертов, численность населения стран общего рынка должна составлять не менее 200 млн человек; при участии Украины в ЕЭП этот показатель уверенно достигался.

Украина подписала Соглашение о формировании Единого экономического пространства 19 сентября 2003 г. (вместе с Россией, Казахстаном и Белоруссией) и ряд сопутствующих документов. Однако в условиях внутривнутриполитической дестабилизации на Украине реальное её продвижение по пути евразийской интеграции было невозможно. А драматические события 2004 г. и вовсе «поставили крест» на этом проекте.

Стремление США и их европейских союзников не допустить развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также взятый Администрацией Дж. Буша-мл. курс на «форсированную демократизацию» постсоветского пространства стал одной из важнейших причин (разумеется, наряду с причинами сугубо внутреннего свойства) «оранжевой революции» на Украине и, в целом, серии т. н. цветных революций середины 2000-х гг. в Грузии, на Украине и в Киргизии. Не претендуя на всесторонний анализ этого феномена, по-

пытаемся выделить некоторые важнейшие характеристики этих «революций», в полной мере присущие событиям в Грузии и на Украине (а ещё ранее в Сербии) и в некоторой степени в Киргизии, где, впрочем, роль внешнего фактора была несопоставимо меньше, чем в первых двух странах.

1. Наличие чёткого плана действий (изначально предусматривающего возможность выхода за пределы конституционных рамок) оппозиционных сил, приуроченных к моменту проведения парламентских или президентских выборов, итоги которых оппозиция заранее отказывалась признавать, заявляя о неизбежных масштабных фальсификациях результатов голосования. Заметим, что выборы, служившие началом развития событий по «революционному» сценарию, действительно проходили с серьёзными нарушениями, не отличаясь, однако, в худшую сторону от предшествовавших избирательных кампаний прошлых лет, которые оппозиционные политики не считали возможным использовать как основание для столь решительных действий, осознавая, что без масштабной поддержки из-за рубежа подобные акции не только будут обречены на провал, но и дискредитируют их организаторов как политических деятелей, вышедших за рамки закона.
2. В качестве основного источника легитимации новой — «революционной» — власти (и, соответственно, делегитимации власти прежней) выступает «международное признание».
3. Организационная, финансовая и идеологическая подготовка «революции» в значительной степени осуществляется из-за рубежа, с использованием механизмов «soft power» — неправительственных организаций, фондов и т. п.
4. В качестве лидеров оппозиции неизменно выступали представители политической элиты — отставные или действующие политики *первого ранга*; в значительной степени именно благодаря этому обстоятельству удавалось обеспечить раскол среди руководителей силовых структур, на который обращает внимание в своей статье М. Макфол⁷, вплоть до открытого перехода некоторых из них на сторону оппозиции.
5. «Революционные» лидеры пользовались поддержкой значительной части национального бизнеса, недовольной характером проводимой прежней властью экономической политики и, прежде всего, результатами приватизации наиболее привлекательных объектов

национальной экономики. Поэтому вполне правомерной представляется, например, меткая характеристика украинских событий как «революции миллионеров против миллиардеров». В то же время ключевыми спонсорами оппозиции внутри страны выступали предприниматели, стремившиеся не столько принципиально изменить характер взаимодействия власти и бизнеса, сколько занять место «у кормушки». В этой связи можно говорить о лидерах оппозиции ещё и как о представителях обделённых прежней властью финансово-бюрократических кланов.

6. «Идеология» революционной оппозиции носит ярко выраженный популистский характер, являясь к тому же (за исключением Киргизии) националистически окрашенной.
7. Иностранцы наблюдатели, прежде всего представители ОБСЕ, мнение которых о недемократическом характере выборов изначально известно, используются для делегитимации результатов выборов. Такая ситуация становится возможной прежде всего вследствие существующей в ОБСЕ практики финансирования деятельности наблюдателей этой организации и определения персонального состава миссий наблюдателей на выборах не самой ОБСЕ, а государствами-участниками, готовыми взять на себя соответствующее финансовое бремя. Кроме того, в рамках той же ОБСЕ до настоящего времени не выработано чётких критериев, на основании которых можно было бы выносить беспристрастные суждения относительно легитимности и демократического характера тех или иных выборов; соответствующие предложения России, высказывавшиеся на форумах ОБСЕ, до последнего времени игнорировались.
8. Западные лидеры предупреждают власти о недопустимости применения силы против оппозиции, в то же время не осуждая действия самой оппозиции, носящие силовой, хотя и не вооружённый характер (блокирование правительственных объектов, воспрепятствование законной деятельности органов и представителей государственной власти и т. д.).

Говоря же о результатах «цветных революций», необходимо отметить, прежде всего, что ни одна из них не привела к сколько-нибудь существенной реальной демократизации государственной власти, принципиальному изменению характера политического режима (на Украине, правда, была реализована достаточно радикальная конституционная реформа, предусматривающая передачу парламенту и правительству

с 2006 года значительной части прежних президентских полномочий; однако, как известно, инициатором этих преобразований являлся бывший Президент Кучма, новая же власть стремилась не допустить вступления в силу соответствующих конституционных поправок, — для подтверждения необходимости введения их в действие с 1 января 2006 г. потребовалось специальное решение Конституционного Суда Украины). Таким образом, сама квалификация рассматриваемых событий как революционных представляется нам в высшей степени сомнительной.

Едва ли не единственными серьёзными результатами «революций» стали, во-первых, изменение внешнеполитического курса соответствующих государств, новые лидеры которых провозглашают стремление своих стран в кратчайшие сроки влиться в ряды мирового «сообщества демократических государств» (первым шагом к чему становится дистанцирование от России), и, во-вторых, изменение в соотношении сил между административно-финансовыми группировками внутри этих государств, что выражается в перераспределении финансовых потоков, пересмотре результатов ранее осуществлённой приватизации и т.д. Поэтому можно говорить о том, что как внешние, так и внутренние спонсоры грузинской и украинской «революций» реализовали свои основные цели.

Наконец, не может быть и речи о каком-либо упрочении региональной безопасности вследствие подобного рода форсированной «демократизации» стран постсоветского пространства; напротив, произошло серьёзное обострение как внутренних конфликтов (наиболее явно это проявилось в Грузии, где напряжённость вокруг самопровозглашённых государственных образований — Абхазии и Южной Осетии — продолжала накаляться и привела к войне 2008 г. и последующему признанию указанных территорий Россией в качестве суверенных государств); взрывоопасной все последующие годы оставалась и обстановка на Украине, поскольку недовольство большинства населения восточных регионов страны итогами «революции» и политикой «революционной» власти, столь отчётливо проявившееся в конце 2004 года, не могло пройти без последствий.

В целом украинские события 2004 г., как и череда «цветных революций», стали следствием кризиса «постсоветских» режимов в ряде новых независимых государств постсоветской Евразии, а также результатом мощной геополитической экспансии Запада на постсоветском

пространстве. Эти события были восприняты российской элитой как угроза не только внешнеполитическим интересам России, но и внутриполитической стабильности. Как следствие — ужесточение внутренней политики в РФ и эскалация геополитической напряжённости на постсоветском пространстве. Несмотря на последовавшее через несколько лет поражение политических сил, пришедших к власти на Украине и в Грузии в период «цветных революций», геополитическая ориентация этих стран в целом не претерпела изменений, несмотря на определённое потепление российско-украинских отношений в 2010–2012 гг. После событий августа 2008 г. (прежде всего после признания Россией Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств) накал конфронтации между Россией и странами Евroatлантического сообщества во главе с США существенно снижается, во многом потому, что в западных столицах осознали (на некоторое время), что нарастание конфронтации с Россией способно поставить мир на грань глобальной катастрофы. Изменению ситуации способствовал и приход к власти в США в 2009 г. администрации Б. Обамы, который в отличие от своего предшественника не рассматривал постсоветское пространство в качестве приоритета внешней политики. Однако, несмотря на это, геополитическая конкуренция продолжалась, хотя и в менее жёстких формах, до конца 2013 г. Ключевую роль каждая из сторон по-прежнему уделяла западному региону СНГ, прежде всего Украине. Евросоюз в целях наращивания своего влияния в регионе в 2009 г. приступил к реализации программы «Восточного партнёрства», США сделали основную ставку на поддержку не только лояльных им представителей украинской элиты, но и неправительственных организаций. При этом стратегическая ориентация украинской элиты на сближение с евроатлантическим сообществом, несмотря на предложенные Россией существенные экономические стимулы в случае присоединения к ТС, оставалась неизменной.

Представляется, что основные характеристики «цветных революций» вполне применимы и к новому украинскому кризису, которому в то же время присущи и некоторые специфические черты:

- массовые выступления, как и прежде, планировалось приурочить к президентским выборам начала 2015 г.; однако отказ В. Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС (после полуторагодичной «обработки» общественного мнения властью с целью убедить население в необходимости этого Соглашения), а затем

- неоправданное применение силы против участников первых многочисленных акций протеста, побудили радикальную оппозицию приступить к досрочной реализации своего плана;
- поначалу протесты проходили под лозунгами в поддержку «евроинтеграции»; однако затем националистическая идеология наиболее «боеготовой» части протестующих проявлялась всё более явно;
  - применение оружия протестующими не привело к утрате поддержки их со стороны политических элит стран евро-атлантического сообщества;
  - в отличие от событий середины 2000-х гг., Россия не просто выступила с осуждением произошедшего переворота, но и оказала действенную поддержку противникам новой власти;
  - впервые после свержения прежнего режима последовали достаточно массовые акции протеста против новых властей в ряде регионов страны, что стало решающим фактором углубления кризиса, переросшего, по сути, в гражданскую войну на востоке Украины.

¹ Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве / Под ред. С. Ю. Кашкина. — М., 2013. — С. 11–12.

² Путин В. В сохранении СНГ заинтересованы все, вне зависимости от внутриполитической окраски. URL: <http://www.2rd.am/ru/APH-n-pahpanelu-harcum-shahargig-en-bology-ankakh-nerqaghaqakan-nerkaranakic> (дата обращения: 20.05.2014).

³ Плотников А. Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и типология государственного развития бывших союзных республик (СНГ: основа будущего союза или «цивилизованный развод»?) // Постсоветское пространство: реалии и перспективы. — М., 2009. — С. 59.

⁴ Ельцин Б. Н. Записки Президента. URL: http://www.yeltsin.ru/upload/iblock/fa7/zapiski_prezidenta.pdf (дата обращения: 20.05.2014).

⁵ Барсенков А. С. Эволюция политики России в отношении СНГ в контексте условий возникновения Содружества // 20 лет СНГ: состояние и перспективы. — М., 2012. — С. 227.

⁶ Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 г. URL: http://www.tsouz.ru/DOCS/INTAGRMNTS/Pages/Dogovor_20011995.aspx (дата обращения: 15.05.2014).

⁷ Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма. Сравнительный анализ демократического прорыва в Сербии, Грузии и Украине / М. Макфол // Pro et contra. — 2005. — № 2. — С. 101–102.

В. И. Сальников

ОТ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К «УПРАВЛЯЕМОМУ ХАОСУ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Украина представляет собой государство, находящееся в стадии становления, с несформировавшейся в силу глубокого социокультурного раскола нацией, с не завершившей демократический транзит политической системой, и находится в зоне цивилизационного разлома между православной и западной цивилизацией¹. Поэтому при анализе внутренних и внешних факторов того политического кризиса, который она переживает на настоящем этапе, следует исходить из их комплексной взаимосвязи.

Особенностью мирополитического процесса последних десятилетий является его глобализация, сопровождающаяся демократизацией и усилением влияния международных и негосударственных акторов². Существенной особенностью демократизации является использование таких инструментов, как: 1) осуществляемые правящими элитами реформы, направленные на осуществление рыночных преобразований и «демократического транзита», и 2) «бархатные» («цветные») революции, в ходе которых при участии народных масс происходит сравнительно бескровное отстранение от власти недемократических режимов.

Применительно к Украине, получившей независимость в 1991 г., процессы демократического транзита идут непросто, сопровождаясь как реформами, так и революциями. Первой такой революцией была «оранжевая революция» 2004 г., приведшая к власти прозападную «оранжевую коалицию»³. Она имела все признаки классического типа «цветных революций», отличающихся от «бархатных», прежде всего, тем, что они ограничиваются сменой одного псевдодемократического режима другим, не осуществляя смены социального строя:

1. Как революция эпохи постмодерна, где акцент делается не столько на захвате политической власти, сколько на свержении культурной и коммуникативной гегемонии правящего режима, «оранжевая революция» победила в умах активной части украинского общества

- еще до ее политической победы. Это в значительной степени способствовало мобилизации ее сторонников.
2. При ее осуществлении активно использовались политические технологии манипуляции массовым сознанием: постоянное повторение магических слов-заклинаний типа «Мы — не быдло!», «Украина может все!», помогающее закреплению внушаемых толпе установок; игра на чувствах людей, которых не впечатляет логика аргументов, но завораживают ясные образы типа «Ющенко — борец с коррупцией», «Украина идет в Европу»; замалчивание подлинных целей оппозиции, которая меньше всего думает о благе народа; нагнетание антивластной и антироссийской истерии.
  3. Как и все «цветные революции», «оранжевая революция» во временном плане была приурочена к выборам, результаты которых заранее объявлялись сфальсифицированными. Это и послужило формальным поводом организовать массовые многодневные акции протеста на Майдане независимости, закончившиеся лишь после победы в третьем (дополнительном) туре президентских выборов «правильного» кандидата — В. Ющенко.
  4. Она носила подчеркнуто ненасильственный характер в духе рекомендаций Дж. Шарпа, чему помогало западное дипломатическое давление на власть, чтобы та не применяла силу против оппозиционеров.
  5. Ее характерной чертой часто является театральность, помогающая сочетать протест и развлечение. Неслучайно Майдан независимости посещали не только политики, но также представители творческих профессий, превращая его в яркое шоу, привлекающее толпы киевлян.
  6. Отсутствие класса-гегемона и революционной партии, способной взять власть. Ведущую роль в мобилизации масс на протестные действия сыграли социальные сети и ИКТ-технологии, в силу чего «цветные революции» нередко называют «твиттер-революциями». Мобилизованная соцсетями массовка из студенческой молодежи, футбольных фанатов, «креативного» и среднего классов и прочих «пассионариев», выполнив роль «митингового мяса», мирно вернулась к своим прежним занятиям после победы «оранжевого» кандидата, чья революционность не выходила за пределы PR-акций.
  7. Большая роль «внешних сил» в ее подготовке и реализации. Практически все «бархатные» и «цветные» революции в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве осуществлялись при активной поддержке Запада, стремящегося с их помощью

привести к власти более лояльные режимы. Не стала исключением и Украина в 2004 г., когда Запад, как на официальном уровне, так и через структуры гражданского общества (FreedomHouse, PAUCI, Фонд Сороса, Фонд «Евразия» и др.) оказал значительную поддержку «оранжевой» коалиции.

8. Активное использование этнонационального фактора для политической мобилизации сторонников революции. Во время «оранжевой революции» активно использовался ресурс Западной Украины и идея создания новой евроатлантической украинской политической нации.

Что касается «евромайданной революции», то она осуществлялась по иной логике — с учетом опыта т. н. «Арабской весны», революции которой уже осуществлялись по другим технологиям⁴. В них также активно использовались социальные сети, в их организации активную роль также сыграл Запад, но в отличие от «цветных революций», где применялись политические технологии, связанные с выборами, технологии «Арабской весны» были направлены на силовой захват власти с участием боевиков и фундаменталистов. А тот факт, что данные революции, поддержанные США и их союзниками, способствовали дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, говорит в пользу того, что их осуществление вполне вписывается в логику концепции «управляемого хаоса», активно используемую США для реализации их геополитических интересов.

Все это произошло на Украине 2013–2014 гг., где наряду с массовой делегитимизацией правящего режима и русофобией в подконтрольных олигархам СМИ и майданной массовой, активно использовались и мобилизация протестующих через социальные сети, и фашиствующие боевики в масках, и вооруженные провокации с гибелью десятков людей, и мощная поддержка Западом оппозиционеров при одновременном давлении на власти Украины с целью помешать им пресечь массовые беспорядки⁵.

В итоге мы имеем свержение законной власти, социально-экономическое положение страны близкое к коллапсу, резкое ухудшение отношений с Россией, политический и правовой хаос, провоцирующий политическое насилие, усиление сепаратистских настроений и сецессию Крыма. Анализ нынешней ситуации в Украине оставляет мало шансов на то, что выборы нового президента, которые пройдут в мае 2014 г., будут способствовать ее политической и социально-экономической стабилизации. Скорее, наоборот, те, кто посеял хаос на Украине, попытаются перенести его в Россию, Беларусь и другие страны постсоветского пространства, чтобы под видом демократизации ограничить

их суверенитет и обеспечить контроль над их ресурсами. Поэтому политическое руководство нашей страны должно сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению «управляемого хаоса» на Россию, а российский народ должен проявить присущую ему мудрость и не поддаваться на ложные посулы и провокации.

¹ См. об этом: Слинко А. А. Украина: особенности становления политической системы: монография / А. А. Слинко, Е. А. Слинко. — Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. — 116 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2005. — С. 255–559; Что происходит на Украине и какое будущее ее ждет? // Свободная мысль. — 2014. — № 2. — С. 5–32 и др.

² См.: Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens. Toward Cosmopolitan Democracy / D. Archibugi. — Princeton: Princeton Univ. Press, 2008. — 320 p.; Gill G. The Dynamics of Democratization: Elites, Civil Society and the Transition Process / G. Gill. — N. Y.: St. Martin's Press, 2000. — 287 p.; Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / [под ред. Ал. А. Громыко]. — М.: Ин-т Европы РАН: Нестор-история, 2013. — 100 с.; Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт / С. Г. Кара-Мурза, А. А. Александров, М. А. Мурашкин [и др.]. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 528 с.; Красавцева А. В. Роль транснациональных корпораций в мирополитических процессах глобализирующегося мира: дис. канд. полит. наук: 23.00.04 / СПбГУ. — СПб., 2007. — 171 с.; Наумов А. О. Международные неправительственные организации в современном мирополитическом процессе / А. О. Наумов. — М.: КРАСАНД, 2009. — 272 с.; Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М.: РОССПЭН, 2003. — 365 с. и др.

³ См.: Лэйн Д. Оранжевая революция: «народная революция» или революционный переворот? / Д. Лэйн // Полис. — 2010. — № 2. — С. 31–53; Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. — М.: Европа, 2005. — С. 221–272; Сальников В. И. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: специфика и проблемы управления / А. А. Слинко, В. И. Сальников, Ю. И. Лаптева [и др.] // Политические процессы в России и в мире в условиях глобального кризиса: монография. — Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. — С. 28–50 и др.

⁴ См.: Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской Весны / А. В. Манойло // Власть. — 2014. — № 4. — С. 25–28; Стегний П. ББВ: «Большая Ближневосточная Весна» или война? / П. Стегний // Россия в глобальной политике. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 68–78 и др.

⁵ См.: Свободная мысль. — 2014. — № 2: тема номера «Украина». — М.: ООО ИПФ «Гарт», 2014. — 224 с.

А. А. Токарев

КРЫМСКИЙ КРИЗИС: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА МЕЖДУ РОССИЕЙ, УКРАИНОЙ, ЗАПАДОМ

Крымский кризис обострил не только отношения России с западными партнёрами и институциональные противоречия внутри Украины, но также оказал значительное влияние на аксиологическое пространство в нашей стране. Россияне словно ждали крымского казуса, чтобы окончательно сформировать свою новую постсоветскую идентичность. Имперскую и гегемонистскую — в глазах одних, соборную — по мнению других. Расколота Украина расколола и внутрироссийские общественно-политические дискурсы: «КисельТВ» против «пятой колонны», «квасные патриоты» против «продажных либералов», «креативный класс» против «ликующей гопоты», «прогнившая интеллигенция» против «зомбированных работяг». Огромное влияние на восприятие крымских событий внутри России оказала информационная война, ведущаяся тремя субъектами: Россией, Западом и Украиной (или её частями в отдельных случаях).

Особо стоит отметить отношение идеологически поляризованных групп населения к экспертному знанию и его носителю. Сохранять экспертную идентичность в условиях почти ежечасных маркирующих вопросов («вы рады вхождению Крыма в состав России?» или «Крым — это аннексия или воссоединение?»), автоматически помещающих отвечающего на один из полюсов на шкале «свой-чужой», оказалось трудно. Условным патриотам необходимо было объяснять геополитические, международно-правовые, экономические последствия присоединения Крыма. Условным либералам — рассказывать, как важно российскому национальному самосознанию чувство державности, самоуважения, невозможности играть по правилам, многократно нарушенным теми, кто сейчас больше всех ими обеспокоен, как важно впервые после распада СССР вновь чувствовать геополитическую победу. Находясь между соотечественниками, заслужить ярлык просто. Первые выясняли, на чьи деньги пишутся статьи, заранее зная, что на американские. Вторые рисовали апокалипсические картины российской диктатуры, сталки-

вающей глупых — лбами, умных — во внутреннюю эмиграцию. Они везде, даже в экспертных дискуссиях, видят Большого Брата, будучи уверенными, что гибридный режим современной России есть настоящая диктатура.

Рассмотреть в сравнении сражения информационной войны на российском и западном фронтах периода крымского кризиса мы предлагаем через анализ публичных дискурсов (т.е. того, о чём говорят) и не рассматриваемых обеими сторонами фактов (того, о чём молчат). Обострение информационной войны в результате начала гражданской войны на Украине после крымских событий, формирование новых дискурсов, включающих «киевскую хунту», «карательную операцию», «пророссийских боевиков», «террористов из Донбасса», — представляются нам предметом совершенно иного исследования.

Доминирующие дискурсы Запада

В отношении внутренней политики своих государств европейские СМИ свободнее наших. Если в России в феврале—апреле 2014 года шла дискуссия о стратегии и возможности конкретных действий в братском государстве, то Европа и Северная Америка представляли ситуацию более однозначно: озлобленный русский медведь на цепи у диктатора, нападающий на беззащитную невинность 23 лет от роду, — детали образа разнятся, но дискурс о торжестве свободы и демократии на постевромайданной Украине превалировал в европейском пространстве публичной политики. Нельзя однозначно сказать, что все западные эксперты трактуют крымский случай как аннексию, но противоположное мнение большинству виделось маргинальным, как в случае со Стивеном Коэном, одним из ведущих специалистов по России, подвергшимся обструкции со стороны коллег.

Западное восприятие завершившегося крымского кризиса: Россия расширяет владения под предлогом защиты русских (для начала — в Крыму), на которых никто не нападает. Авторитарный путинский режим при помощи военной машины собирается подавить находящуюся в стадии становления легитимную власть, сменившую предыдущую коррумпированную демократическим путем. После аннексии Крыма Москва заберет и восточные регионы Украины (скажем прямо: вербальная поддержка российскими официальными лицами различных квазигосударственных образований на украинском востоке после крымского референдума способствовала формированию такого восприятия).

В западной картине мира подобное поведение одного из постоянных членов Совбеза ООН, который априори должен быть гарантом соблюдения мировых «правил игры», рассматривается как покушение на всю ялтинско-потсдамскую систему международных отношений.

Кроме того, Россия, по мнению Запада, опосредованно подрывает принципы нераспространения ядерного оружия, нарушая подписанный в 1994 г. в Будапеште меморандум о гарантиях невмешательства во внутренние дела Украины в обмен на вывоз ее ядерного арсенала. Если США и Великобритания, также выступившие гарантами, спустят дело на тормозах, неядерные страны поймут, что их защита со стороны официальных ядерных стран — фикция и потому надо создавать собственный военный атом.

В начале года до гражданской войны риторика Запада складывалась из двух магистральных направлений: «украинской демократизации» и «аннексии Крыма» Россией. Западному обывателю украинское массовое движение представлялось мирным, направленным против коррумпированного правительства, помешавшего обществу осуществить европейскую мечту. В таком ракурсе преступные действия боевиков «Правого сектора» оттенялись мирной картинкой с Майдана, попытка отмены закона о региональных языках и рекомендация Национального совета по телевидению и радиовещанию прекратить трансляцию российских каналов (и последующее принятое Киевским окружным судом решение — о приостановке вещания 4-х федеральных каналов на время рассмотрения иска от Национального совета) массово не освещались.

Заявления западных политиков исключали вопрос исторической и цивилизационной принадлежности Крыма. Зрителю не рассказывалось про то, что Крым — не российский, но русский, что он по-русски говорит, Россией два раза отвоеван с гигантскими жертвами, что город-герой Севастополь как город русских моряков и русской славы — не меньшая реальность, чем депортация крымских татар по приказу Иосифа Сталина (об этом как раз упоминается), что абсолютное большинство крымчан действительно хочет жить в России и слово «воссоединение» терминологически верно.

Нерассматриваемые сюжеты на Западе

Прежде всего нелегальность (то есть юридическая ничтожность) украинской власти до проведения выборов президента 25 мая. 108-я ста-

тия украинской Конституции описывает четыре случая¹, в результате которых президент покидает пост: отставка, невозможность исполнять обязанности по состоянию здоровья, импичмент и смерть. Трусость и побег не прописаны в качестве оснований для отставки. Конституция даже не предполагает должности и. о. президента, которой Рада наделила Александра Турчинова. Исполнение обязанностей президента возлагается на премьер-министра.

Официальная власть в допорошенковский период имела весомую народную поддержку в центральных и западных регионах, но отсутствие у нее юридического фундамента накладывало отпечаток на все ее решения: назначаемые «и. о. президента» региональные и государственные чиновники (например, главы областей и силовики) существовали вне рамок правового поля.

Помимо этого сюжета западные масс-медиа не интересуются так называемым делом снайперов — неизвестных стрелков, 20 февраля расстреливавших и «Беркут», и протестующих в центре Киева. В телефонном разговоре с главой европейской дипломатии Кэтрин Эштон министр иностранных дел Эстонии Урмас Паэт сказал: «Стремительно растет понимание того, что за этими снайперами стоял не Янукович, а кто-то из новой коалиции»². Развития история не получила. Равно как и интервью экс-главы СБУ Украины Александра Якименко каналу «Россия 24», в котором он прозрачно намекнул на причастность нынешнего президента Петра Порошенко и секретаря СНБО Андрея Парубия к «делу снайперов». Западные СМИ не заметили утверждений бывшего главы спецслужбы: «Эти снайперы работали со здания филармонии. Зданием руководил Парубий»³.

Также на Западе не получила распространения история с вхождением крупнейших украинских предпринимателей во власть: долларового миллиардера Сергея Таруты — в кабинет главы Донецкой области и его коллеги по списку Forbes Игоря Коломойского — в аналогичное помещение в Днепропетровске. Их назначил «и. о. президента» Турчинов. Майдан, боровшийся в том числе со сращиванием крупных капиталов и власти, в этом смысле потерпел поражение. Еще несколько небольших сюжетов также не вызывают интереса: например, видео о вывозе и. о. главы АП Украины Пашинским снайперской винтовки с Майдана или об избииении депутатом Рады Ляшко, в итоге взявшем «бронзу» в президентской гонке, закованного в наручники пророссийского активиста Клинчаева в Луганске.

Доминирующие дискурсы в России

Глядя на Крым, Россия видит не полуостров, не Украину, не Европу. Крым — поле битвы России и США. В этих условиях нам нельзя отступить по одной причине: русские не сдаются! Да, это пересмотр границ. Да, будут санкции. Но если мы проявим слабость и сейчас, то потеряем право на самоуважение. Если американцам можно вторгаться в Ирак, Югославию, Ливию, ставя национальные интересы выше международного права, почему мы не можем делать то же? Последние 23 года после распада великого государства мы терпели американскую гегемонию на международной арене, где агрессивные действия часто прикрывались демократическим дискурсом. До Крыма за их экспансией мы только наблюдали. Теперь настал черед англосаксов уступить, тем более что речь идет не только о пространстве возле наших границ, но о русском регионе и русской цивилизации.

Доминирующая риторика в России очевидна, как и на Западе. Во-первых, массам пытаются внушить, что власть в Украине захвачена неонацистами. Антибандеровский дискурс набирает популярность посредством обращения в том числе к памяти Великой Отечественной войны, которая эксплуатируется для создания образа преемничества официального Киева, например, от дивизии «Галичина» и батальона «Нахтигаль». В этих условиях в массовом сознании российского зрителя происходит отождествление любого, кто хочет строить независимую (от России), проевропейскую Украину, с теми, кто воевал против советских солдат на стороне национал-социалистической Германии.

Во-вторых, действия отдельных боевиков вроде Музычко (Сашки Билого), позднее ликвидированного силами спецотряда МВД Украины «Сокол», представлялись в качестве образца принятия решений украинского руководства в период до выборов. Проблема совершенно ослабшего украинского государства, не способного поймать и посадить таскающего прокурора за галстук и публично бряцающего оружием бандита, трактовалась как потакание неправовым методам воздействия на жителей юго-востока Украины, несогласных с официальным Киевом.

В-третьих, действия радикалов «Правого сектора» на улицах Грушевского и Институтской (поджоги бойцов «Беркута», избивание цепями силовиков, не имевших приказа отвечать, выстрелы в милицию, захват зданий, взятие заложников и т. д.) отождествлялись со всем протестом на Майдане, полностью затемняя его мирный характер, поддер-

жание порядка в лагере, высочайший уровень самоорганизации, поддержку жителями Киева вне зависимости от социального положения и дохода. Дошло до того, что в российских масс-медиа среди политических партий к началу мая «Правый сектор» находился на втором месте по упоминаемости после «Единой России»⁴.

В-четвертых, украинское демократическое движение доводилось до абсурда (в том числе многочисленными медиа-вбросами про наркоманов на Майдане). Зампред комитета СФ по международным делам Андрей Климов заявил, что правительство назначалось Майданом. А оно одобрялось Майданом, что, естественно, является политической технологией. После в официальном порядке правительство назначалось Верховной Радой.

В-пятых, идеология радикальных националистов из партии «Свобода» и коалиции «Правый сектор» (нацистские приветствия, захоронения с почестями украинских солдат СС, антисемитизм, «коммуняку на гиляку», «москалей на ножи» и т. п.) подавалась как идеология всего правящего класса.

В-шестых, нагнеталась истерия относительно «наступления бандеровцев на русский язык». После того как Европарламент одернул начавшую перекраивать лингвистическую политику Верховную Раду, представитель президента Украины в Крыму заявил⁵, что и.о. президента Турчинов ветирует постановление Рады об отмене закона о региональных языках. Вместе с тем нет данных о закрытии русскоязычных газет, законодательных запретах использовать русский язык (при этом вещание четырёх российских каналов было приостановлено судом, против чего выступила ОБСЕ). Вопреки многочисленным сообщениям сайты президента и Верховной Рады Украины содержат русскоязычные версии. Майдан вообще использовал русский язык наряду с украинским. Изучать отношение украинцев к русским по речам Олега Ляшко или Ирины Фарион, постоянно заявляющей, что Москва — главный враг Украины, всё равно, что анализировать специфику межнациональных отношений или толерантности в России по выступлениям Владимира Жириновского или Виталия Милонова. Политическая клоунада ни в одной стране не является доминирующим занятием элиты.

В-седьмых, развивается традиционный тезис российской государственной информационной политики «майдан финансировался Западом», хотя даже президент Путин заметил, что понимает людей,

вышедших на Майдан отстаивать свое право на власть без коррупции. В упоминавшемся интервью экс-глава СБУ Якименко говорит: «Мы заметили в конце осени увеличение диппочты <...>, при помощи нее Запад переправлял в посольства валюту <...>, потом она появилась на майдане...» На видеоряд, где двое мужчин несут непонятный мешок, наложен синхрон корреспондента: «Рейс из США встречает украинская инкассаторская машина <...>, американские дипломаты перегружают диппочту с наличными из самолета в броневик»⁶. Вопрос о том, как репортер Евгений Попов узнал, что находится в мешках, остается открытым. Сам он признается, что дипломатическая почта досмотру не подлежит.

Нерассматриваемые сюжеты в России

Помимо идеологической интерпретации фактов и откровенных подтасовок (как с историей про просвеченную одними глазами диппочту), российское федеральное телевидение не грешит их игнорированием. Пока в Москве 15 марта шли два марша (провластный в поддержку воссоединения с Крымом, оппозиционный — в защиту мира), программа «Сегодня» (НТВ) освещала исключительно первый, о втором, собравшем несколько десятков тысяч человек, даже не упомянула. Вечерние «Вести недели» («Россия 1») репортаж об альтернативном митинге свели исключительно к идеологически выверенному синхрону корреспондента, ни разу не дав слова участникам (в отличие от митинга в поддержку воссоединения). Для людей, воспринимающих федеральные каналы как единственный источник информации, такая картина мира безальтернативна и формируется очевидным образом из «Останкино». Реальность для этих зрителей опоясана магистральной линией телевидения, не дающей отвлекаться на размышления.

Некомментируемых сюжетов в российской информационной картине, как ни странно, было немного. Это связано с тем, что в отношении крымского кризиса технологии формирования общественного мнения больше использовались в интерпретационном смысле, нежели в более грубом замалчивании фактов. По неподтвержденным сведениям, «народный губернатор» Донецкой области Павел Губарев был активистом Русского национального единства. Относительно Губарева блогосфера разделилась на тех, кто возмущается членством в радикальной националистической организации человека, активно критиковавшего «бандеровцев», и тех, кто объявил и фото «народно-

го губернатора» в форме РНЕ, и саму новость об этом — подделкой. В любом случае, по понятным причинам этот сюжет ни разу не был затронут федеральными телеканалами.

Сайт СКР сообщает, что по данным следствия в 1994–1995 гг. одним из руководителей банды, созданной для участия в боевых действиях против федеральных сил на стороне чеченских сепаратистов, был Дмитрий Корчинский, а в ее состав также входил Олег Тягнибок⁷. Вероятно, в 2005 г. такими сведениями российское следствие не располагало: Корчинский проводил мастер-класс на первом «Селигере» непосредственно перед визитом в лагерь Владимира Путина. Также в русле «чеченизации» радикалов «Правого сектора» прогосударственными СМИ распространялось якобы обращение Яроша к Умарову с просьбой дестабилизировать обстановку внутри России при помощи новых терактов. Мало кто из спикеров ТВ упоминал, что обращение было дезавуировано, страница «Правого сектора» в соцсети была взломана, ни одного видео, где Ярош делал бы такое заявление, поисковые системы не находили. Похожая интерпретация имела место в отношении заявления Яроша о подрыве объектов украинской ГТС, лишь бы она не транспортировала российский газ. Не оценивая адекватность подобных заявлений, следует подчеркнуть, что Ярош говорил об этой мере исключительно в свете партизанской войны, если Россия введёт свои войска на Украину.

* * *

Сознание россиян сильно поляризовано, но каждый из полюсов в высшей степени сплочен и однороден. Любые размышления трактуются однозначно: либо как прозападная, либо как прокремлевская позиция. Желая воссоединения русского Крыма с Россией, пытаясь нащупать внутри себя стержень мировой державы, противостоящей геополитическому сопернику номер один, превращая ценностные границы русского мира в административные — не настраиваем ли мы против себя не столько мировое сообщество, сколько украинцев севернее Крыма: в Харькове, Донецке, Полтаве, Киеве? Не только тех, искренне скандирующих «Россия!», которых показывает российское телевидение, но и тех, искренне скандирующих «Украина!», о которых оно молчит. Присоединив Крым, не потеряли мы Украину? Постановка этих вопросов требует определенного напора. Ответы на них — смелости. Ответов нет.

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Ситуация на Украине усугубила кризис регионального лидерства на постсоветском пространстве. Лидерство также является многозначным понятием. Среди российских политологов приняты, в частности, следующие определения.

Согласно одному из определений, лидерство государства — это способ политического управления, предполагающий определение этим государством направления, в котором должны двигаться оно само и другие государства; ведение других государств за собой на основе их добровольного согласия; наличие у ведущего и ведомых общего интереса и защиту последнего на мировой арене; ответственность лидера перед ведомыми¹. Безусловно, определение дано с позиций неолиберализма, так как делает акцент на международном сотрудничестве, ответственности и соблюдении общих интересов.

Можно привести ещё одно неолиберальное определение лидерства как способности нести ответственность за формирование мирового порядка, содействовать или препятствовать общей гармонии международных отношений².

Существует также концепция «программирующего лидерства», уже включающая компоненты неореализма³. В рамках данной концепции «программирующее лидерство» — это сочетание традиционной мощи с организующими ресурсами, использование опережающего внешнеполитического планирования, что подразумевает контроль США над международными процессами посредством использования региональных держав и европейских союзников в качестве инструментов реализации влияния.

В целом, по вопросу глобального лидерства современная политическая наука колеблется между двумя полярными мнениями. Первое в обобщённом понимании предполагает сохранение лидерства США (причём, лидерство понимается во всём многообразии ранее приведённых определений). Второе включает совокупность представлений о свершившемся крахе американского мирового господства, об утрате актуальности «нового мирового порядка», образовавшегося после рас-

пада биполярной системы, и вхождении в период хаоса, возвращении к довестфальским принципам формирования системы международных отношений.

В рамках неореалистической парадигмы необходимо принимать во внимание государства, способные оказать влияние на баланс сил. Однако ни одно из государств, обладающих значительным экономическим, политическим и военным потенциалом (в первую очередь, страны БРИКС), не стремится в настоящий момент к завоеванию глобального лидерства⁴. Первостепенной задачей является достижение либо удержание (в случае России) регионального лидерства.

Ведущие теоретики отмечали, что успешное «встраивание» экономических и политических возможностей Белоруссии и Казахстана в российский хозяйственный потенциал способно укрепить позиции России на постсоветском пространстве⁵. Заявка России на сохранение регионального лидерства привела к активизации попыток западных акторов повысить уровень нестабильности в регионе. Первым шагом в данном направлении стало расширение НАТО на восток, что приблизило зону непосредственного военно-политического влияния США к российским границам. Далее приступили к осуществлению технологий латентного и непрямого использования собственного конфликтного потенциала стран постсоветского пространства с целью наращивания хаотических и неуправляемых процессов в регионе. Волна «цветных революций» и провокация нового витка грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов не привели к однозначным результатам, но послужили сбору информации и подготовке «плацдарма» для дальнейших действий.

Государственный переворот на Украине в 2014 г. обусловлен целым рядом причин, часть которых сформировалась исторически и обусловлена уникальными украинскими условиями, такими как отсутствие устойчивых традиций государственности, крайней региональной неоднородностью, острым экономическим кризисом, изначальным высоким конфликтным потенциалом и разновекторной внешней политикой. Но и ход противостояния, и сопровождающая его информационная война свидетельствуют о том, что конфликт был подготовлен и спровоцирован, в том числе, внешними игроками, которые стремятся исключить Украину из российской зоны влияния и создать очаг хаоса и нестабильности на российских границах. Данный процесс не означает, что Украина станет проводником влияния Запада по образцу Прибалтийских государств. Реализация такого сценария осложнена объективными, как экономиче-

скими, так и историческими причинами. Но уже сейчас, после выхода Автономной Республики Крым из её состава, Украина стала по сути «несостоявшимся» государством, центральное правительство которого не контролирует всю его территорию. Такое государство не является жизнеспособной политической и экономической единицей.

Продолжающееся противостояние на юго-востоке государства лишь подтверждает подобный статус Украины на мировой арене как свершившийся факт. Женевские соглашения 17 апреля являлись скорее одним из инструментов информационной войны, чем реальной попыткой прийти к мирному урегулированию конфликта. Подтверждением этого стала как риторика, развернувшаяся вокруг соглашений, так и отсутствие шагов по их исполнению.

В частности, С. Лавров заявил, что США используют Украину как пешку в геополитической игре, и что Украина не должна быть пространством для геополитического противостояния Запада и Незапада. Он выразил надежду, что будет выбран путь, отвечающий интересам всего украинского народа. С. Лавров считает, что официальный Киев нарушает Женевские договорённости, так как именно он должен делать первые шаги по деэскалации конфликта. Он заявил, что те, кто поощряет власть в Киеве к такому поведению, должны понести за это ответственность. Также российский министр иностранных дел подчеркнул, что Украина должна отвести свои войска из приграничных с Россией юго-восточных областей⁶.

В то же время МИД Украины передал России ноту с просьбой предоставить информацию о практических шагах России, направленных на деэскалацию ситуации в юго-восточных регионах Украины. Также МИД Украины заявляет, что антитеррористическая операция полностью соответствует законодательству Украины и принятым страной международным обязательствам и направлена на защиту жителей восточных регионов Украины от террористических и других противозаконных действий, а также на прекращение насилия⁷.

Президент Б. Обама обвинил Россию в нарушении Женевских соглашений⁸. А Государственный секретарь США Джон Керри обвинил Россию в невыполнении Женевских соглашений, так как ни один представитель России публично не призвал сепаратистов сложить оружие и поддержать Женевские соглашения⁹.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что военные действия на востоке Украины необходимо предотвратить любой ценой¹⁰.

Это можно трактовать и как фактическое одобрение введения ограниченного контингента миротворческих сил РФ на юго-восток Украины, если не произойдёт деэскалация конфликта.

Здесь нужно напомнить, что условия Женевских соглашений, в частности, заключаются в следующем: разоружить незаконные формирования, освободить незаконно занятые здания и начать национальный диалог по конституционной реформе. Последняя задача является одной из наиболее актуальных, так как политические институты Украины, закреплённые Конституцией, не структурированы, не эффективны и нуждаются в скорейшем реформировании. Настолько же важен вопрос трансформации института местного самоуправления и тщательное рассмотрение перспективы федерализации государства. Именно попытка создать устойчивую институциональную конфигурацию на Украине смогла бы стабилизировать ситуацию в стране. Однако в сосредоточении государства на данной проблематике не заинтересован сейчас ни один из крупных и малых игроков, в том числе и Украина, так как сейчас на постсоветском пространстве решается очень важный геополитический вопрос — вопрос регионального лидерства России, утрата или сохранение ее роли как центра силы.

Можно выделить два основных сценария перспектив регионального лидерства России на постсоветском пространстве.

Сейчас Россия находится в условиях угрозы применения против неё новой волны санкций. Неизвестно, насколько России удастся сохранить лидирующее положение в регионе в случае применения жёстких санкций. Наиболее неприятным сценарием является превращение России силами стран Запада в государство-изгоя (терминология, используемая США для обозначения режимов, воспринимаемых американской администрацией как враждебные и представляющие угрозу всему мировому сообществу). Утрата международной репутации и ряда межгосударственных контактов, наряду с неизбежными экономическими трудностями, усугубляющимися мировым финансовым кризисом, может вывести Россию из ряда сильных региональных держав.

Второй сценарий заключается в следующем. Отступление от защиты украинских интересов под давлением мирового сообщества приведёт к значительной утрате геополитического веса России на постсоветском пространстве. В рамках неолиберальной парадигмы Россия подтвердит, что не может способствовать соблюдению международного права на постсоветском пространстве, вести за собой другие госу-

дарства и нести за них ответственность. В рамках неореалистической парадигмы Россия покажет свою слабость, потеряет регион, в котором представлены её национальные интересы и даст возможность более сильным акторам и в дальнейшем диктовать ей свои условия. Зона влияния России на постсоветском пространстве в таком случае начнёт неотвратно сужаться. Неореализм часто предполагает игру с нулевой суммой. Отступление России может привести впоследствии к её геополитическому поражению. Такой сценарий был бы недопустим в преддверии формирования Евразийского Союза как интеграционного объединения, признающего ведущую роль России как самой могущественной региональной державы. Первый указанный сценарий тоже может воспрепятствовать образованию Евразийского Союза. И Белоруссия, и Казахстан, и (в перспективе) Армения руководствуются, в первую очередь, своими национальными интересами, и им нужен лидер, способный устанавливать свои правила игры в регионе.

Украина, таким образом, является для России тестом на способность сохранять роль регионального лидера в сложных и меняющихся условиях. Россия столкнулась с целым рядом рисков, основным из которых является импульс, который может дать разрушение украинского государства другим региональным субъектам. Например, всё чаще появляются сообщения о том, что большая часть населения Молдовы стремится в Таможенный Союз сильнее, чем в ЕС. Приднестровье не теряет надежды на пересмотр своего статуса. Только грамотное использование сложившейся ситуации, быстрое овладение технологиями управления латентными конфликтами и более активное освоение методов ведения информационной войны способно сохранить позиции России как центра силы в регионе. Нужно не допустить эскалации конфликта на постсоветском пространстве, так как при любом сценарии развития событий Россия будет восприниматься как агрессор, что приведёт к фундаментальному изменению её роли в геополитической картине мира.

Неомарксистская парадигма предписывает объединение не вписывающихся в «мир-систему» игроков с целью противостоять глобальным монополистам. Но остаётся неясным механизм объединения региональных лидеров, каждый из которых, в первую очередь, преследует цель не потерять первенство в своём регионе. Кроме того, региональные лидеры принадлежат к различным цивилизациям, что приводит в действие концепцию С. Хантингтона о невозможности их эффективного и долгосрочного сотрудничества¹¹, если при этом наносится

ущерб межгосударственным отношениям в рамках одной цивилизации. Остаётся сделать вывод, что наращивание полицентричности возможно лишь за счёт укрепления мощи региональных лидеров и объединения вокруг них соответствующего региона. Сейчас Россия стоит на пороге процесса интеграции своих региональных союзников в отдельное объединение, которое сможет формировать общую позицию в международных отношениях. Утрата Россией роли лидера и центра силы низведет ее на уровень государств, незащищённых перед наступлением глобального гегемона, что представляет прямую угрозу ее суверенитету.

¹ Баталов Э. Я. Современные глобальные тренды и новое сознание / Э. Я. Баталов // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики, 2012. — Т. 10. № 1. Цит. по: URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm>

² Современная мировая политика: прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. — М: Аспект Пресс, 2009. — С. 159.

³ Троицкий М. А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США / М. А. Троицкий // Pro et Contra. — 2002. — № 4. — С. 86–103.

⁴ Шаклеина Т. А. Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века / Т. А. Шаклеина // Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Э. Я. Баталов, А. А. Байков, Н. А. Симония и др.; под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С. 283–298.

⁵ Современная мировая политика: прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. — М: Аспект Пресс, 2009. — С. 160.

⁶ Лавров: США используют Украину как пешку в геополитической игре. — URL: <http://www.vz.ru/news/2014/4/24/683697.html> (дата обращения 24.04.2014).

⁷ МИД расценил слова Лаврова как готовность РФ к агрессии против Украины. — URL: <http://nbnews.com.ua/ru/news/119418/> (дата обращения 24.04.2014).

⁸ Обама обвиняет Россию в нарушении Женевских договорённостей. — URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/38068> (дата обращения 24.04.2014).

⁹ Керри обвинил РФ в невыполнении Женевского соглашения по Украине. — URL: <http://ria.ru/world/20140425/1005360941.html?ria=9vdbipcm5e48m2fj0ki1j8amvjbvqsh> (дата обращения 25.04.2014).

¹⁰ Генсек ООН: военные действия на востоке Украины необходимо предотвратить любой ценой. — URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1145517> (дата обращения 24.04.2014).

¹¹ Huntington S. Clash of Civilizations? / S. Huntington // Foreign Affairs. — 1993. — P. 22–49.

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Во второй половине 1991 г. отчетливо проявились процессы, ведущие к дезинтеграции СССР. Эти процессы порождали определенную тревогу и озабоченность в Вашингтоне. Конечно, возможный распад второй сверхдержавы и исчезновение ее с карты Земли вызывали удовлетворение в руководящих кругах США. Однако последствия такого распада представляли собой огромную опасность. Возможность ожесточенных этнических конфликтов, гражданских войн и социальных потрясений в стране, насыщенной огромным потенциалом ядерного оружия, представлялась реальной и очень опасной. 10 декабря 1991 г. Госдепартамент США, получив известие о роспуске СССР, опубликовал заявление, в котором, в частности, говорилось, что роспуск СССР администрация рассматривает как «поспешную и необдуманную инициативу [5, 1]».

В США не исключали возможность возникновения жесткого тоталитарного режима как следствие хаоса, вызванного распадом СССР. Особую тревогу в США вызывала судьба ядерного потенциала. Госсекретарь Дж. Бейкер сразу же отправился с очень важной миссией для решения этой проблемы, в ходе которой он посетил Минск, Киев, Москву, Алма-Ату — столицы тех стран, на территориях которых находилось ядерное оружие бывшего Советского Союза. Перед поездкой он выступил с длинной речью в Принстонском университете, в которой звучала серьезная озабоченность по поводу возможной ситуации в бывшем СССР. «...Если народы бывшего Советского Союза сорвутся в пропасть фашизма и анархии, — заявил госсекретарь, — то они потянут за собой и весь Запад [2, 889]».

Правительство США чрезвычайно пугал взрыв националистических настроений, особенно заметный на Украине. В этом мог убедиться Дж. Буш во время своего визита в Киев в начале августа 1991 г. Выступая в Верховном Совете тогда еще советской Украины, американский президент заявил следующее: «Америка не будет поддерживать тех, кто стремится к независимости ради того, чтобы заменить тиранию центра на местный деспотизм. Они не будут помогать тем, кто пропове-

дует убийственный национализм, основанный на этнической ненависти» [4]. Сегодня по всему видно, что нынешняя администрация США не знает того, что говорил американский президент в 1991 г. Кстати, один из самых опытных американских президентов США, по крайней мере, в XX столетии.

США приложили энергичные усилия с целью побудить Казахстан, Украину и Белоруссию передать ядерное оружие в распоряжение Российской Федерации. В конечном итоге было подписано соответствующее соглашение. Правда, Президент независимой Украины Л. Кравчук попытался уклониться от выполнения этого соглашения, явно намереваясь использовать ядерное оружие в качестве будущего политического шантажа. Вашингтон оказал на Украину сильное давление, предупредив, что Украина не может рассчитывать на американскую помощь, если она не выполнит соглашение по ядерному оружию. В этой связи уместно заметить об одной особенности независимой Украины: ее правительство подписывает международное соглашение, но, как правило, уклоняется от его выполнения.

Однако распад Советского Союза не сопровождался ни хаосом, ни этническими конфликтами или гражданскими войнами, удалось избежать расползания ядерного оружия, и по всему видно, что в Вашингтоне постепенно стали формироваться определенные подходы к формированию нового мирового порядка без участия России и без учета ее интересов.

В 1994 г. администрация Клинтона внесла существенные корректировки в подходах к проблемам постсоветского пространства. США стали претворять в жизнь новую политику в отношении СНГ и роли России на постсоветском пространстве и более широко — к проблемам евразийского пространства.

Новый подход к постсоветскому пространству получил название «геополитического плюрализма». В Соединенных Штатах Америки окончательно пришли к решению не допустить появления на территории бывшего СССР нового консолидированного объединения, тем более под эгидой России. Впервые об этом было официально объявлено в марте 1994 г., когда помощник госсекретаря Питер Тарноф заявил на приеме в Госдепартаменте: «США до сих пор не уделяли должного внимания странам, граничащим с Россией. Эта ситуация должна измениться, так как страны, опасаящиеся российской экспансии, имеют свои законные интересы, которые США и Запад не могут игнорировать [8, 21]».

Вместе с появлением новой доктрины в отношении постсоветского пространства в лексиконе американской политической элиты появился термин «неоимпериализм». Политика России в отношении стран СНГ представлялась не иначе, как «неоимперской», независимо от того, была ли она направлена на создание системы коллективной безопасности, проведение миротворческих операций или попытки воссоздания единого культурного и информационного пространства.

Следует отдать должное усилиям американской дипломатии и американскому внешнеполитическому сообществу. Она все-таки заставила Россию опасаться обвинений в проведении «неоимперской» политики, что значительно повлияло на эффективность и решительность политики России в отношении ближнего зарубежья. Стараясь избежать обвинений в «неоимперской» политике, Россия крайне редко использует многочисленные рычаги воздействия, стремясь направить свое отношение в русло модной и популярной доктрины «мягкой силы». Как метко выразился один из участников нынешних бурных событий на Украине: «Это не „мягкая сила“, это — „мягкое бессилие“».

Особое место в стратегии геополитического плюрализма США отводит Украине, которая в последние 20 лет занимает одно из ключевых мест в российско-американских отношениях. Энергичные последовательные и упорные действия США были направлены на то, чтобы оторвать Украину от России. Мотивы особого внимания к Украине не скрываются. Все эти идеи и концепции хорошо известны по трудам Зб. Бжезинского.

Начиная с 1994 г., Украина становится объектом колоссального воздействия со стороны Соединенных Штатов. Украина стала третьим, после Израиля и Египта, получателем помощи США. Американская дипломатия приложила огромные усилия для того, чтобы убедить правительство Украины начать хотя бы какие-нибудь рыночные реформы — без этого общественное мнение США было трудно убедить в необходимости такой масштабной помощи. На Украину был направлен мощный поток самых разнообразных субсидий, образовательных программ, благотворительных фондов, различных советников, которые разрабатывали проекты реформ экономики, избирательной и политической систем и т. д. По данным различных источников, на реализацию проекта «Украина» США израсходовали от 5 до 10 млрд долл., и это только расходы из федерального бюджета, которые не учитывают вложения различных фондов и благотворительных орга-

низаций, в частности, со стороны украинских общин США и Канады. Известно также, что фонд Дж. Сороса внес огромные вложения в реализацию проекта «Украина», сумма которых пока остается тайной.

Однако эти энергичные усилия принесли мало результатов в деле демократизации украинского государства. Все они тонули в коррупционных и бюрократических потоках украинской политической системы. Больше всего лидеров США смущала внутренняя нестабильность на Украине, хрупкость этого государственного новообразования и его ненадежность в новой геополитической ситуации.

Бывший американский посол в Москве Джек Мэтлок был в Киеве в 1994 г., руководители страны показали ему результаты опросов общественного мнения, которые отражали опасную поляризацию сил на Украине. Власти серьезно опасались того, что растущее недовольство на востоке и юге создает большую угрозу независимости Украины, чем «угроза с севера» — излюбленная тема украинских СМИ и официального Киева [7, 724]. События в ноябре 2004 г. показали, что эти опасения имели под собой глубокие основания. Это был первый звонок, известивший о наличии трещины между западом и востоком, способной привести к расколу Украины.

По всему видно, что в Вашингтоне отказались от идеи распространения демократии на Украине и сделали главной ставку на культивирование русофобии, чтобы окончательно оторвать ее от России и не позволить Украине участвовать в каких-либо интеграционных процессах на территории СНГ.

США шли к этой цели 20 лет. Первая фаза по реализации этой политики охватывает 1994–2004 гг. Казалось бы, эти усилия завершились победой. К власти в Киеве был приведен человек открытой проамериканской ориентации. Однако главной целью украинского сценария была не собственно Украина, а Россия. В разгар событий на Украине в конце 2004 г. Зб. Бжезинский писал: «Ставки огромны и выходят далеко за рамки вопросов о демократии на Украине» [3]. Еще более откровенно выразился Ч. Краутхаммер: «Кризис касается в первую очередь России, и демократии лишь во вторую очередь» [6].

Казалось бы, Оранжевая революция 2004 г. завершилась успехом, однако Вашингтон не учел в своей украинской политике ряд важных обстоятельств, и среди них то, что на сегодняшний день Украина имеет все признаки несостоявшегося государства, представляющим явно несовместимое соединение культурно-цивилизационных сообществ.

Эти обстоятельства еще раз дали о себе знать во время второго украинского кризиса. Не очень полагаясь на демократические процедуры, Вашингтон сделал ставку на государственный переворот, с целью поставить у власти проамериканских лидеров. На Западе явно закрывали глаза на то, что пришедшие в результате переворота к власти люди, являются прямыми духовными наследниками бандеровцев — пособников нацистов, прославившихся кровавыми карательными операциями на оккупированных территориях Польши, Украины, Белоруссии.

Мы являемся свидетелями удивительного повтора исторических событий. В 1933 г. Запад закрывал глаза на преступления в нацистской Германии, уповая на то, что Гитлер пойдет на Восток. Сегодня Запад так же не желает видеть на Украине возрождение нацистского духа, уповая на то, что современные нацисты оторвут Украину от России.

Украинский кризис еще далек от завершения, однако события последних 20 лет дают достаточно оснований для подведения некоторых итогов о роли украинского фактора в российско-американских отношениях. Во-первых, несмотря на сложный клубок внешних и внутренних причин и обстоятельств, породивших кризис на Украине, вся его история демонстрирует то, что он осуществляется по сценарию, который готовился и координировался из Соединенных Штатов. Тому есть множество свидетельств и подтверждений. В его реализации участвовали и внешнеполитические ведомства США, и многочисленные НПО, и фонды, и СМИ. Такой подход к украинской проблеме лишний раз продемонстрировал одну из сильных черт американской внешней политики — ее консолидированный характер. Вместе с тем такой дружный антироссийский и одноплановый характер освещения украинских событий в США заставляет нас усомниться в объективности, свободе и беспристрастности американских СМИ.

Во-вторых, в доктрине геополитического плюрализма Украине отводится особая, ключевая роль. Нет сомнения в том, что Украина представляет собой главное направление в наступлении и давлении на Россию. Современные события на Украине — это не битва за Украину, это борьба против России с тотальным использованием всех ресурсов — дипломатических, пропагандистских, политических, экономических. В этом наступлении на Россию Вашингтон приемлет любую Украину — либеральную, националистическую, профашистско-тоталитарную, лишь бы она следовала антироссийскому курсу. Сегодня Украина в США представляется как бастион демократии в Центральной Европе.

Если там утвердятся на какое-то время националистический режим, то не приходится сомневаться, что эта страна будет представляться как бастион стабильности в Центральной Европе (вопрос о демократии будет задвинут на задворки политического лексикона).

В-третьих, Вашингтон заботливо пестовал ростки украинского национализма, которые дали обильные всходы. На Украине уже выросло новое поколение, воспитанное в какой-то неистовой русофобии. Вот что говорил недавно один из лидеров Майдана: «Россия — это лютей враг Украины. Украина не будет свободна никогда, пока существует Российская Империя в том или ином виде». В этом высказывании человека с улицы в самом незамысловатом виде слышатся нам отголоски доктрин и концепций высказываемых известным нам Зб. Бжезинским.

Далее. Главные причины украинского кризиса имеют глубинный внутренний характер, о чем уже сказано достаточно много. Однако Вашингтон умело перевел стрелки ответственности за этот кризис на Россию. Россия не то чтобы проиграла информационную войну в этом кризисе, она практически просто ее не вела. Однако было бы неверно утверждать, что Россия не понимала важность отношений с Украиной. Например, в период своего первого президентства В. В. Путин посетил Украину больше всех других стран и неоднократно говорил о том, что для России отношения с Украиной имеют гораздо большее значение, чем отношения с США. Но это понимание не было реализовано в каких-либо дипломатических, политических, культурных программах, адресованных Украине.

Вторая фаза реализации доктрины «геополитического плюрализма» для Украины началась в 2014 г. Вряд ли события 2014 г. принесут новые победы, но совершенно очевидно, что Вашингтон не отступится от Украины. Надо быть готовым к тому, что наступление на украинском фронте может завершиться серьезными осложнениями для российско-американских отношений, для Украины и в целом для всей системы международных отношений.

Далее. Совершенно очевидно, что Украина — это не причина, это повод для развернутого давления на Россию. Украинский кризис — это выстрел в саму идею евразийского сообщества, инициируемого Россией, демонстрация того, что США не остановятся ни перед чем, чтобы не допустить интеграции постсоветского пространства в любом виде и в любой форме, о чем неоднократно заявляли высшие руководители США.

В связи с украинским кризисом следует обратить внимание еще на одно обстоятельство возможного воздействия на российско-американские отношения. В американских СМИ и аналитических исследованиях запущен в ход тезис о «параде демократических революций» вдоль границ России, которые несут угрозу «режиму Путина» и судьбе самого российского президента. Нетрудно догадаться, о чем идет речь и где планируются новые революции у границ России. В подобной ситуации России важно «сыграть на опережение», а не дожидаться повторения нового украинского варианта.

Геополитические процессы, вызванные распадом СССР, еще далеки от завершения. Окончательные выводы о новой геополитической конфигурации на постсоветском пространстве делать еще рано. Вот что говорил, например, патриарх американской дипломатии Джордж Кеннан по поводу этой новой геополитической реальности: «Украинская территория — такая же часть их национального наследия, как для нас Средний Запад... Сепаратизм может обернуться бумерангом русского национализма». И далее его мнение о перспективах новых государств на территории бывшего СССР: «Маловероятно, что им удастся успешно удержать реальную независимость в течение продолжительного времени. Однако если они предпримут попытку, нам не следует ей препятствовать, чтобы не утратить навсегда симпатии этих меньшинств. С другой стороны, мы не должны связывать себя обязательствами поддержки такой линии их поведения, реализация которой окажется возможной только при нашей военной помощи [1, 97]».

Будущее российско-американских отношений напрямую зависит от исхода украинского кризиса. Очевидно, кризис станет перманентным состоянием Украины в обозримом будущем. Причиной его является не внешняя опасность, «угроза с Севера» (это просто громоотвод в сложной политической игре), а в непримиримости составных частей современного украинского государства. Такой пестрый конгломерат диаметрально противоположных этнокультурных субстанций не может быть прочной основой для государства без кардинальных внутренних преобразований. Тем более что националисты, захватившие власть в Киеве, явно стремятся превратить восток и юг Украины с преимущественно русским населением в колониальное владение «истинных украинцев», каковыми они себя считают. Нам хорошо известно презрительное отношение лидеров Майдана как к быдлу к населению юго-востока. Поразительная картина современного мира начала XXI века:

под покровительством Вашингтона в центре Европы зарождается новая колониальная классическая мини-империя.

Современный украинский кризис — это тяжелое испытание для российско-американских отношений. Украинский кризис и кризис российско-американских отношений может быть преодолен, если Вашингтон поймет, что упорное продолжение нынешнего курса неизбежно приведет украинское государство к катастрофе. Для США ситуация в СНГ — вопрос абсолютного доминирования на евразийском пространстве и в конечном итоге вопрос о масштабах мировой гегемонии. Процессы, происходящие в СНГ, не угрожают ни суверенитету, ни тем более территориальной целостности Соединённых Штатов. Для Вашингтона эта территория представляет сферу влияния, которая необходима для реализации успешной глобальной политики.

Для России отношения со странами СНГ — это не вопрос имперской реставрации, как искренне или по заблуждению считают в США. Следует иметь в виду, что значительная часть населения в странах СНГ не желает отчуждения от России. В конечном итоге третьи страны, стремящиеся распространить свое влияние на постсоветском пространстве, в меньшей степени заинтересованы в демократизации и экономическом процветании стран СНГ. События последних лет показывают, что новые правительства, пришедшие к власти в некоторых странах, даже при большом желании нельзя назвать демократическими. Главное их отличительной чертой является откровенная прозападная ориентация.

Усиление напряженности в странах СНГ представляет серьезную опасность для России. Проблема соседей для России — это проблема ее стабильности, территориальной целостности и в конечном итоге суверенитета. Это зона жизненно важных интересов для России, процессы в которой оказывают прямое воздействие на основы ее безопасности. Любое государство обязано защищать свои жизненно важные интересы, затрагивающие основу его существования, всеми доступными средствами.

Сегодня Вашингтон считает, что его стратегическая цель в отношении Украины достигнута: украинская верхушка и значительная часть населения, особенно в центральных и западных частях, стали откровенно русофобскими.

Сегодняшнее состояние этой части украинского общества напоминает состояние эйфории, которое было свойственно значительной части населения СССР в 1991 году. Однако, как мы теперь видим,

состояние эйфорического опьянения на большей части бывшего СССР уже прошло и наступает период тяжелого похмелья. Такое же тяжелое похмелье ожидает и Украину, и первым холодным душем ее отрезвления будет вступление в Европейский Союз.

Литература

1. Печатнов В. О. Человек на все времена (памяти Дж. Ф. Кеннана) // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2005. — № 7. — С. 80–99.
2. Baker J. A. America and the Collapse of Soviet Empire: What Has To Be Done. Address at Princeton University. Princeton, New Jersey. Dec. 12, 1991. [Electronic resource]. // US Department of State Dispatch — Vol. 2. — No. 50. — 1991 — 16 December — P. 889 — Mode of access: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1991/html/Dispatchv2no50.html>
3. Brzezinski, Z. Imperial Russia, Vassal Ukraine. Commentary by Zbigniew Brzezinski. // The Wall Street Journal. — 2004 — 1 December — P. A10.
4. Bush G. H. W. Remarks to the Supreme Soviet of the Republic of the Ukraine in Kiev, Soviet Union. 1 August, 1991. [Electronic resource] // Public papers — 1991 — August — Mode of access: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=3267&year=1991&month=8
5. Friedman T. L. Soviet Disarray; Noting Uncertainty in New Union, Washington Takes Cautious Plan. [Electronic resource] // The New York Times — 1991 — 10 December — P. 1 — Mode of access: <http://www.nytimes.com/1991/12/10/world/soviet-disarray-noting-uncertainty-in-new-union-washington-takes-cautious-path.html?module=Search&mabReward=relbias%3As>
6. Krauthammer, C. Why Only in Ukraine? [Electronic resource] // The Washington Post. — 2004 — 3 December — P. A27 — Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A30184-2004Dec2.html>
7. Matlock J. F., Jr. Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. — NY, 1995 — 836 pp.
8. Seely R. Kravchuk Warns of Russian Power, Urges Strong U. S. — Ukrainian Links. // The Washington Post — 1994 — 2 March — P. 21.

И. Д. Лошкарёв

ПОСЛЕДСТВИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ БЕЛАРУСИ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ; ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО — ФАКТИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ

После распада СССР и Организации Варшавского договора в восточной части Европы вновь проявился буферный международно-политический регион — «Пограничье». Это уникальное в мировой практике явление характеризуется подвижностью и разнонаправленностью движения границ, высокой интенсивностью их актуализации и изменения ими функций. Динамика движения границ в известной мере обуславливает многосубъектность и многоуровневость политических процессов в «Пограничье»¹. В 1990-е гг. внешнее (структурное) давление на государства региона увеличилось, что очевидно должно было повлиять на динамику границ. Во-первых, с расширением НАТО и ЕС на восток политические границы «Пограничья» несколько сузились. Во-вторых, в начале нового века Россия вернулась к стратегии политической консолидации соседних стран, которая для Кремля почти неизбежна по историческим и геополитическим (структурным) причинам².

Некрупные страны, такие как Беларусь и Украина, могут выступать для соседних центров силы либо в качестве разъединяющего буфера, либо в роли соединяющего моста. С теоретической точки зрения, второй вариант предпочтительнее для подобных государств, но право выбора принадлежит более могущественным соседям. То есть, параметры отношений РФ—ЕС фактически задают модель внешней политики Беларуси и Украины, а в случае буферного варианта, такие страны выступают в роли объекта повышенного интереса заинтересованных сторон, своеобразного «геополитического раздражителя». В то же время, элиты постсоветских республик не осознают такой расклад сил, пытаются искать комбинации, где их государства могли бы выступить в качестве центров притяжения, важных геополитических единиц³.

Названные процессы существенно сказались на политической активности и внешнеполитической ориентации Беларуси и Украины.

Стартовые позиции двух государств были сходными: в бывших советских республиках происходило постепенное перетекание властных полномочий от парламентов с заметными националистическими фракциями («Рух», БНФ) к номенклатурным лидерам (В. Ф. Кебич и А. Г. Лукашенко, Л. М. Кравчук и Л. Д. Кучма). Почти аналогичными были и внешнеполитические ориентиры. В частности, в украинской и белорусской *Декларациях о государственном суверенитете* (16.07.1990 и 27.07.1990 соответственно) отмечалось намерение добиваться нейтрального статуса⁴.

Однако похожие условия привели к противоположным результатам, а к началу нового века пути соседних государств разошлись: Беларусь стала участником Союзного Государства и ДКБ, Украина — провозгласила целью членство в НАТО и ЕС. Более того, в *Концепции национальной безопасности РБ* от 17 июля 2001 г. отмечалось, что создание или расширение военно-политических союзов (то есть НАТО) представляет собой потенциальную угрозу (пункт 2.2.1) и осложняет военно-политическое положение республики⁵. То есть, попытки Украины в 1990-е годы наладить диалог с НАТО, вылившиеся в особое партнерство Украины и НАТО (1997), — формально рассматривались Беларусью как потенциальная угроза безопасности в военной и политической сфере. Данная логика прослеживается в *Военной доктрине РБ* (3 января 2002 г.), в которой расширение военных блоков и союзов названо уже основной внешней угрозой военной безопасности страны (п. 7)⁶. Последовавшее позднее заявление украинского президента Л. Д. Кучмы о намерении Киева присоединиться к Североатлантическому Альянсу означало, что данная угроза частично исходила с территории Украины.

В то же время, в 1990-е гг. Россия осуществляла прямое дотирование экономик постсоветских государств, в том числе Беларуси и Украины. Данная финансовая поддержка почти никак не увязывалась с продвижением интересов российского государства, преподносилась как «братская помощь» и часто была обусловлена личными связями между представителями политических элит бывших республик СССР. Формальными целями таких акций было сохранение влияния Кремля на процессы в ближайшем зарубежье, а основной формой таких дотаций — продажа углеводородов через непрозрачные ценовые механизмы. За период в 1994–2009 гг. объем дотаций для Украины за счет заниженных цен на газ составил 47 миллиардов долларов. Для Беларуси

за период 1995–2010 гг. объем финансовой помощи (включая кредиты и иные виды поддержки) составил свыше 60 миллиардов долларов⁷. Таким образом, Минск и Киев почти с одинаковой эффективностью использовали внешнеполитические амбиции Москвы. Однако с середины 2000-х гг. Россия стала пересматривать подходы к отношениям с соседними государствами и постепенно осознала необходимость отказать от прямого дотирования экономик как инструмента внешней политики.

В течение 1991–2005 гг. как на Украине, так и в Беларуси сформировались три взаимообусловленных узла противоречий с Россией. Во-первых, возникла и воспроизводится такая структура экономики, в которой целые отрасли зависят от российских энергоресурсов и льготной цены на них. Во-вторых, энергоемкость таких отраслей почти неизбежно вела к внешним заимствованиям, что делало Россию и российские финансовые структуры либо одними из крупнейших, либо почти единственными кредиторами. В-третьих, в процессе становления политической идентичности постсоветских государств «российская карта» (то есть, во многом два вышеупомянутых узла противоречий) служила для элит механизмом консолидации электората, причем в различные периоды отношений с Россией — то негативной (против «агрессии Кремля», «неоимпериализма», «навязывания решений из Москвы»), то позитивной («братские народы», «дружба соседних стран», «культурная близость»).

Очертив таким образом сходство и различие в развитии политико-экономической ситуации в двух странах, попытаемся проследить, какое влияние украинский кризис оказал на внешнеполитическую активность Беларуси и какими могут быть последствия этого кризиса для политического режима страны. Под украинским кризисом здесь и ниже подразумеваются следующие взаимосвязанные процессы:

1. приостановка Киевом процессов евроинтеграции осенью 2013 г.;
2. массовые акции протеста («Евромайданы»), завершившиеся свержением президента В. Ф. Януковича;
3. обострение военно-политической обстановки в восточных областях Украины и возникновение квазигосударственных «народных республик»;
4. эскалация напряженности в отношениях Киева и Москвы в связи с различным толкованием содержания и последствий произошедших событий.

Призрак евроинтеграции

Евроинтеграционные амбиции Украины для Беларуси представляют серьезный вызов. Причем, как полноценное подписание Соглашения об ассоциации с ЕС (далее — СА), так заминки с подписанием почти одинаково находятся в противоречии с интересами Минска.

В случае превращения Украины в государство, политико-экономически ассоциированное с ЕС, для Беларуси существенно меняется внешнеполитическая среда. Согласно *Концепции национальной безопасности* РБ от 9 ноября 2010 г. действия Минска направлены на формирование по периметру границ пояса добрососедства (п. 49)⁸. В нынешнем состоянии 3 из 5 государств, соседствующих с Беларусью, входят в состав ЕС, а с подписанием СА между Украиной и ЕС, «пояс добрососедства» фактически превратится в двухзвенный. Иными словами, Беларусь будет находиться в эпицентре противоборства между двумя соперничающими центрами силы. Такая политическая структура «Пограничья» будет оказывать существенное давление на Минск. Более того, после закрепления на «украинских рубежах» у ЕС возникает возможность переключиться на следующие цели, более плотно озаботиться вопросом прав человека и политических свобод в Беларуси, усилить и дополнить режим санкций. Кроме того, такая жесткая фиксация политических разделительных линий в «Пограничье» существенно сузит набор тактических приемов, доступных Минску. Например, подписание СА лишает Минск возможности прибегать к тактике «угрозы переориентации на Европу», которую А. Г. Лукашенко использовал в 2009–2010 гг. В ситуации после подписания СА, Россия может в любой момент проверить реальность заявлений Минска. Между тем, в прошлом такая тактика приносила Беларуси неплохие результаты: балансирование помогло занять самостоятельную позицию по проблемам моратория на ДОВСЕ, признания Абхазии и Южной Осетии, присоединения к «Восточному партнерству»⁹.

С точки зрения противоречий в сфере энергетики картина следующая: после подписания СА Украина будет адаптировать свое законодательство под европейское, в том числе имплементировать нормы так называемого Третьего энергетического пакета, касающиеся организации бизнеса по доставке и реализации энергоресурсов конечным потребителям. В случае успешного приспособления украинского энергетического сектора к новым правилам, поставки «голубого топлива» промышленным предприятиям смогут осуществлять компании, в том

числе, работающие на спотовых рынках. Безусловно, некоторое время остро будет стоять вопрос, каким образом доставлять газ в ГТС Украины, однако ясно, что монополии НАК «Нафтогаз» придет конец, что будет способствовать повышению конкурентоспособности на рынке энергоресурсов страны и, как следствие, размыванию энергетической взаимозависимости по линии Москва-Киев. На Беларусь такое развитие событий будет производить большой демонстрационный эффект, поскольку с фактическим объединением российской и белорусской энергосистем (в том числе, через покупку «Газпромом» акций «Белтрансгаза») энергетический узел противоречий сохраняется. В то же время, любое сохранение статус-кво на украинском энергетическом рынке будет иметь не меньший эффект, поскольку будет означать правильность выбранной А. Г. Лукашенко внешнеполитической стратегии.

Подписание СА имеет серьезные последствия для политической идентичности Украины, которая одной из первых постсоветских стран заключит подобное соглашение. Во внутренней политике усилится критика России, связанная с тем, что последняя по объективным и субъективным причинам препятствовала курсу Киева на европейскую интеграцию. Для Беларуси это может означать усиление оппозиционной (проевропейской) компоненты политической системы, повышение популярности евроинтеграционных процессов среди населения. Для этого есть некоторые электоральные основания: по данным мартовского опроса НИСЭПИ 55% респондентов выступают за изменение политического и экономического положения в стране, 53,2% — проголосовали бы за оппозиционного кандидата на выборах в президенты, 19,2% — считают, что через 10 лет Беларусь будет ближе к ЕС, чем к России¹⁰.

Тем не менее, затягивание подписания СА между Украиной и ЕС также невыгодно Минску. В таком случае у Москвы возникает соблазн пересмотреть расклад сил и вовлечь Киев в проекты региональной интеграции и отраслевого сотрудничества. Иными словами, под знаком вопроса оказывается статус Беларуси как единственного партнера России в «Пограничье». В таких условиях, Минск и Киев выступают конкурентами за российские дотации, то есть белорусская «доля» сокращается. Напомним, что в период мирового экономического кризиса Беларусь вышла на уровень 8–10 миллиардов долларов российских дотаций в год¹¹. Немаловажно и то, что дотации и кредиты РФ для Украины в случае их предоставления не будут сопровождаться столь же жест-

кими политическими и экономическими условиями, как для Минска. Известно, что предоставление Украине кредитной линии размером в 15 миллиардов долларов осенью 2013 г. не сопровождалось сколько-нибудь заметными политическими обязательствами Киева. Таким образом, внешнеполитическая модель Беларуси («ресурсы в обмен на верность») предстает в невыгодном свете, поскольку режим В. Ф. Януковича сумел договориться с Россией (17.12.2013) о более выгодных условиях дотирования («ресурсы в обмен на бездействие»).

Заразительность Евромайдана

Массовые протесты в Киеве и ряде областных центров Украины привели к разрушению установившего политического режима и формированию нового. Появилось немало соображений по поводу возможного распространения революционных настроений на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси. Согласно мартовскому опросу НИСЭПИ, у белорусского гипотетического аналога Евромайдана — Европлощи — нет поддержки подавляющего большинства населения. 56,2% респондентов отметили, что им не симпатична ни одна из противоборствующих сторон конфликта на Украине, а 79,8% — что только выборы и (или) мирные протесты могут использоваться для смены власти. При этом 57,4% участников опроса высказали мнение, что президент В. Ф. Янукович, несмотря на кровопролитие в Киеве и коррупцию, был отстранен незаконно¹². Тем не менее, возможные успехи Украины в процессе углубления ассоциации с ЕС, а также очевидная усталость от личности и режима А. Г. Лукашенко, объективно играют в пользу Европлощи. Более того, такие успехи, равно как и возможное неожиданное сближение Киева и Москвы, продемонстрируют слабость основного белорусского политического мифа — об эффективности политики президента. Если последствия от СА окажутся положительными для Украины, это станет основанием для упреков в Беларуси, поскольку А. Г. Лукашенко предпочел другой вариант. Если состоится маловероятное сближение Киева и Москвы, то отношения будут выстроены по упомянутой схеме «ресурсы в обмен на бездействие», что опять же выставит президента в невыгодном свете.

Согласно упомянутому опросу НИСЭПИ, подавляющее большинство белорусов (76,7% опрошенных) уверено, что в их стране Евромайдана произойти не может¹³. Во-первых, нет конкретных идей и персоналий на замену имеющимся. У гипотетической «Европло-

ши» нет лидеров (некоторые, правда, назовут А. В. Милинкевича или В. П. Некляева — кандидатов в президенты в 2010 году). Во-вторых, есть вероятность, что членство Беларуси в Таможенном Союзе, ОДКБ или Союзном Государстве существенно повысит возможности России вмешаться в случае повторения майданного сценария в Минске. Однако действенность указанных структур не следует переоценивать: стоит вспомнить открытые призывы А. Г. Лукашенко к применению контингентов ОДКБ внутри страны-члена (Киргизии), которые в свое время не были услышаны. Более того, вопреки единой системе ПВО Союзного государства, шведский легкомоторный самолет в августе 2012 года разбросал над территорией Беларуси плюшевых медведей — в знак протеста против ущемления свободы слова.

Сложная тактика Беларуси

В результате перехода Крыма в состав России, а также подозрений Киева по поводу роли Москвы в дестабилизации обстановки в восточных областях Украины, возникла сильная напряженность в отношениях Москвы и Киева, что соответствует интересам Минска и лишает смысла многие представленные выше варианты развития событий.

В то же время, присоединение Крыма к РФ составляет некоторую угрозу для дотационной квоты Беларуси, поскольку Москва вынуждена направить средства для приведения нового региона к общероссийским стандартам, в том числе социальным. По предварительным данным, объем средств, выделенный Севастополю и Республике Крым в 2014 г., составит 55,4 миллиарда рублей (почти 1,6 миллиарда долларов). А до 2020 г. в рамках федеральной целевой программы намечено выделить до 1 триллиона рублей (около 28,5 миллиардов долларов)¹⁴.

В подобных условиях Минску важно продемонстрировать с одной стороны поддержку начинаниям Москвы, а с другой — собственную значимость, важность сохранения дотаций на прежнем уровне. А. Г. Лукашенко четко осознает, что запасных позиций у него нет, сокращение финансовой поддержки России нельзя компенсировать со стороны. Именно этими обстоятельствами мотивируются сложная внешнеполитическая игра, осуществленная Минском весной 2014 года.

С одной стороны, Беларусь признала присоединение Крыма к России и одна из немногих отстаивала эту позицию на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН. Но с другой стороны, Беларусь уже в конце марта официально признала фактическое правительство в Киеве.

Более того, 22 апреля 2014 года президент А. Г. Лукашенко заявил, что новые власти Украины сформированы законно, а федерализация в сложившихся условиях недопустима. Вдобавок, официальная позиция Беларуси к апрелю сводилась к признанию бойцов ДНР и ЛНР сепаратистами и террористами, а не ополченцами¹⁵. Кульминацией сближения Минска с постмайданным Киевом стала встреча исполняющего обязанности президента Украины А. В. Турчинова с А. Г. Лукашенко (29.03.2014.). После столь демонстративного сближения с новыми украинскими властями Беларусь несколько раз предлагала свои услуги в качестве посредника (26.03, 3.04, 8.04, 10.04, 13.04). Однако намеченные на 4 апреля российско-украинские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел в Минске не состоялись, поскольку Москва сочла нужным добиться посредничества США и ЕС, более тесно связанных с украинскими кризисом, нежели Беларусь.

Таким образом, А. Г. Лукашенко намеревался заработать политический капитал на украинском кризисе и конвертировать его в определенные уступки России по дотационному режиму и условиям подписания соглашения об ЕЭС. Как ни парадоксально, посредническая миссия Беларуси давала определенный сигнал и для ЕС: сотрудничество со страной-посредником могло бы немало дать Брюсселю, но для этого нужен дифференцированный подход к странам «Восточного партнерства» и концентрация усилий на направлениях, где не наблюдается разногласий.

В целом, украинский кризис не оказал глубокого влияния на политические процессы в Беларуси, хотя в долгосрочной перспективе результаты нестабильности в соседнем государстве или, наоборот, успехи Киева в реализации Соглашения об ассоциации с ЕС — могут оказать весьма серьезное воздействие на внутривнутриполитическую динамику страны и ее отношения с соседними центрами силы (РФ и ЕС).

¹ Бреский О., Бреская О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». — Вильнюс, 2008. — С. 63–72.

² Бейсингер М. Феномен воспроизводства империи в Евразии // Мифы и заблуждения в изучении нации и национализма. — М., 2010. — С. 377–380.

³ Бригадин П. И., Веремева Н. П., Ротман Д. Беларусь в контексте европейской политики: между ЕС и Россией // Восточное партнерство: проблемы и перспективы / Под. науч. ред. Е. А. Коростелевой. — Минск, 2011. — С. 131–132.

⁴ Декларация о государственном суверенитете Украины [Электронный ре-

курс] // Законодательство Украины. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/55-12>; Декларация ВС РБ «О государственном суверенитете» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=V09000193

⁵ Указ Президента Республики Беларусь № 390 от 17 июля 2001 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Интернет-портал юридической консультации. — Режим доступа: http://www.spravka-jurist.com/base/part-qd/tx_qsxqvu.htm

⁶ Закон Республики Беларусь № 74-З от 3 января 2002 г. «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H10200074&p2={NRPA}>

⁷ Невоенные рычаги внешней политики России: региональные и глобальные механизмы/ Под ред. М. В. Братерского. — М., 2012. — С. 231–233.

⁸ Указ Президента Республики Беларусь » № 575 от 09 ноября 2010 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=P31000575

⁹ Невоенные рычаги внешней политики России. — С. 242.

¹⁰ Национальный опрос: март 2014 [Электронный ресурс] // Независимый институт социально-экономических и политических исследований. — Режим доступа: <http://www.iiseps.org/dannye/45>

¹¹ Невоенные рычаги внешней политики России. — С. 239.

¹² Национальный опрос: март 2014 [Электронный ресурс] // Независимый институт социально-экономических и политических исследований. — Режим доступа: <http://www.iiseps.org/dannye/45>

¹³ Там же.

¹⁴ Почти 1 трлн рублей из федерального бюджета пойдет на развитие Крыма до 2020 года [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26131151/pochti-1-trln-rublej-iz-federalnogo-byudzheta-pojdet-na-ixzz34jaLctq4>

¹⁵ Лукашенко и Турчинов обсудили ликвидацию «террористов» в Славянске [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1795373.html>

ОБ АВТОРАХ

Александрова Мария Викторовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Алексанян Ашот Сейранович — кандидат политических наук, доцент Кафедры теории и истории политической науки Факультета международных отношений Ереванского государственного университета

Бергер Яков Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Беспалов Сергей Валериевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

Быков Александр Наумович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Васильев Сергей Константинович — заместитель директора МИЭП МГИМО МИД России

Грачиков Евгений Николаевич — кандидат политических наук, социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

Дадабаева Зарина Абдурахмановна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Захарова Людмила Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Криворотов Андрей Константинович — кандидат экономических наук, начальник Департамента корпоративных отношений, секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ»

Ларин Александр Георгиевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Ли Син (Li Xing) — доктор исторических наук, профессор, Директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета КНР, Эксперт Центра по изучению современного мира при Министерстве иностранных связей ЦК КПК, Член Экспертного совета Всекитайского комитета по тихоокеанскому региональному сотрудничеству (CPRCC) при МИД КНР

Лобов Роман Николаевич — магистрант Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Лошкарёв Иван Дмитриевич — студент второго курса магистратуры МГИМО МИД РФ

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН

Пятачкова Анастасия Сергеевна — магистрант Факультета мировой политики и мировой экономики НИУ «Высшая школа экономики»

Рябова Мария Игоревна — студентка магистратуры «Устойчивое развитие и стратегическое управление в энергетике» Международного Института Энергетической Политики и Дипломатии МГИМО МИД России

Сальгин Валерий Иванович — доктор технических наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, вице-президент Международной академии ТЭК

Сальников Вячеслав Иванович — кандидат исторических наук, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета

Сафронова Елена Ильинична — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Слинько Елена Александровна — кандидат политических наук, преподаватель Воронежского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Токарев Алексей Александрович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России

Хубаева Алиса Олеговна — студентка магистратуры «Устойчивое развитие и стратегическое управление в энергетике» Международного Института Энергетической Политики и Дипломатии МГИМО МИД России

Циватый Вячеслав Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, Первый проректор по научно-педагогической и учебной работе Дипломатической академии Украины при МИД Украины

Шадрина Екатерина Алексеевна — аспирантка Челябинского государственного университета

Ширяев Борис Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой американских исследований СПбГУ

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
25–26 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 18.10.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 10,95
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головнин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская
Анджей Артурович Габарта
Нина Сергеевна Дымщиц